В. В. Розановъ

Война 1914 года

и

Русское возрожденіе

ПЕТРОГРАДЪ
1915

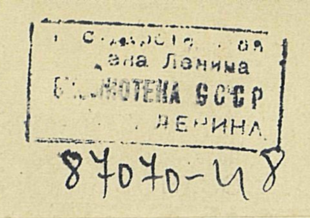
В. В. Розановъ

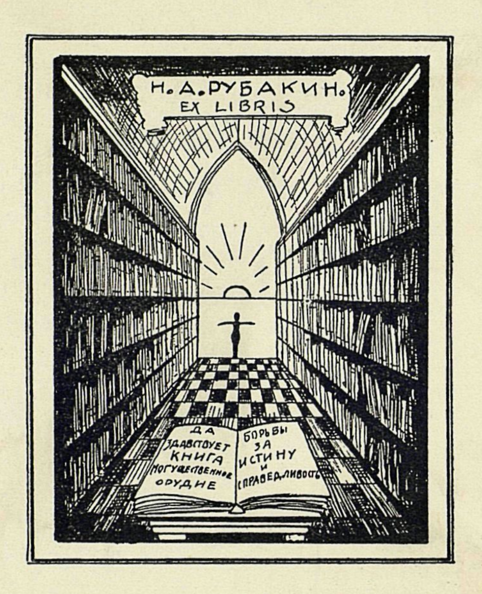
Война 1914 года

и

Русское возрожденіе

Петроградъ
1915

 Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“. Эртелевъ, 13

СОДЕРЖАНІЕ.

На улицахъ Петербурга

I

Что-то неописуемое дѣлается вездѣ, что-то неописуемое чувствуется въ себѣ и вокругъ... Какой-то приливъ молодости. На улицахъ народъ моложе сталъ, въ поѣздахъ—моложе... Все забыто, все отброшено, кромѣ единаго помысла о надвинувшейся почти внезапно войнѣ, и этотъ помыслъ слилъ огромныя массы русскихъ людей въ одного человѣка... Въ Петербургѣ ночью—то̀ особенное движеніе и то̀ особенное настроеніе, разговоры, тонъ,—то̀ самое выраженіе лицъ, какое мы всѣ и по всѣмъ русскимъ городамъ знаемъ въ Пасхальную ночь.

Вѣдь и Пасху мы называемъ «красною»; христосуемся краснымъ яичкомъ, окрашеннымъ въ этотъ именно цвѣтъ по символу

искупительной крови... Дрожитъ напряженіемъ русская грудь и готовится вступить въ пасхальную «красную» годину историческихъ судебъ своихъ, дабы подвигомъ и неизбѣжною кровью купить спасеніе тѣхъ остатковъ братскихъ народовъ, одна половина которыхъ лежитъ мертвыми костями подъ тевтонскимъ и мадьярскимъ племенемъ, а за другую, еще живую половину нашихъ братьевъ, теперь пойдетъ послѣдній споръ и окончательная борьба. Въ русскомъ народѣ — глубоко историческое чувство. Онъ сознаетъ громаду свою, мощь свою; онъ знаетъ, что мощь и громада эта «не напрасно лежатъ у Бога». И знаетъ также, что множество народовъ смотрятъ на эту громаду — одни съ ревнованіемъ, ненавистью и опасеніемъ, другіе — съ надеждою, какъ на покровъ и щитъ свой. И вотъ пришелъ годъ испытанія, «крѣпокъ» ли щитъ этотъ, надеженъ ли этотъ покровъ?

Ни одной нигдѣ хвастливой фразы не приходится слышать. Всѣ инстинктивно чувствуютъ надвинувшуюся грозу, и знаютъ, что около грозы никакое праздное

слово неумѣстно. А хвастливость—праздное слово. Но слышится рѣшительно вездѣ одно великое, радующее слово: «будемъ всѣ какъ *одинъ*, забудемъ всѣ свои *раздѣленія* и всѣ домашнія былыя *ссоры*». И этотъ энтузіазмъ къ единству и радость о единствѣ входятъ большимъ стимуломъ въ народныя уличныя движенія и придаютъ имъ возвышенную нравственную окраску. По-истинѣ, можемъ сказать какъ въ пасхальный искупительный день — «Да другъ друга обымемъ».

Такъ мы обымемъ всѣ другъ друга передъ великою и страдальческою «нужею», какъ называютъ лѣтописи всякій народный трудъ, и терпѣніе, и страданіе. Мы входимъ въ историческую годину. Оттого-то мы всѣ и помолодѣли, и пріосанились, что теперь каждый день пойдетъ какъ историческій день, каждая недѣля пойдетъ какъ историческая недѣля, и всякій изъ насъ, рѣшительно всякій, — большой и малый, старый и молодой, — уже сейчасъ дѣлаетъ историческое дѣло вотъ этимъ самымъ энтузіазмомъ своимъ, готовностью выносить, терпѣть, нести жертвы для Отечества, ко-

торое во-истину становится сейчасъ престоломъ и алтаремъ. Намъ придется много терпѣть,—но и счастливы, однако, мы, потому, что вѣдь рѣдкому поколѣнію выпадаетъ на долю пережить настоящую историческую эпоху.

И вотъ бьются наши сердца тревогою, готовностью и героизмомъ. Теперь у всѣхъ погоны на плечахъ—у крестьянина, у рабочаго, у чиновника, у купца; у многихъ эти погоны лягутъ на плечи и видимо, у другихъ—они лягутъ невидимо, заставивъ вздыматься его грудь по-солдатскому, по-военному. Нынѣ мы всѣ воины, потому что наша Россія есть воинъ, а съ Россіею—мы всѣ. Вотъ что подняло насъ... Ноги не стоятъ, а бѣгутъ. Всѣмъ куда-то хочется... Всѣ точно идутъ въ походъ; одни—физически, другіе за ними—мысленно, и вѣрою, и крестомъ.

Великая минута, великій годъ. Много онъ унесетъ, но много и принесетъ. Теперь мы всѣ живемъ—день за недѣлю, недѣлю—за годъ. Души расширились, и тѣло не поспѣваетъ за душою, и отъ этого такъ

торопится, спѣшитъ и трепещетъ. Оттого не сидится дома; оттого хочется выйти каждому на улицу и слиться съ волнами народными.

Старый былинный Микула Селяниновичъ пробуждается,—и около него будетъ много хлопотъ нѣмецкому гренадеру.

17 іюля.

II

Напоръ германскихъ племенъ на славянскія—завершился: Германская имперія объявила войну Русской имперіи. Исполинъ пошелъ на исполина. За нашей спиной — все славянство, которое мы защищаемъ грудью. Пруссія ведетъ за собой всѣхъ нѣмцевъ, — и ведетъ ихъ къ разгрому не одной Россіи, но всего славянства. Это — не простая война; не политическая война. Это борьба двухъ міровъ между собой.

Да не будетъ малодушнаго между нами. Сейчасъ одна мысль: объ единствѣ, крѣпости духа, твердомъ стояніи передъ вра-

гомъ. Будемъ всѣ какъ одинъ человѣкъ, будемъ какъ въ войну 12-го года. Это—вторая «отечественная» война, это—защита самыхъ основъ нашего отечества. Забывшаяся Германія видитъ, и всегда видѣла, главное ограниченіе своего могущества и необузданныхъ притязаній въ могуществѣ Россіи и силѣ духа ея арміи.

Германія повторила въ объявленіи войны Россіи тотъ жестъ, какой сдѣлала Австрія въ отношеніи Сербіи передъ войной. Что̀ это значитъ? Не хотѣла ли Германія выразить этимъ, что она смотритъ на Россію и уважаетъ Россію не болѣе и не иначе, чѣмъ Австрія — маленькій славянскій народъ? Ближайшіе недѣли и мѣсяцы покажутъ, такъ ли всепобѣдителенъ нѣмецъ, какъ онъ представляется самому себѣ.

Мужайся, русскій народъ! Въ великій часъ ты стоишь грудью за весь сонмъ славянскихъ народовъ,—измученныхъ, задавленныхъ и частью стертыхъ съ лица земли тевтонскимъ натискомъ, который длится уже вѣка. Если бы была прорвана теперь «русская плотина», нѣмецкія воды смыли бы только что освобожденные рус-

скою кровью народы Балканскаго полуострова...

Да пошлетъ Богъ свое благословеніе на нашего Государя и на нашу Родину въ ея великомъ и правомъ дѣлѣ!

19 іюля.

III

Люди, которые совершаютъ дурной поступокъ, но въ предположеніи, что это—поступокъ хорошій, что онъ—нуженъ, полезенъ и до извѣстной степени славенъ, конечно «заслуживаютъ снисхожденія» по суду присяжныхъ всего свѣта. Тутъ есть грѣхъ невѣдѣнія, но нѣтъ грѣха злобы, злодѣянія; даже нѣтъ «дурного поведенія», о которомъ вѣдь нужно предварительно знать, что оно—«дурное поведеніе», и тогда хорошій человѣкъ отъ него удержится, а дурной человѣкъ его пожелаетъ. Вотъ объ этой разграничительной линіи между «дурнымъ человѣкомъ» и «хорошимъ человѣкомъ» мнѣ и хочется сказать по поводу

разгрома германскаго посольства, какъ свидѣтелю со стороны... Хочется сказать, дабы торопливо отбросить тотъ сконфуженный и извиняющійся тонъ, какой и офиціально и неофиціально принятъ печатью,—и не одной печатью,—въ отношеніи народной толпы въ Петербургѣ, якобы становящейся бурной и угрожающей, сорной и порочной... Ничего подобнаго!

Было за̀-полночь, когда группа человѣкъ въ 200—300 принесла «трофеи» разгрома, «отнятые у германцевъ», именно портреты Государя и Государыни, къ подъѣзду одной редакціи, прося принять побѣдные знаки, т.-е. поставить отнятые у нѣмцевъ портреты—у себя. Они пропѣли гимнъ, *очень стройно* (чего безъ выучки едва ли можно сдѣлать), и ожидали... Въ редакціи сказали, что конечно «нельзя принимать», что это вообще—дурное дѣло, и «дурнымъ пахнетъ», а потому никто къ манифестантамъ не вышелъ и ничего имъ не отвѣтилъ. Ночь была теплая, и я сбѣжалъ на улицу и вмѣшался въ толпу...

Были люди «на̀-веселѣ»... Гдѣ, какъ и откуда они взяли «спиртного», я не знаю...

Въ трамваяхъ и въ вагонѣ я слышалъ, что по всѣмъ аптекамъ забранъ весь «рижскій бальзамъ», идущій въ пользу при заболѣваніяхъ желудка; можетъ, употребительны и другія специи... Этимъ или другимъ способомъ, но люди были нá-веселѣ,—только *не было* между ними *ни одного пьянаго.*

— Принесли портреты!.. Примите!!.. Неужели не примете?

Въ вопросѣ звучало полное недоумѣніе и почти готовность обвинить въ политической измѣнѣ... Не прямо въ «измѣнѣ», но все-таки — въ равнодушіи къ родинѣ, въ холодности, въ отсутствіи патріотизма.

Я растерялся. Говорить имъ о правахъ собственности, что портреты — германская собственность, «собственность германскаго посольства», и что это «не трофей, а кража» и тѣмъ паче «разбой»—было также невозможно, какъ невозможно увѣрять матросовъ, берущихъ на абордажъ непріятельское судно и подвергающихъ его разгрому, что они совершаютъ «разбой и убійство». Въ томъ и дѣло, что стоявшая толпа была толпа побѣдителей, и окунать ихъ въ холодную воду разочарованія

было люто, жестоко, и у меня не хватало духу сказать имъ правду...

Передо мной стояли люди-простецы, маленькіе русскіе люди, ничему или почти ничему не выученные, но грѣхъ которыхъ и заключался въ этой невыученности... Сейчасъ же за нею начинались героическія русскія чувства, которыми живемъ и всѣ мы, которыми мы и будемъ совершать подвиги на войнѣ: но *тамъ*—это будутъ «подвиги», ибо все будетъ дисциплинировано и по закону, а у этихъ бѣдныхъ и маленькихъ людей вышелъ «разбой», потому что *внѣ* дисциплины и *не* по закону... Они посмотрѣли на свой поступокъ съ «германскимъ посольствомъ», какъ на геройство, подвигъ и нѣкоторое величіе, потому что вѣдь посольство дѣйствительно являетъ собою дворецъ въ стилѣ средневѣковаго замка, и «взять» его и «уничтожить» для толпы простяковъ казалось чѣмъ-то грандіознымъ.

Будь посольство поменьше, поскромнѣе, потише—можетъ быть его бы и не разгромили. Но здѣсь контрастъ между «я» и «дворцомъ» былъ соблазнителенъ. Вѣдь

дѣйствовала и та иллюзія, что дворецъ стоитъ какъ дворецъ, что невѣроятная мысль, будто онъ не защищенъ, пустъ, будто его можно взять голыми руками и безъ сопротивленія — была не ясна этимъ людямъ, и совершенно необразованнымъ, и немножко на̀-веселѣ. «Ребята, ухнемъ!»—«Авось, осилимъ!»—И они вбѣжали, именно штурмуя его, и *отнюдь не грабя*, отнюдь не съ мыслью *грабежа*, *разбоя* и *озорства*.

«Онъ пустъ? Тѣмъ лучше! Враги *разбѣжались отъ страха!* Но мы камня на камнѣ не оставимъ отъ *вражескаго корабля*»...

Мнѣ передавали,—одинъ, другой, третій,—не о своемъ поступкѣ, а о поступкѣ *другихъ*,—какъ разрѣзали ножами дорогіе ковры, какъ срывали съ оконъ занавѣски, разбивали бронзовыя украшенія... Тутъ, вѣроятно, пошла и пассія разрушенія какъ разрушенія, которая, увы, вѣдь сопутствуетъ и всякому штурму, битвѣ, психологіи «побѣдителей внутри взятаго города». Позвольте, да снаряды, выпущенные въ Либаву, которая мирно дремала, которая не имѣла оружія въ рукахъ, многимъ ли разнится отъ разгрома германскаго посольства? Только та и раз-

ница, что германское посольство—въ Петербургѣ, а та́—на берегу моря. Но въ обоихъ случаяхъ—нападеніе на безоружнаго, что въ данномъ случаѣ и образуетъ марающее преступленіе. Въ газетахъ они читаютъ, что въ портахъ захватываются германскія торговыя суда,—то́же отнюдь не воюющія: и для простолюдипа въ высшей степени смутна разница между всѣми этими актами «захвата германскаго имущества», конечно захвата—не съ цѣлью вернуть, а «себѣ въ собственность»,—съ тѣмъ, что́ сдѣлали они, что́ сдѣлала толпа съ имуществомъ германскаго посольства, «захваченнаго на русской территоріи». *Мнѣ* это не очень ясно, въ физической, а не юридической сторонѣ дѣла,—а я учился въ университетѣ: какъ же вы хотите, чтобы это было ясно людямъ вообще необразованнымъ? Необразованный дѣйствуетъ по такъ называемому «естественному праву», jus naturale, а оно разрѣшаетъ «громить и уничтожать имущество вражеское на войнѣ».

Ну, а стоявшіе передо мною люди чувствовали «войну въ груди», «войну въ

сердцѣ», «войну въ душѣ»... Вѣдь въ чемъ же и состоитъ суть манифестаціи,—какъ не въ этой работѣ воображенія и чувства, которая «войну *далеко*» и «войну *завтра*» переноситъ въ войну «*сегодня и здѣсь*». Я болѣе холоденъ и въ манифестацію—не пойду. Но они—болѣе горячи и пошли, чувствуя «войну» въ камняхъ подъ ногами, которые будто шевелятся и жгутъ. Совсѣмъ другое чувство, другая мѣра чувства, и чувства—не худшаго!

Вина, мнѣ кажется, заключается въ томъ, что манифестантами слегка не руководили... Есть вещи, которыхъ темный человѣкъ совершенно не понимаетъ; и онъ особенно теменъ по части границъ и разграниченій,—«можно» и «не можно», «хорошо» и «грѣхъ». Онъ дѣйствуетъ «вообще» и слишкомъ «прямо». Мнѣ грустно и прямо страшно, что этихъ прекрасныхъ людей, которые въ ту ночь, когда я съ ними разговаривалъ, чувствовали себя «Миниными и Пожарскими», отмстившими врагу «за отечество»,—на другой день сказали и объявили, что они совершили «хулиганскій поступокъ»,—что они были только «громи-

лами». «На войнѣ, какъ на войнѣ»,—чувствовали они. «Война и вообще есть разореніе, разгромъ». «Убиваютъ», а не то́ что «бьютъ посуду» или тамъ какія-то «бронзовыя статуэтки». — «Позвольте: въ *Петербургѣ* никто войны не объявлялъ, она идетъ *на границахъ*».—«Но, позвольте—война идетъ между Германіей и Россіей, т.-е. между всѣмъ русскимъ и всѣмъ германскимъ»...

Убѣдить, конечно, можно, если бы *они учились*. Но они не учились,—и *въ этомъ вся вина*. Арестовали же внутри Германіи Кассо: а какой же онъ воинъ? Онъ *не воюетъ*, а его *взяли въ плѣнъ*. Большая ли разница съ тѣмъ, что германское посольство не защищается, а его все-таки *взяли штурмомъ?*

Его явно надо было охранять, и охранять—тому правительству, которому поручены германскіе подданные въ Россіи. Тутъ сдѣланъ промахъ, но не толпою, а администраціею. Зданія такого громаднаго дворца нельзя было оставлять нежилымъ, безжизненнымъ. Оно и подверглось стихійному разгрому, какъ именно «не жилое помѣщеніе», «выморочное имущество», которое

«никому не принадлежитъ». Какимъ образомъ въ громадномъ домѣ никто не далъ знать полиціи, что на него «нападаютъ». Какимъ образомъ архивъ и документы, которые (печатали въ газетахъ) были выброшены въ окно и сожжены,—не были заперты достаточно крѣпко, и вообще никѣмъ не охранялись? Все это странно, все это неосмотрительно. А гдѣ неосмотрительность, тамъ бѣда.

Народъ не можетъ вести себя какъ общество; народъ чувствуетъ все непосредственнѣе, живѣе, горячѣе; онъ прямѣе насъ и лучше насъ. Но онъ совершаетъ иногда грубые поступки, которые отнюдь не есть гнусные (избави Боже подумать) и хулиганскіе. Моя мысль заключается въ этомъ и ограничивается этимъ, чтобы убѣдить читателей и тѣхъ, «кому вѣдать надлежитъ», что разгромъ посольства былъ поступкомъ «въ затменіи», но отнюдь не на худой моральной почвѣ и даже не на худой морально-бытовой почвѣ.

Вытащивъ изъ кармана кусокъ германскаго флага, молодой человѣкъ оторвалъ мнѣ край и сказалъ:

— На-те. Храните на память. Германскій флагъ.

Я поблагодарилъ. Полюбовался. И положилъ въ карманъ, зная, что все—«не дѣло». Но какъ я ему скажу, когда онъ счастливъ «побѣдой»? Иллюзіи священны, какъ и факты. Милые петербуржцы пережили прекрасную ночную иллюзію—и Господь съ ними. Скажу по секрету и про себя, что это сто́итъ какихъ-то тамъ бронзовыхъ статуэтокъ. Хорошая народная минута стоитъ статуи. А что они ошиблись, то вѣдь кто же изъ насъ не ошибается?

— Вы пожалуйста *поподробнѣе* напишите въ газетѣ, все какъ *было*,—говорили они о разрывѣ ковровъ и срывѣ занавѣсокъ.

— О, непремѣнно! непремѣнно!! — отвѣчалъ я, зная, что «не дѣло»...

Повторяю, я *видѣлъ* этихъ людей, а кто будетъ читать меня или вообще, кто сейчасъ въ душѣ судитъ этихъ людей—*не видѣлъ* ихъ. А видѣвшій имѣетъ болѣе правъ сужденія.

Что касается убитаго человѣка, найденнаго на чердакѣ, то это какая-то тайна; мнѣ въ поѣздѣ пришлось слышать, что «на

чердакѣ нашли *уже не* свѣжій трупъ (т.-е. не сейчасъ убитый) убитаго человѣка». Говорившіе утверждали, что толпа, ворвавшись туда, *нашла тамъ его*; и у говорившихъ не было и подозрѣнія, что это—дѣло рукъ толпы.

Для оттѣненія я долженъ замѣтить, что въ толпѣ, съ которой я разговаривалъ, былъ «жаръ побѣды», но именно—чистый: ни гнѣва, ни ярости собственно противъ «нѣмцевъ» я не чувствовалъ. «Важно, что мы *побѣдили*», а что побѣжденный—худой человѣкъ,—этого мы не «говоримъ». Обыкновенное русское добродушіе. И капли злодѣянія, *какъ возможности*—тутъ не было.

22 іюля.

IV

Нѣтъ ничего непонятнѣе и даже малоизвѣстнѣе, нежели часто произносимыя слова, но которыя уже вывѣтрились въ исторіи, потеряли душу свою,—и теперь, сухія и мертвыя, перебрасываются въ рѣчи и разговорахъ какъ простое украшеніе этихъ

разговоровъ. Возникали они—и тогда чувствовались. Потомъ тысячу лѣтъ повторялись и теперь представляютъ собою то́же, что́ паспортъ—безъ человѣка, или паспортъ—покойника. «Слово»—есть, «описаніе примѣтъ»—есть; ну, а вотъ *онъ*-то самъ, — *его* нѣтъ. Онъ лежитъ въ гробу или на кладбищѣ, скрестивъ руки и нѣмъ. Въ текущее время предстоитъ «воскрешеніе словъ», почти еще труднѣйшее, и даже дѣйствительно труднѣйшее, чѣмъ рожденіе словъ. «Новая мысль родилась»—это не такъ трудно; и съ нею естественно рождается новое слово. Ну-те-ка, а поднимите вы на улицѣ ржавую мѣдную пластинку, остатокъ разбитой, изорванной гармоніи,—или обрывокъ струны отъ скрипки, и заставьте ее сыграть пѣсню...

Такъ я думалъ, поговоривъ съ молоденькимъ, лѣтъ 28, артиллеристомъ... Небольшого роста, худенькій, онъ весь свѣтился своими глазами, полными такого ума и ясности, что вамъ хотѣлось смотрѣть и смотрѣть въ эти глаза, а уже кстати и слушать рѣчь. Спѣшно вызванный съ ра-

ботъ, гдѣ-то въ Финляндіи, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь получилъ приказъ немедленно ѣхать на мѣсто постоянной службы. «Мы всѣ военные: у меня отецъ—полковой врачъ, сестра—замужемъ за офицеромъ». Еще какіе-то «дяди»—все военные.

Я замѣтилъ въ верхней части лба двѣ большія, массивныя выпуклости—признакъ напряженной работы мысли. Артиллерія—это вѣдь высшая математика. Передо мной сидѣлъ не только «офицеръ такой-то бригады» (цифра на эполетахъ), но и ученый: и всему—28 лѣтъ!..

Думается, нѣтъ и 28 лѣтъ: лицо юно, неописуемо юно! И эта непередаваемая ловкость, небольшая любезность и скромность движеній. Совсѣмъ другой чеканъ человѣка, чѣмъ «чиновникъ», «журналистъ», «актеръ», «профессоръ», среди которыхъ живешь и «слишкомъ хорошо знаешь»...

Заговорили о войнѣ, о предполагаемомъ командномъ составѣ арміи, онъ—о «своей родной крѣпости» и ея командирѣ... О видахъ на будущее, надеждахъ и опасеніяхъ.

Все, что онъ говорилъ, было въ высшей степени *утвердительно*. Не стану этого

исчислять, не стану этого и передавать. Выйдетъ похоже на сплетню, на слухи, а всего этого не надо около войны и... около священнаго воинства, какъ мнѣ надышала въ душу эту мысль фигура по истинѣ прекраснаго и замѣчательнаго человѣка, съ которымъ я говорилъ. Скажу читателю вообще и отдаленно, что въ нашей арміи, по его разъясненіямъ, «все обстоитъ благополучно».

Вспомнили Японскую войну. Заговорили о техникѣ.

— Ну,—сказалъ я—вѣдь теперь энтузіазмъ не рѣшаетъ дѣла, а рѣшаетъ его техника.

— Вовсе нѣтъ!!... Сражаться безъ одушевленія—невозможно. Тогда за спиною арміи была какая-то пустота: народа не чувствовалось, Россіи не чувствовалось. Одинокая армія билась точно въ какой-то пустынѣ,—потому только, что «отдана команда». И эта армія уже до битвы была не живая.

Онъ говорилъ какъ-то выпуклѣе, ярче и рѣзче, чѣмъ я. Мысль была та, что существуетъ невидимый токъ, соединяющій ар-

мію съ народомъ: и армія и живетъ и побѣждаетъ силами этого тока. А безъ него и безъ этихъ таинственныхъ силъ армія есть только складъ оружія, амуниціи, людей и ученой техники.

У офицера же я ясно читалъ въ глазахъ:

— Умру, и хорошо.

На меня какъ пахнуло чѣмъ-то... Вѣдь онъ оставитъ вдову и ребенка. Будетъ плакать сестра и «всѣ дяди»... Тутъ можетъ быть вмѣшался случай, о которомъ онъ мнѣ попутно разсказалъ, точнѣе—упомянулъ. Приказъ «явиться», какой онъ получилъ,—получилъ и его товарищъ, у котораго именно въ эти дни умирала отъ чахотки молоденькая жена и было двое дѣтей, что-то лѣтъ 5—6. И что же произошло: «приказанный» офицеръ уѣхалъ, оставивъ умершую и *не похороненную* жену и крошекъ дѣтей.—«И у него родныхъ нѣтъ».

— Какъ же? Какъ же?—спросилъ я въ гражданскомъ и общечеловѣческомъ испугѣ. Онъ отвѣтилъ: «Окружающіе знакомые сказали, что жену они похоронятъ, а дѣтей пока подержатъ у себя. Онъ же

пусть спѣшитъ скорѣе». Говорившій это—военный, и у него я не читалъ того страха, которымъ трепещетъ вся смертная тварь.

«Бываетъ», заключилъ онъ коротко. Въ умѣ свѣтилось полное пониманіе сути дѣла. А тонъ словъ говорилъ:

«Что́ дѣлать,—нужно».

Ни жалобы, ни критики, ни истерики.

«Да ты желѣзный», подумалъ я о юношѣ. «Фактъ и *молчаніе*», говорила его фигура. Я мысленно досказывалъ:

— Да что́ же такое въ самомъ дѣлѣ «мы», если *нужно Россіи*... Что́ же такое «наша» воля, выкрики, стоны, если *посылаетъ исторія!!*

«Посылаетъ исторія»... Кого???—Этого юношу! И такихъ, какъ онъ! Всю армію!!

«Боже мой! Боже мой! Ка̀къ же мы все это понимаемъ и чувствуемъ?!.. Вѣдь намъ корифеи литературы нашей разсказывали, что это «полковникъ Скалозубъ», который «развалился на софѣ», да «генералъ Бетрищевъ», который, умываясь, остритъ съ Чичиковымъ? Кто же не повѣритъ Гоголю и Грибоѣдову? И мы вообще-то и думаемъ, что офицеры «позвякиваютъ шпорами», а

батальные живописцы рисуютъ ихъ «въ кавалерійской атакѣ» съ саблями на-голо̀ на красивыхъ лошадяхъ. Но вѣдь это же совсѣмъ не то̀, и это безстыдство такъ думать, и какъ же намъ рѣшились внушать такія мысли,—хотя бы и «корифеи слова»! Дѣло-то вѣдь дѣйствительно въ *героизмѣ*, самое представленіе и чувство котораго исчезло, и осталось пустое слово, «паспортъ безъ человѣка»; а онъ—*есть*, этотъ настоящій человѣкъ, къ которому относится паспортъ, т. е. *существуетъ* дѣйствительный героизмъ, и лишь при наличности его можно побѣдить, а армія есть живое и выразительное лицо стоящаго за нею народа...

«Умереть»...

Это не такъ просто, это—уже не «паспортъ» и «прописка примѣтъ», а—*дѣло*. Газеты и полиція кратко отмѣчаютъ объ умершемъ на улицѣ человѣкѣ: «онъ умеръ». Литература очень кратко говоритъ о воинахъ: «они умерли»... «*Какое* намъ дѣло? Это—*шовинизмъ*».

Услышавъ такъ, можно дать въ физіономію или разрыдаться.

«Дьяволы: у васъ кто-нибудь умретъ, то́ вы—и рѣчи, и вѣнки, и воспоминанія, и некрологи. А тутъ 20.000 умерло, и вы—ничего, «шовинизмъ». Да вѣдь это только ругательство, тогда-какъ у нихъ...

Вотъ у того офицера, который и самъ черезъ два мѣсяца можетъ быть будетъ убитъ, за два мѣсяца до его смерти умерла жена, и онъ, *даже не похоронивъ ее*, поспѣшилъ къ «мѣсту службы»...

Почему??!!...

Потому что Россія не хочетъ, чтобы страдали, умирали, гибли, оплевывались и опозоривались единовѣрные и единокровные намъ славяне...

Потому что Россіи больно отъ боли славянъ...

И она хочетъ переболѣть сама, чтобы имъ не было больно...

И офицеры идутъ.

Идутъ солдаты.

Не литературные «солдатики», слащавые и маленькіе, а—бронзовые, большіе, великіе, герои...

Боже, истинно и велико это слово—«героизмъ», и—*живо* оно!! Живо, живо, *ѐсть*,

ѐсть!! «Не выдумка»... О, и будь же проклята эта гнусная выдумка, что «освобождаютъ славянъ» Скалозубы и Бетрищевы, и что они же бились съ Наполеономъ и вели Отечественную войну.

Боже, кто научилъ насъ этимъ гадостямъ? Кто внушаетъ?

«Учимъ съ дѣтства»...

Все это—изъ исторіи; изъ нашей страшной—увы, литературной—исторіи о томъ, «какъ насъ дѣлали нигилистами».

И бронзовая армія проходила молча мимо этого нигилизма и среди нигилистовъ.

23 іюля.

V

Среди того смятенія всякихъ извѣстій, всякихъ слуховъ, всякихъ предположеній, какія носятся въ воздухѣ, какъ стрижи передъ грозой,—не нужно выпускать изъ виду того основного электричества, которое насыщаетъ атмосферу Европы вотъ

уже тридцать лѣтъ, и также тѣхъ основныхъ вѣтровъ, которые нагнали теперешнія тучи. Эти вѣтры тоже не вчера зародились; и присматриваясь къ нимъ, мы можемъ не поддаваться тому угнетающему недоумѣнію, которое въ послѣдніе дни держитъ подъ собою Петербургъ. «Что-же Англія? Мы и Франція воюемъ, а она еще молчитъ?..»

«*Будущность* Германіи—*на моряхъ*» произнесъ императоръ Вильгельмъ въ началѣ своего царствованія. И тѣмъ опредѣлилъ программу этого царствованія, страстно желаемый финалъ его, — и вмѣстѣ заставилъ вздрогнуть старую властительницу океана, Англію. Поэтому не только удивительны, но вполнѣ изумительны выступленія либеральной части англійскаго общества и двухъ-трехъ ея газетъ, равно какъ и представителей рабочей партіи въ парламентѣ, — которыя «предостерегаютъ Англію отъ впутыванія въ европейскій конфликтъ». Правительство Англіи, которое имѣетъ передъ глазами не программы партій, а заботу о достигнутомъ уже величіи

и могуществѣ отечества, и этому величію грозитъ крахъ, — никакъ не можетъ слѣдовать такому требованію либеральной партіи, потому-что *само*-то оно—и не либеральное, и не консервативное, а просто есть англійское правительство. Нельзя быть правительствомъ Англіи и забыть объ Англіи. Нельзя заботиться о будущемъ, передъ которымъ стоитъ величайшая угроза,—и думать о вкусахъ партій и угожденіи этимъ вкусамъ. Несомнѣнно, вся Европа и даже весь міръ не кинулись-бы, какъ сейчасъ это есть,—къ оружію, чтобы ни произошло въ отношеніяхъ Сербіи, Австріи и Россіи, даже включительно съ Германіей. Все это опредѣленный уголъ міра, а не весь міръ. Между тѣмъ *встревоженъ весь міръ*,—и закрыты биржи не въ юго-восточныхъ странахъ Европы, но въ Амстердамѣ, въ Брюсселѣ и въ Лондонѣ. И можно сказать, что хотя кровь льется и рушатся зданія сейчасъ въ Бѣлградѣ,—но напряженія мірового электричества гораздо больше надъ Лондономъ и Берлиномъ.

Поэтому разсужденія о томъ, что «Англія можетъ быть останется внѣ конфликта»,

какъ и сообщенія о томъ, что «Берлинъ предлагаетъ Англіи сохранить нейтралитетъ, и въ такомъ случаѣ Германія ограничится сухопутною войною»,—суть по-истинѣ выкрики встревоженныхъ стрижей. Неужели Англія и Германія въ 1914-мъ году вдругъ позабудутъ о томъ, для чего и *для кого* они лихорадочно строили дредноуты и сверхъ-дредноуты?!... Да и вообще о *столкновеніи на моряхъ Германіи и Англіи* существуетъ вѣдь цѣлая литература,—тоже писавшаяся съ лихорадкою въ душѣ.

Это есть одинъ центръ электричества, и вмѣстѣ — одна тяга историческаго вѣтра. Если Англія, въ наступающемъ конфликтѣ, не уничтожитъ только-что отстроеннаго великолѣпнаго флота Германіи, но пока всетаки слабѣйшаго, нежели англійскій флотъ,—то черезъ два или три года германскій флотъ перевезетъ въ Англію сухопутную германскую армію для завоеванія Англіи. Когда, года четыре тому назадъ, въ Петербургъ и Москву пріѣзжала англійская миссія изъ первыхъ лордовъ страны и епископовъ, — то смыслъ этого посѣщенія не былъ нисколько теменъ ни для Россіи, ни

для Англіи. Ни славянство и Россія, ни Франція, ни сама Германія не положили такъ много изъ своей будущности «въ залогъ» при начинающемся чудовищномъ «метаніи картъ», какъ именно Англія. Если другіе положили «нѣчто» и даже «много» въ игру, то Англія въ ней «заложена вся». Воображать, что этого не знаютъ и не видятъ на берегахъ Темзы—могутъ только притворяющіеся или дѣти. И только такіе могутъ говорить, какъ теперь говорятъ со смущеніемъ многіе въ Петербургѣ, о какомъ-то «нейтралитетѣ Англіи».

Второй центръ напряженія электричества—это все нагнетаемая и нагнетаемая на славянство тоска обидъ и униженій отъ нѣмцевъ и отъ мадьяръ, въ данномъ пунктѣ опирающихся на нѣмцевъ. Прусская провинція «Померанія»—это старое славянское «Поморье». Славянское названіе нѣмецкой провинціи происходитъ отъ того, что когда-то была она населена славянскимъ племенемъ, отъ котораго не сохранилось ни языка, ни вѣры,—ничего. Всѣ

славяне были совершенно онѣмечены, т. е. изглажены въ лицѣ и языкѣ своемъ. Также нѣмецкая рѣка «Эльба»—есть великая рѣка «Лаба» славянъ. Самая середина Пруссіи лежитъ на славянскихъ костяхъ, какъ равно прекраснѣйшая провинція Австріи, Богемія, — есть окатоличенная, разбитая и униженная славянская Чехія съ великимъ своимъ священникомъ Іоанномъ Гусомъ, котораго живого сожгли на кострѣ. И во всю историческую судьбу свою Австрія, подталкиваемая Германіею, мучила и издѣвалась надъ славянствомъ и православною церковью. То, что она такъ жадно и ненавидяще бросилась сейчасъ на Сербію,—собственно отразило давно знакомый міру аппетитъ старой Волчицы. Она всегда питалась славянской кровью и славянской вѣрою.

Нѣмцы, которые всегда любили подводить философію подъ свои грубые и хищные аппетиты, — сочинили даже цѣлую теорію о полной непригодности всего славянскаго племени, въ томъ числѣ и русскихъ, къ образованію и культурѣ. Устами теперешняго императора своего и великаго

Бисмарка, они высказывали мысль, что славяне слишкомъ мягки и женственны, и не умѣютъ и не могутъ быть самостоятельны; но что въ сліяніи съ мужественнымъ тевтонскимъ племенемъ они могутъ дать превосходную помѣсь, способную къ культурѣ и политикѣ. Это значитъ, что славяне могутъ быть отличными рабами нѣмцевъ, и ихъ ученые даже производятъ имя «славянъ» отъ латинскаго слова «sclavi», «рабы». «Прирожденно-рабская нація», русскіе и славяне могли бы превосходно быть батраками у ихъ дворянъ, нести солдатчину подъ «прусскимъ лейтенантомъ», которымъ такъ восхищался Бисмаркъ,—и вообще продолжать роль полабскихъ славянъ возлѣ рыцарственной и философствующей тевтонской расы...

И вотъ нынѣ поднялся этотъ «безхарактерный» и «женственный» русскій мужикъ, чтобы показать сосѣдямъ, что не такая ужъ онъ «баба», какъ разсчитываетъ его сіятельство, прусскій юнкеръ.

Вотъ два электричества. Вотъ двѣ тяги вѣтра. Это будетъ великая расовая и

культурная борьба. Это будетъ именно—не война, а борьба.

Славяне борются за свое достоинство. Англія—за свое спасеніе. Противъ—всеподавляющаго нѣмца.

Душно стало отъ нѣмцевъ. Сперло отъ нихъ воздухъ. И разразилось все грозой.

21—23 іюля.

VI

Англія объявила войну Германіи. Тягостное ожиданіе разрѣшилось...

Величественныя слова Государя въ манифестѣ къ народу и арміи:

«Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли мы оружіе, но ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой нашей Имперіи, боремся за правое дѣло. Въ предстоящей войнѣ народовъ мы не одни, вмѣстѣ съ нами встали доблестные союзники наши, также вынужденные прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію».

Войны какъ великое воспитаніе

Войны завоевательныя нерѣдко бывали нравственно-разрушительны для побѣдителя; но войны оборонительныя всегда и безусловно построяютъ духъ народный, сжигаютъ въ немъ нечистыя частицы, объединяютъ его, уплотняютъ его, — ведутъ къ жертвѣ и героизму. Это всегда суть войны нравственно-воспитательныя. Такова была у насъ война 12-го года; съ таковыми же чертами у насъ начинается великая война 14-го года. Послѣднія войны Германіи — всѣ завоевательныя. Обобравъ Данію, Австрію и Францію, — Германія, когда-то бывшая страной Гете и Шиллера, Шеллинга, Фихте и Гегеля, стала государствомъ «крови и желѣза», по формулѣ и по зову Бисмарка, —

но безъ всякаго идеальнаго, свѣтоноснаго содержанія.

Уже сейчасъ Россія неузнаваема. Гдѣ этотъ горькій и часто низкій и циничный смѣхъ надъ собою? Гдѣ этотъ тонъ постояннаго отрицанія себя и преклоненія передъ всѣмъ чужимъ и, въ сущности, мало знакомымъ? Какъ налетъ пыли, какъ поверхностная, — болѣе некрасивая, чѣмъ опасная, — болячка, все это сметено очистительной бурей, поднявшейся у краевъ нашей державы. Какъ въ лучшія времена исторіи, Россія стоитъ одна и нераздѣленная, — потому что на границѣ всталъ врагъ, угрожающій тоже намъ «безъ раздѣленій», угрожающій намъ *всѣмъ*. Вотъ смыслъ и прекрасныхъ словъ лифляндскаго дворянства, и гораздо менѣе прекраснаго заявленія «кадетовъ», которые на это время могли бы спрятать свою громовую «опозицію правительству», и совершенно промолчать о ней... Но ни скромностью, ни особымъ умомъ кадеты никогда не отличались, и оставимъ это ихъ testimonium paupertatis, вѣчный знакъ ихъ бѣдности. Возьмемъ то̀, что̀ есть

цѣннаго въ заявленіи: «Россія и всѣ русскіе должны быть передъ врагомъ *нераздѣльны*».

Но вотъ и еще воспитательная и до извѣстной степени *учебная* сторона войны. Эти дни, когда зашевелились могучія части военнаго тѣла Россіи, мы осязательно и зрительно ощутили воочію и плечомъ около плеча, что̀ такое «Государство» и что̀ такое «Отечество». Увы, въ мирное время мы слишкомъ чувствуемъ себя только «членами общества» и мало-по-малу вовсе утрачиваемъ сознаніе въ себѣ «гражданина», т. е. члена именно колоссальной государственной организаціи. Теперь, когда въ лицѣ «запасныхъ» вдругъ мы видимъ своихъ товарищей по работѣ, по гражданской службѣ, своихъ сослуживцевъ по конторѣ и магазину—«воинами», совсѣмъ въ другомъ платьѣ и принявшими другой видъ и осанку, — мы вдругъ чувствуемъ «свое Государство», точно поднявшееся во всеоружіи изъ мирныхъ рядовъ вчерашней «публики». «Населеніе» и «публика» поднялись «вооруженнымъ народомъ»,—и обыватель скрылся въ «гражданинѣ», въ его строгихъ и отвѣтственныхъ чертахъ. Вотъ этой-то

«строгости» и этой-то «отвѣтственности» было мало у насъ,—по добротѣ и снисходительности Государства къ нашей обывательщинѣ. Государство въ обыкновенное время стоитъ уже слишкомъ задрапированное, слишкомъ закрытое бытомъ. Мы его вовсе не чувствуемъ. Какъ Гоголь сказалъ, что у насъ отъ иного города «три года скачи—ни до какого государства не доскачешь», такъ можно сказать, что у насъ «отъ публики и быта—до Государства и гражданственности сколько хочешь скачи— не доскачешь». Этимъ отчасти можно объяснить невѣроятную распущенность русской мысли и русскаго слова въ отношеніи Россіи, въ отношеніи Государства, въ отношеніи именно «обязанностей гражданина», которыя на столько лѣтъ точно вымерли въ нашей печати. Сейчасъ всѣ, рѣшительно до одного всѣ, чувствуютъ и говорятъ точь-въ-точь такъ, какъ говорилъ бывало Ив. Серг. Аксаковъ въ «Руси» передъ турецкой войной. Это совершенно неслыханное чудо и преображеніе вызвано тѣмъ, что «врагъ показался вблизи»,—врагъ опасный,—не то́, что былые Турки, о которыхъ

мы и заранѣе знали, что «побѣдимъ», — и что изъ мирнаго населенія и обывательскихъ рядовъ поднялись воины и оружіе...

Вотъ это ощущеніе Государства — есть вещь, ничѣмъ не замѣнимая въ смыслѣ обученія. Въ годъ войны мы многому научимся,—прямо передъ нами многое новое и неожиданное *раскроется*, — и въ новую Думу соберутся люди съ запасомъ совсѣмъ иныхъ чувствъ и иного сознанія въ груди. «Научиться Государству»—нельзя изъ лекцій и изъ книгъ, а газеты и вообще печатная «обывательщина», — газеты, белетристика, театръ,—только «разучиваютъ Государству», закрывая и затягивая его все бытомъ и бытомъ, все житейскими и житейскими «язвительностями». Все это имѣетъ свою цѣну и хорошую цѣну; но однако все это совершенно закрываетъ отъ насъ одну великую драгоцѣнность — вооруженное, могучее Отечество, готовое пойти на врага. Въ «быту» мы всѣ естественно слишкомъ раздробились; и только въ войнѣ чувствуемъ себя «всѣ вмѣстѣ». Это несравненный опытъ. Это—то̀ политическое воспитаніе, котораго вовсе не даютъ намъ «юри-

дическіе факультеты, которые суть какое-то «книжничество и фарисейство государственности».

Скелетъ и душа государственности, т. е. ея «твердое» и вмѣстѣ ея «одушевленіе»— есть дѣйствительно воинство на поляхъ битвъ. Воинство—съ его великой готовностью умереть... Что̀ можетъ быть выше, что̀ можетъ быть героичнѣе, что̀ можетъ быть священнѣе этой готовности и рѣшимости! *Такъ* умирали мученики за вѣру: и вотъ *такъ же* умираютъ воины за отечество. Отечество вдругъ представляется колоссальнымъ складомъ высшихъ идеальныхъ цѣнностей, какія вообще носимы народомъ,—но это-то «носимое», какъ крестъ за воротомъ рубахи, остается вообще отъ насъ и отъ посторонняго скрытымъ. Но когда «идутъ и умираютъ за *это*», «за Русь», «за вѣру», за «единокровность»,— какое же можетъ быть сомнѣніе, что это все есть *великое сокровище*. Ибо умираютъ съ готовностью и радостью, и значитъ всей цѣлой арміи, всѣмъ вооруженнымъ частицамъ народа это исчисленное—«вѣра»,

«Русь», «единокровность» — есть-воистину драгоцѣнность. И тогда у кого не поколеблется сердце передъ тѣмъ, какъ напасть на это сокровище, начать его поносить и ругаться ему? А вѣдь мы «въ мирные годы» только и дѣлаемъ и дѣлали, что это грубое отношеніе къ родинѣ и всѣмъ ея вѣковымъ святынямъ.

Мы живемъ въ чудные дни. Тò, что представлялось совершенно непобѣдимымъ, и то, чтò казалось совершенно невоскресимымъ,—побѣждается съ одной стороны и воскресаетъ — съ другой. На нашихъ глазахъ, въ каждой точкѣ родины, точно показывается свѣженькій, молоденькій хлѣбъ,— безъ старой ржавой «спорыньи» на немъ. Поистинѣ, — молодой хлѣбъ; поистинѣ — новый хлѣбъ. Чтò бы ни было, каковъ бы ни былъ ходъ войны, каковы бы испытанія ни предстояли намъ,—мы будемъ помнить и будемъ утѣшены тѣмъ, что мы въ нихъ—выздоравливаемъ; что трудъ страданія будетъ вознагражденъ и уже вознаграждается сейчасъ сторицею.

26 августа.

Забытые и нынѣ оправданные

(Поминки по славянофиламъ)

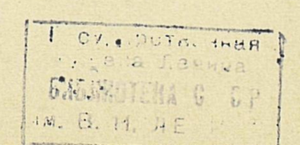
Вихри и бури историческія уносятъ и мысли наши... Человѣкъ не камень: съ душой колеблющейся, не увѣренной, съ сердцемъ жалостливымъ, онъ не останется «тѣмъ же», когда вихрь перемѣняетъ все кругомъ его, уноситъ одни зрѣлища, приноситъ другія зрѣлища, мѣняетъ «да» на «нѣтъ» и «нѣтъ» на «да»... Человѣка «сдуваетъ» съ его мѣста та мощь бури, которая—увы!—иногда сдуваетъ цѣлыя царства, троны и королей...

Писатели, поэты и мыслители всего менѣе могутъ сохранять тѣ «стройныя міросозерцанія», которыя они выростили въ себѣ въ ясную погоду, подъ теплымъ солнышкомъ и при безоблачномъ небѣ. Выро-

стили, и возлюбили, и долго любовались на нихъ, — и указывали прохожимъ: «посмотрите, какъ это прекрасно и истинно!» Все было «прекрасно»,—пока горѣло подъ солнышкомъ. Но нашли грозовыя тучи: и вдругъ все потемнѣло...

Ничего нѣтъ поучительнѣе и интереснѣе, какъ наблюдать нашу умственную жизнь сейчасъ; и особенно—для того, кто избралъ это наблюденіе до нѣкоторой степени спеціальностью.

Съ 19 іюля подъ внезапно налетѣвшимъ вихремъ все легло у насъ «плашмя»: все, чтó стояло гордо и, казалось, этому стоянью—и вѣка не будетъ; все, чтó высказывалось какъ «окончательная истина» и какъ рѣшенное «на все будущее»—снесено вихремъ, которому всего истекло десять дней... Это вѣдь памятная исторія нашего общества и литературы, когда въ 40-хъ годахъ и въ Москвѣ прощались и расходились друзья: Аксаковы, Хомяковъ, Погодинъ, Кирѣевскіе—въ одну сторону, Герценъ и Бѣлинскій — въ другую. Разъ Грановскому, общему другу тѣхъ и другихъ, случилось помѣстить одну статью въ «Мо-

сквитянинѣ» Погодина. Статья была интересная, и друзья спросили Бѣлинскаго: «читалъ ли онъ?»—«Нѣтъ»,—отвѣчалъ молодой энтузіастъ: «потому что я не люблю встрѣчаться и съ лучшими друзьями въ *неприличномъ мѣстѣ*». Такъ былъ названъ имъ единственный въ Россіи славянофильскій журналъ,—«влачившій существованіе». Предтеча грядущихъ журнальныхъ судебъ славянофильства... Отъ «Москвитянина» и до Аксаковской «Руси» всѣ они, эти славянофильскіе журналы, только «влачили существованіе»... Подымая такъ *тонъ*,—«я не хочу заглядывать въ *неприличныя мѣста*»,—Бѣлинскій тоже предугадалъ впередъ на 70 лѣтъ *побѣдный тонъ* цѣлаго хора шумныхъ и непрерывно успѣшныхъ, непрерывно любимыхъ журналовъ, которыхъ читателями съ самаго же начала сдѣлались всѣ русскіе, все образованное общество,—въ Москвѣ, Петербургѣ, въ провинціи, по самымъ далекимъ и захолустнымъ уголкамъ... Это не была побѣда. Какая же «побѣда», когда и *борьбы* никакой не было,—когда въ самый же моментъ раздѣленія наиболѣе пылкій и нѣсколько наивный

членъ одной группы друзей откровенно сказалъ, что онъ людей противоположнаго лагеря «не читаетъ», и—по мотиву, о которомъ что́ же сказать? «Неприличное мѣсто»... И, такъ какъ это былъ идейный міръ, такъ какъ дѣло касалось спора или, вѣрнѣе, того, что́ *могло быть* «споромъ»,—то онъ бросилъ моральное обвиненіе, въ своемъ родѣ плеснулъ кислотой въ лицо, цѣлому лагерю людей, гдѣ стояли Аксаковы, Кирѣевскіе, Хомяковъ, Погодинъ. «Славянофилы! Наши сла-вя-но-фи-лы! Ха-ха-ха...»

«Спора» никакого не было и не вышло... Было—гоненіе; было преслѣдованіе; было на семьдесятъ лѣтъ установившееся заушеніе, плевки, брызги жидкой грязи, лившейся съ колесъ торжественнаго экипажа, гдѣ сидѣли Краевскіе, Некрасовы, Благосвѣтловы, Шелгуновы, Скабичевскіе, Чернышевскіе, Писаревы, — на людей, жавшихся куда-то въ уголокъ, не слышимыхъ, не разбираемыхъ, не критикуемыхъ. Какое имя въ литературѣ С. А. Рачинскаго? — Никакого. По *имени*—знаютъ, *книгъ* его— никогда и никто не читалъ. Да что́ онъ?

кто́ онъ? Дворянинъ, помѣщикъ,—въ родствѣ поэта Боратынскаго, — профессоръ ботаники въ Московскомъ университетѣ, переводчикъ «Жизни растеній» Шлейдена и «Происхожденія видовъ» Дарвина. Доселѣ ничего позорнаго, отрицательнаго?— «Ничего», скажутъ.—Вышелъ, еще молодымъ, въ отставку и поселился въ родномъ имѣніи Татево, Смоленской губерніи, гдѣ построилъ школу, и, не отходя отъ нея, какъ отъ долга и службы, началъ учить крестьянскихъ дѣтей окрестныхъ деревень. Ничего?— «Даже похвально», слышится отвѣтъ. — Бралъ въ средство обученія, выполняя требуемую закономъ программу низшаго народнаго училища, житія святыхъ, церковныя и богослужебныя книги, «Часословъ» и Евангеліе. Изъ школы его вышелъ знаменитый живописецъ Богдановъ-Бѣльскій, а самъ со школьниками-дѣтьми онъ началъ первыя въ Россіи школьныя экскурсіи, но не за-границу, а въ знаменитые древностью и историчностью монастыри. Ну?—Нѣтъ отвѣта, молчаніе. Хуже: имя Рачинскаго, и какъ общественнаго дѣятеля, и какъ педагога, и какъ писателя

и ученаго, выброшено совершенно вонъ изъ литературы западниковъ, т. е. изъ всей почти русской литературы;—и на ихъ оцѣнку лицо Рачинскаго и трудъ его есть пустое мѣсто въ русской исторіи. Такъ какъ совершенно невозможно было что-нибудь сказать противъ труда его, такъ какъ въ немъ совершенно не было ничего для критики, порицанія, возраженія, насмѣшки,—то имя его за всѣ двадцать лѣтъ дѣятельности не было ни разу названо, произнесено въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Вѣстникѣ Европы», «Русскомъ Богатствѣ», «Русской Мысли».

— Почему? Вѣдь педагогъ, просвѣтитель?—Для крестьянъ!

— Да. Но онъ былъ христіанинъ. Онъ любилъ церковь. Онъ училъ дѣтей любить Россію.

Другихъ преступленій не было... Такъ вотъ въ *чемъ* дѣло и вотъ гдѣ *корень* расхожденія московскихъ друзей 40-хъ годовъ, которое опредѣлило собою на семьдесятъ лѣтъ ходъ русской общественности и литературы. Дѣло было вовсе не въ «славянофильствѣ» и «западничествѣ». Это—цен-

зурные и удобные термины, прикрывавшіе собою далеко не столь невинное явленіе. Шло дѣло о нашемъ отечествѣ, которое цѣлымъ рядомъ знаменитыхъ писателей указывалось понимать, какъ злѣйшаго врага нѣкотораго просвѣщенія и культуры, и шло дѣло о христіанствѣ и церкви, которыя указывалось понимать, какъ заслонъ мрака, темноты и невѣжества; заслонъ и— въ существѣ своемъ—ошибку исторіи, суевѣріе, пережитокъ, «то, чего *нѣтъ*».

— Религіи нѣтъ, а есть одна осязательность, реальность, одинъ матеріальный міръ; предметъ физики, химіи и біологіи.

— Души нѣтъ. Загробнаго міра нѣтъ. Наградъ и наказаній за эту земную жизнь нѣтъ. Бога нѣтъ.

— Исторія—путь ошибокъ и суевѣрій. Нужно все начинать сначала. Исторія реальная началась съ французской революціи, и ее продолжаемъ, — т. е. поддерживаемъ принципы французской революціи,— мы, Стасюлевичъ, Некрасовъ, Щедринъ, Краевскій и передовые профессора университетовъ.

— Россія не содержитъ въ себѣ ника-

кого здороваго и цѣннаго зерна. Россіи собственно — *нѣтъ*, она — только *кажется*. Это—ужасный фантомъ, ужасный кошмаръ, который давитъ душу всѣхъ просвѣщенныхъ людей. Отъ этого кошмара мы бѣжимъ за границу, эмигрируемъ; и если соглашаемся оставить себя въ Россіи, то ради того, единственно, что находимся въ полной увѣренности, что скоро этого фантома не будетъ; и его разсѣемъ мы, и для этого разсѣянія остаемся на этомъ проклятомъ мѣстѣ Восточной Европы. Народъ нашъ есть только «среда», «матеріалъ», «вещество» для принятія въ себя единой и универсальной и окончательной истины, каковая обобщено именуется «Европейскою цивилизаціею». Никакой «русской цивилизаціи», никакой «русской культуры»...

Но тутъ уже даже не договаривалось, а начиналась истерика ругательствъ. Мысль о «русской цивилизаціи», «русской культурѣ»—сводила съ ума, парализовала душу... Это было то̀ черное, что̀ если не заставляло болѣть и умирать Стасюлевичей и Краевскихъ, Пыпиныхъ и другихъ профессоровъ,

то лишь единственно потому, что они были въ обладанiи всѣми средствами, чтобы заставить умереть и захворать своихъ противниковъ. Въ «обладанiи всѣми средствами»: ну, понятно, какiя это «средства» въ духовномъ мiрѣ, въ идейномъ мiрѣ. Это—лишенiе права слова; моральное его лишенiе, литературное его лишенiе. Бѣлинскiй далъ понять «своимъ», т.-е. далъ понять всей читающей Россiи, что славянофильство есть нѣкоторое «неприличное мѣсто» въ духовной жизни нашего общества. Писаревъ, которому вся Россiя также кинулась на встрѣчу,—называлъ славянофильскихъ писателей и ученыхъ «Ванькиной литературой».

— Потому, что они вѣрятъ въ Бога и признаютъ Россiю.

«Признаютъ Россiю»... Славянофилы дѣйствительно учили, что Россiя содержитъ въ себѣ зерно самостоятельнаго и *другого* развитiя, чѣмъ по пути какого прошла Европа. И покоится это на двухъ фактахъ: другая церковь, другая исторiя. Вся западная политическая исторiя представляетъ собою *насилiе сильнаго надъ слабымъ*. Тотъ

способъ, какимъ произошли наши остъзейскіе бароны и графы,—этимъ способомъ произошли и западно-европейскія княжества, сливавшіяся въ королевства и выросшія до имперій. Вездѣ одинъ фактъ: въ мирное, тихое, живущее натуральной жизнью населеніе приходитъ толпа закованныхъ въ желѣзо воиновъ («рыцари»), ставятъ укрѣпленный домъ («замокъ»), окруженный рвомъ и высокой стѣной; и насиліемъ, принужденіемъ обращаютъ населеніе, окружающее эти «замки», въ рабство. «Господа» и «рабы», «феодальное дворянство» и съ другой стороны «крестьяне» и «ремесленники» — суть всего, зерно всего; это—общая ткань, изъ которой выткана вся Европа. Итакъ, запомнимъ: *насиліе* и *угнетеніе*. Тотъ же фактъ господствуетъ и въ церкви, не изъ иной ткани сшиты и ея золотыя ризы: католичество всегда было воинствующее, борющееся. «Воинъ» есть въ то же время «католическій священникъ». Папы—воины, епископы — воины. Сперва они докончили разрушеніе Римской имперіи и римской культуры, начатое германскими королями-конунгами (König), а затѣмъ также насиль-

ственно, кроваво или огненно, погашали всякое возстаніе противъ себя. Такъ огнемъ и кровью они потушили гусситство въ Чехіи, вальденцевъ въ южной Франціи, пробовали погасить Лютера и его реформацію,—но послѣднее не удалось. Однако эта реформація, это лютеранство, едва родившись, сейчасъ же кинулось въ борьбу и насиліе противъ прежней вѣры (30-лѣтняя война). Безъ «насилія» не было тамъ ни королевства, ни церкви, ни короля, ни папы.

А у насъ? Власть у насъ есть скорѣе бремя и долгъ. Это «бремя власти» новгородскіе славяне возлагаютъ на призванныхъ изъ-чужа князей: таково было «призваніе князей», начало русской исторіи. Власть есть что-то тяжелое, отъ несенія чего мирное населеніе положительно отказывается. То же повторилось при избраніи Михаила Ѳедоровича Романова на царство. Епископы, архіереи, святители Кіевской и Московской церквей,—какіе же всѣ они «вояки»? Можно улыбнуться только такому предположенію. А папы и архіепископы германскіе опредѣленнымъ образомъ вели войны.

Вся русская исторія есть тихая, безбурная; все русское состояніе — мирное, безбурное. Русскіе люди—тихіе. Въ хорошихъ случаяхъ и благопріятной обстановкѣ они неодолимо вырастаютъ въ ласковыхъ, привѣтныхъ, добрыхъ людей. «Русскіе люди—славные». Кстати, прилагательное «славный» сливается съ именемъ племени—«славяне».

Конечно, во всемъ этомъ бывали исключенія: но исключеніе—не правило. Исторія идетъ большимъ путемъ, широкою дорогою. Исторія есть именно выраженіе «правила». И что оно *таково* въ русскомъ бытіи—это простая очевидность.

Но здѣсь вышло осложненіе. Славянофилы не только кроткимъ взглядомъ отмѣтили кроткія черты русской исторіи, — мягкое, не каменистое русло ея теченія (кое-гдѣ съ болотцемъ),—но и личнымъ духомъ своимъ и личнымъ характеромъ стали звать сюда же. Они дали не только объясненіе, но и дали идеалъ. Этотъ идеалъ опять простирается до самыхъ далекихъ

далей. Въ самомъ дѣлѣ, «борьба» потому именно, что она—«борьба», должна имѣть какой-то исходъ и разрѣшеніе. Борьба ищетъ мира и ведется изъ-за мира. Славянофилы, отклоняясь отъ неразрѣшимой проблемы о «конечномъ смыслѣ человѣческой жизни», который въ рукахъ Промысла и Судьбы,—дали ближайшую и широчайшую концепцію въ сущности цѣлой *цивилизаціи*, какъ непремѣнно *мирной*, безъ «обиды» и притѣсненія, безъ угнетенія и въ полномъ мирѣ. «Да житіе мирное и тихое поживемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ»,—эти слова богослуженія выражаютъ все. Это слово—совершенно полно и совершенно окончательно. Тутъ нѣтъ далекихъ горъ, далекихъ горизонтовъ; это—состояніе, отвѣтъ на «*какъ* жить», а не указаніе—«къ чему *стремиться*». Хотя категорія «къ чему стремиться»—понятнымъ образомъ тутъ не исключается. Идеалъ «сидячій» до нѣкоторой степени, а не «бѣгучій». Что̀ дѣлать. Западныя рѣки бѣгутъ съ горокъ; наши—тихо покоятся въ широкихъ берегахъ.

Какъ хотите, а идеалъ хорошъ, широкъ.

Онъ именно отвѣчаетъ довольно измученному и раздраженному положенію и Западной Европы. И славянофилы не даромъ говорили: «къ намъ *всѣ придутъ*, у насъ всѣ *позаимствуются*». Это не было хвастовство. Просто—это дѣло. Послѣ большого странствія (Европа)—хорошій отдыхъ (Русь).

Не цѣлая ли въ этой мысли цивилизація? О, да! Это—*прямо видно.*

Западники хотя и накинулись на славянофиловъ съ остервенѣніемъ, но въ самой злобѣ своей доказали ихъ истину. «Не хотимъ *бороться* съ Западомъ», «на Западѣ даже все *лучше*, чѣмъ у насъ», — кричали они, совершенно какъ славяне съ озера Ильмень о варягахъ. Во всей исторіи нашего «западничества» повторяется тò же, на чтò указали славянофилы: отреченіе отъ себя, смиренное о себѣ сознаніе, что «не умѣемъ» и «не способны», и исканіе, кто бы насъ «управилъ». Мы звали «Бокля, Спенсера и Конта» совершенно такъ же, какъ когда-то «Рюрика, Синеуса и Трувора». Тогда—«княжить и володѣть землею, понеже она велика и обильна, но порядка

въ ней нѣтъ», а теперь отъ временъ Бѣлинскаго—«управить наши головы, понеже онѣ хотя и талантливыя, а «нечесаныя и заспались». О всѣхъ этихъ свирѣпыхъ Чернышевскихъ скажешь: «все-таки они *славные* (славяне)»... «Себя не помнятъ, все отдаютъ чужому, и, принявъ чужое господство—кланяются-не-накланяются».

Право, наши западники и есть «славяне».—«Какъ можно бороться съ Западомъ? Вѣдь мы—*мирные*».

Славянофилы же были поставлены въ воинственное положеніе. Однако, какъ же бы иначе они высказали свою мысль? Они отрицали вѣчную *борьбу* на Западѣ (конкуренцію), вѣчную *вражду* на Западѣ (партіи, партійность). А «отрицаніе» есть борьба. Но поистинѣ это есть та «борьба», которую святые ведутъ противъ ссоръ человѣческихъ, противъ не-мирности человѣческой. А западники со своимъ «миромъ съ Европою» и съ воплями, что «у насъ все хуже»,—суть грѣшники, не понимающіе, что они на вѣки вѣчные утверждаютъ въ мірѣ начало злобы и вражды (знаменитая «конкуренція», какъ принципъ Европы).

Таковы были мысли. Таковъ ходъ развитія русской литературы.

* * *

И вдругъ все легло плашмя; я не могу иначе назвать ту совершенную перемѣну тона газетъ и журналовъ, которые вчера «западническіе»—сегодня повторяютъ «славянофильство». Но какъ больно, какъ больно, какъ больно, что, говоря «отъ нутра» и «подъ давленіемъ событій», никто не вспомнитъ, какіе праведники впервые сказали на русской землѣ это слово. Изъ статей, появившихся эти дни, выдаются: «Родинѣ» С. Н. Булгакова и «Наше мщеніе» Т. Ардова (обѣ въ московскомъ «Утрѣ Россіи»). Онѣ не говорятъ одного и того же, да это — и не нужно. Славянофилы всегда и проповѣдывали «хоровое начало», т. е. множество *разныхъ* голосовъ, дающихъ въ общемъ впечатлѣніи однако единую общую гармонію.

«Казалось (говоритъ Булгаковъ) высокомѣрное *пренебреженіе къ родному* (какъ вѣрно! В. Р.), пустопорожнее «западничество», черезъ посредство интеллигенціи — становится уже все-

общимъ. Но нынѣ и «западничество» умерло съ шумомъ, умерло навсегда подъ ударами тевтонскаго кулака, вмѣстѣ и съ фантомомъ «международнаго» соціализма и братства соціалистическихъ легіоновъ... Передъ лицомъ міровой европейской войны, показавшей всю ограниченность и условность европейской культуры, нельзя уже въ нее вѣрить какъ въ царство небесное, какъ въ земной рай; европейскими легіонами разстрѣливаются западническіе кумиры русской интеллигенціи, вѣра Бѣлинскаго и его потомковъ. Для вдумчиваго наблюдателя понятно, что теперешняя война знаменуетъ *общій кризисъ европейской цивилизаціи*, свидѣтельствуетъ объ ея зрѣлости и приближеніи ея конца, какъ бы ни былъ продолжителенъ по времени этотъ конецъ. «Новая исторія» кончается, и Западъ уже сказалъ все, что имѣлъ сказать. Ex oriente lux. Теперь Россія призвана духовно вести европейскіе народы, на нее возложена страшная отвѣтственность за духовныя судьбы человѣчества. Но для этого она должна стать духовно свободной, выйти изъ своего духовнаго вассальства у «Европы».

Окидывая взглядомъ русскую дѣйствительность, авторъ говоритъ, до чего всегда мы, русскіе, недооцѣнивали этой дѣйствительности; и лишь сквозь наше уже a-priori'ное отрицаніе родины, въ угоду западническому идеалу и западнической про-

граммѣ, находили все у себя отвратительнымъ:

«Казалось, раздоръ и недовѣріе между правительствомъ и обществомъ искони составляли неизлечимую болѣзнь нашей государственности. Этой распрей духовно отравлялись и интеллигенція, и власть, причемъ обѣ стороны были духовно неправы: *общество не умѣло цѣнить высокой трудоспособности русскаго чиновничества* (вездѣ мои курсивы); бойкотируемая же «бюрократія» болѣла ревнивой подозрительностью къ свободной общественности. И вотъ въ часъ испытанія распря исчезла совершенно, новый духъ повѣялъ въ русской государственности. Это не тотъ параличъ и испугъ власти, при которыхъ она *дѣлается достояніемъ проходимцевъ и авантюристовъ*, но твердое, мудрое, воистину народное правительство, сильное своимъ единеніемъ съ народомъ. Проблема, доселѣ одинаково неразрѣшимая ни для реакціи, ни для революціи, нынѣ просто и естественно разрѣшена въ общемъ порывѣ любви къ родинѣ: мать осѣнила и примирила сыновъ своихъ на груди своей. И намъ не страшна борьба съ неурожаемъ, съ тяжестью несенія войны, съ промышленнымъ застоемъ... Такъ, подъ ударами вражескаго меча, празднуемъ мы свѣтлый праздникъ государственности».

Давно пора... Давно пора говорить такія рѣчи! Не страшны бы,—нѣтъ, больше,— не *тяжелы бы* намъ были и *легко бы мы справлялись* со стихійными бѣдствіями стра-

ны своей, въ родѣ мѣстныхъ неурожаевъ и эпидемій, которымъ *какъ же и не случиться гдѣ-нибудь на пространствѣ цѣлой* $^1/_6$ *части земной суши?*—если бы не эта виснущая на плечахъ правительства и, пожалуй, на горлѣ правительства злоба и самыя безсовѣстныя обвиненія общества и печати... Старая, семидесятилѣтняя язва Руси! Наконецъ ты закрываешься. Наконецъ слышится гражданскій языкъ, а не языкъ какихъ-то угнетенныхъ и возмутившихся рабовъ, которые ничего не могутъ кромѣ бѣшенства и злобы. И, обезсиливая во сто кратъ власть, буквально «вися на ней»,—только лишаютъ ее возможности дѣлать то, что̀ она могла бы сдѣлать, и чего они сами замѣсто нея никакъ не могутъ сдѣлать, потому что въ нихъ нѣтъ ни той ремесленной и наслѣдственной «трудоспособности», какую такъ проницательно усмотрѣлъ авторъ въ чиновничествѣ, ни знанія техники государственной работы, не обладая которой—шага нельзя въ ней сдѣлать. Да и, наконецъ, кто высовывается и протягиваетъ къ власти руки изъ «общества» въ дни волненій и перево-

ротовъ государственныхъ—по существу мотива своего, по существу сердца своего—суть «проходимцы» и «авантюристы». Такъ говоритъ профессоръ политической экономіи, знатокъ революціонныхъ движеній въ Европѣ, членъ 2-й нашей Думы, авторъ серіи крупныхъ книгъ. Многое перегорѣло въ душѣ его. Но не сгорѣла самая душа, а выплавила въ себѣ золотой слитокъ такихъ глубокихъ признаній.

Онъ же говоритъ,—разумѣя общество и печать:

«Не погребали ли Церковь въ душѣ народной? Не стало ли легкимъ, дающимъ успѣхъ, выгоднымъ занятіемъ (о, какія слова! В. Р.) ея постоянное заушеніе и оплеваніе? Но и здѣсь ошиблось маловѣріе. Смиренно, кротко и ласково опять собираетъ Церковь дѣтей своихъ, и небо слышитъ всенародныя моленія тысячъ людей, преклоняющихся на стогнахъ и въ храмахъ, и попрятались въ свои щели привычные ея заушители. И религіозный пламень, который зажигается нынѣ въ сердцахъ людей, не пропадетъ втунѣ и не погаснетъ, ибо на религіозныхъ путяхъ таятся сокровища религіознаго духа,—религіозно-историческое призваніе св. Руси».

Обществу нашему, дѣйствительно, пора оглянуться на то, какое огромное, какое непосильное бремя возложило оно на по-

рицаемое «правительство»,—которое стояло передъ задачею управленія $^1/_6$-ою частью суши среди населенія — въ одной части темнаго и не могущаго ему умственно и технически помочь въ работѣ, а въ другой части—хотя внѣшне и учебно какъ будто образованнаго, но на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе неправильности своего школьнаго и книжнаго образованія, вслѣдствіе изуродованности всего литературнаго развитія,— вполнѣ непонимающаго,—что́ такое Русское Царство, что́ такое Русская Церковь. что́ такое наша совершившаяся исторія?.. Пройдетъ не очень много лѣтъ, и истекшія $^3/_4$ вѣка по-истинѣ страстотерпѣнія русскаго «правительства», шедшаго впередъ и впередъ, обливаясь кровью и слезами (плевки со всѣхъ сторонъ),—будутъ оцѣнены какъ одни изъ самыхъ великихъ смиренно-героическихъ страницъ всемірной исторіи. Будетъ это, будетъ,—настанетъ. настанетъ. Глаза общества наконецъ откроются...

*
* *

Столь-же прекрасна высоко патетическая, горящая огнемъ и правдой, статья

г. Т. Ардова (въ «Утрѣ Россіи», 14-го августа):

«Какъ-то весь холодѣешь, сжимаешься, дрожишь отъ подступающаго къ сердцу и къ вискамъ темнаго, одуряющаго возмущенія, когда читаешь о томъ, что дѣлали и дѣлаютъ нѣмцы.

«Къ прискорбію, въ нашей культурной толпѣ, обладающей въ силу уже своей численности стадностью воблы, слишкомъ быстро усваиваются шаблоны. Появился и тутъ шаблонъ: «мы воюемъ не съ нѣмецкимъ народомъ, а съ прусскимъ имперіализмомъ, милитаризмомъ»,—со всякими «измами». Кто станетъ противорѣчить, тотъ самъ сейчасъ же клеймится «измомъ»: «шовинизмъ!».

— «Народъ нѣмецкій ни въ чемъ не виноватъ, виноватъ Вильгельмъ и прусское юнкерство, народъ—вездѣ народъ».

«Ради Бога, довольно, господа! Все это—благородныя слова, но развѣ вы не видите, что это чепуха, софизмъ, которымъ могутъ утѣшать себя только малоумные филистеры, набитые нарочито добродѣтельными прописями и отъ этого не умѣющіе разобраться въ простыхъ вещахъ.

«Нѣтъ, нѣтъ, не закрывайте глазъ на жизнь. Относитесь какъ угодно къ отдѣльнымъ нѣмецкимъ плѣннымъ, но помните всетаки: *мы воюемъ съ народомъ, съ нѣмецкимъ народомъ*. Не съ правительствомъ, не съ Вильгельмомъ, не съ прусскимъ лейтенантомъ, не съ «измами», присущими германскому «рейху», мы воюемъ, а—съ народомъ, который породилъ всѣ эти милые феномены, какъ онъ породилъ и всѣ другія га-

дости вплоть до пасхальныхъ берлинскихъ открытокъ, на которыхъ изображены свиные зады и женщины, сидящія въ укромномъ мѣстѣ. Вотъ эту самую художественную открытку и воплотили въ жизнь тѣ нѣмцы, которые, везя въ вагонѣ русскихъ дамъ съ дѣтьми, запрещали имъ въ теченіе тридцати часовъ пользоваться уборной, а потомъ остановили поѣздъ, выгнали всѣхъ въ поле, заставили отправлять естественныя надобности и смотрѣли, какъ это совершается. Вы думаете, что это они «озвѣрѣли» во время войны, потому что имъ такъ кайзеръ приказалъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, наивные русскіе люди — они *озвѣрѣли уже давно*, они были скотами, когда рисовали эту художественную открытку, они тогда мечтали, чтобы посадить этакъ женщинъ и поглядѣть.

«А когда они бросали русскихъ дамъ на грязный полъ свиного хлѣва и затѣмъ брали по три марки за связку соломы, — нашимъ русскимъ казалось, что они издѣвались надъ нами *по случаю войны*. Наши любители нѣмецкихъ курортовъ должны бы знать, что каждый паршивый нѣмецкій метрдотель, съ хамской надменностью бесѣдующій съ русскими побѣднѣе, называетъ назначаемыя цѣны спеціальнымъ терминомъ: «дурацкія или русскія цѣны (narren oder russischen Preisen)» и всегда издѣвается надъ русскими.

— «Народъ нѣмецкій ни въ чемъ неповиненъ»... Да, конечно. Есть огромное, подавляющее большинство *отдѣльныхъ* нѣмцевъ, которые ни въ чемъ неповинны, но *всѣ* нѣмцы, но *народъ* нѣмецкій—другое дѣло.

«Въ Берлинѣ былъ врачъ, притомъ профессоръ, одна изъ тѣхъ знаменитостей, къ которымъ всегда ѣздятъ лѣчиться «русскія свиньи»,—который, едва лишь разразилась война, выбросилъ изъ постели больную, несчастную страдалицу, г-жу Туганъ-Барановскую, которая имѣла роковую наивность довѣриться его нѣмецкой культурности. Изнеможенная, перенесшая рядъ тяжелыхъ операцій, съ лицомъ и головой лишенными кожнаго покрова, она лежала вся въ повязкахъ, а онъ выгналъ ее вонъ, отдалъ ее солдатамъ, и они сорвали съ ея гноящагося лица бинты и открыли обнаженное человѣческое «мясо», потомъ бросили ее въ вагонъ и снова выбросили, не довезя до границы; кто-то подобралъ ее и донесъ на рукахъ, а черезъ нѣсколько дней она умерла отъ зараженія крови. Зараженіе крови—это былъ ужасъ, висѣвшій надъ ней постоянно, каждую минуту, оно угрожало ей при каждомъ неосторожномъ прикосновеніи грязныхъ рукъ къ ея лицу, при каждой случайности; и нѣмецъ-врачъ хорошо зналъ это; онъ зналъ, что она потому-то и въ его лечебницу пришла, что вѣрила въ его профессіональную аккуратность и въ его гуманность; онъ зналъ, что ее не то что къ солдатамъ отпустить нельзя, но нельзя позволить ей переступить порогъ лечебницы. И она умоляла его не отдавать ее, «спасти» ее. Однако онъ выбросилъ ее вонъ.

«Скажите мнѣ теперь, кто же это—«Вильгельмъ», «прусскій юнкеръ», «имперіалистъ»? Кто это сдѣлалъ? И что̀ такое этотъ народъ, если ученый, образованный человѣкъ и пред-

ставитель гуманнѣйшей изъ всѣхъ профессій, которая призвана дѣлать дѣло милосердія даже среди ужасовъ войны, совершаетъ такое звѣрство?! Будьте покойны, германская врачебная корпорація и не подумала исключить этого «врача» изъ своей среды. Да и не удивляйтесь особенно. Вы напрасно думаете, что этотъ «человѣкъ науки» озвѣрѣлъ во время войны, слѣпо повинуясь кайзеровской дисциплинѣ озвѣрѣнія. Онъ озвѣрѣлъ давно, въ мирное время, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ народомъ; онъ озвѣрѣлъ еще тогда, когда принимая пріѣхавшихъ за тысячи верстъ русскихъ больныхъ, нагло объявлялъ имъ впередъ, что окажетъ помощь, если ему заплатятъ не меньше, какъ сто марокъ.

«Пусть мнѣ скажутъ еще, кто же были тѣ желѣзнодорожные кондуктора, что не пускали женщинъ въ уборную, что хватали дамъ за платье и срывали съ нихъ одежду? Кто былъ тотъ добрый Михель, что близъ Инстербурга выбросилъ изъ вагона интеллигентную русскую дѣвушку прямо на руки солдатамъ, которые тутъ же сорвали съ нея платье и погнали пинками въ казармы? Членъ имперіалистскаго правительства, «съ которымъ мы воюемъ», не правда ли?

«А тѣ милые, добродушные Михели, что на станціи дразнили несчасную мать съ ребенкомъ, умиравшимъ у нея на рукахъ, потому что у нея отъ волненія пропало молоко,—дразнили, показывая ей въ окно вагона бутылку съ молокомъ и отдергивая ее прочь,—это тоже «юнкера», пангерманисты? А тотъ армейскій младшій офицеръ, что на глазахъ старика-отца и брата-

юноши насиловалъ четырнадцатилѣтнюю русскую дѣвочку, и когда отецъ хотѣлъ ее отнять, велѣлъ разстрѣлять старика? А тѣ сотни и тысячи людей разныхъ званій и состояній, которые набрасывались на русскихъ, какъ звѣри, ощупывали ихъ, обыскивали, снимали съ дамъ юбки, заставляли ихъ стоять голыми среди мужчинъ; тѣ, что улюлюкали, били, щипали русскихъ, проходившихъ сквозь ихъ толпу, осыпали ихъ скверной руганью на любимомъ «русскими свиньями» языкѣ Шиллера и Гете; тѣ, что выбрасывали изъ домовъ пожитки несчастныхъ русскихъ курсовыхъ и заставляли ихъ ночевать на улицѣ?

«Это что же,—все идеологи милитаризма и имперіализма, а не *народъ?* Не добрый и милый нѣмецкій народъ, не самый настоящій, подлинный народъ Германіи?

«Да, это, конечно—народъ. Я нарочно не говорю о тѣхъ, другихъ, о нѣмцахъ изъ разныхъ ландверовъ, резервовъ и ландштурмовъ, которые, пріѣхавъ изъ самыхъ глубинъ народа, тотчасъ принялись рѣзать раненымъ уши и другіе выступающіе органы, прикалывать плѣнныхъ и стрѣлять въ санитаровъ. Это—солдаты, и я нарочно отдѣляю ихъ отъ народа. Но всѣ остальные, но все остальное?.. Если этихъ жалкихъ, потерявшихъ разумъ отъ страха солдатъ заставилъ озвѣрѣть ужасъ войны, лава русскихъ казаковъ, то тамъ-то, въ мирной-то Германіи, гдѣ же оправданіе звѣрству?

«Его нѣтъ. Да и нечего искать его, потому что народъ этотъ озвѣрѣлъ, оскотинѣлъ не сейчасъ, а *давно, очень давно...*

«Онъ звѣрѣлъ вмѣстѣ со всѣми своими высшими классами, со своими кенигами и кайзеромъ, со своими учеными и идеологами Германіи, со своимъ *школьнымъ учителемъ*, передъ которымъ преклоняется наше общество, со своими учеными и философами недавняго прошлаго, воспитывавшими эти толпы посредственностей въ хамской морали сильнаго, въ преклоненіи передъ матеріальной силой.

«Онъ звѣрѣлъ годами отъ далекихъ дней упоенья побѣдами 1870 года, отъ пятимилліардной контрибуціи, когда изъ крови и горя униженной Франціи создалось нѣмецкое самомнѣніе; онъ скотинѣлъ и наливался, созрѣвалъ въ годы раздувшагося «укрѣпленія» Германіи и въ годы мошенническаго грюндерства. Все матеріальное, все кровяное, все сытое выперло впередъ въ когда-то бѣдной, но великой духомъ Германіи временъ прекраснаго Гейне и жидкаго картофельнаго супа. Моралью страны, создавшей Канта, стало уваженіе къ богатству и толстому животу, набитому колбасой и налитому пивомъ. Все, все, надъ чѣмъ съ болью издѣвался Гейне,—заносчивость, надутость, алчность, продажность, безсердечіе—все это разлилось потокомъ по Германіи. Побѣда 1870 года погубила «скромный трудолюбивый фатерландъ»; случилось превращеніе—точно Франція временъ Наполеона III перелилась въ Германію цѣликомъ, со всей ея развращенностью, со всей заразой упадка. И началось паденіе нѣмецкаго народа.

«Въ упоеньи величіемъ и силой, въ мечтѣ о всесвѣтномъ захватѣ, о грабежѣ, о деньгахъ,

о грядущемъ обиліи свиныхъ тушъ во дворѣ у каждаго Михеля и кровяныхъ колбасъ,—росъ этотъ народъ, росло то̀ поколѣніе, которое сейчасъ идетъ на насъ войной. Вы думаете, почему Вильгельмъ такъ спѣшитъ налагать контрибуціи на всѣ города и городки, какіе только попадаются на его пути?! Потому что вотъ ужъ сорокъ лѣтъ, какъ каждый «сознательный» пруссакъ спитъ и во снѣ видитъ контрибуцію будущаго, которая должна превзойти контрибуцію 1870 года. Опаиваемый пивомъ, обкармливаемый колбасой и мясомъ, нѣмецкій мопсъ пухнулъ и хмѣлѣлъ изъ года въ годъ, глаза его наливались кровью, и скоро вся Германія стала похожа на одного огромнаго Бисмарка, на эту отвратительную фигуру, обсыпанную сигарнымъ пепломъ, пропахшую прогорьклымъ вчерашнимъ пивомъ, и гордо выставившую впередъ животъ. Вся Германія—какъ та статуя Бисмарка, нелѣпый колоссъ, глупымъ пятномъ испортившій зеленую долину прекрасной рѣки; точно насосавшійся клопъ, усѣлась она посреди Европы.

«Въ глубокомъ опошленіи, въ послѣднемъ угашеніи духа, коллективная нѣмецкая посредственность зачеркнула все на свѣтѣ, кромѣ «богатства» и «силы», и сдѣлала своимъ идеаломъ колоніальнаго «плантатора» изъ Камеруна,разстрѣливающаго своихъ рабовъ,—Круппа изъ Эссена и его великаго кайзера, этого Нибелунга двадцатаго вѣка, потомка «кровожадныхъ азовъ», ѣздящаго на автомобилѣ, рожокъ котораго играетъ «шествіе боговъ въ Валгаллу». Все символично въ этой Германіи,

отъ Вагнера до Цеппелина, похожаго на обширную колбасу, и до открытокъ со свинымъ задомъ!

«И самъ онъ, Вильгельмъ,—символъ. Вовсе не онъ «идеологъ» этой Германіи. Какой онъ идеологъ! Вовсе не онъ «виновникъ» этой войны. Болтливая посредственность, онъ самъ— лишь воплощеніе этого народа, онъ самъ только первый изъ нѣмцевъ; и имъ самимъ движетъ та же стихія, что росла и наливалась гноемъ всѣ эти годы. Онъ—только самый видный нарывъ на этомъ общемъ гнойникѣ.

«Нѣтъ, не Вильгельмъ, нѣтъ, не правительство, не юнкеры, а—*народъ, германскій народъ.*

«Не нужно быть «мистикомъ», чтобы понять, увидѣть, что народъ этотъ—*глубоко падшій.* И въ этомъ объясненіе всего».

* * *

P. S. Государь повелѣлъ именоваться нашей столицѣ «Петроградомъ». Внѣшность, названія, одежды,—какъ намъ объяснялъ съ каѳедры историкъ Серг. Мих. Соловьевъ,— не пустяки. Они знаменуютъ поворотъ духа, это есть знамя движенія, которое собираетъ и объединяетъ около себя людей. Взявъ нѣмецкое имя для столицы, имъ устроенной, Великій Петръ сказалъ ясно, чего онъ хочетъ, какъ онъ думаетъ. Мы два вѣка шли по этой думѣ, по этому «хочу»,—и пришли сперва къ его «рефор-

мамъ», къ благополучнымъ войнамъ, и вообще ко многимъ успѣхамъ политики и гражданственности; но одновременно пришли и къ построенію цѣлаго міросозерцанія «западничества», отвратительное и неотвратимое дитя коего есть маленькій уродецъ—«нигилизмъ». Все стало мелѣть и мелѣть—и государственность, и политика: ибо какіе же *строители царства* суть «нигилисты»? Они и на своихъ ногахъ не стоятъ,—пьяны безъ алкоголя. Могучее «хочу» Государя въ отношеніи наименованія столицы указуетъ намъ другіе родники бытія: славянскій міръ, и всѣ тѣ нравственныя и политическія начала, какія указывали славянофилы. Итакъ, заря новой войны—не только племенная борьба съ германскимъ міромъ, а и культурное возрожденіе Россіи, возрожденіе на исконныхъ русскихъ началахъ. Нынѣ царствующій Государь твердо держитъ путь, начатый Его великимъ Отцомъ. Это путь новыхъ идеаловъ...

Давно пора... Но вспомнимъ же въ дни этой войны славянофиловъ, и поклонимся до земли праведнымъ могиламъ ихъ.

Кстати: теперь читается только «относящееся до войны»; но, господа, ничто такъ не «относится до войны», какъ творенія Кирѣевскаго, Константина Аксакова, Ив. Серг. Аксакова, Хомякова, Тютчева, какъ «Россія и Европа» Н. Я. Данилевскаго, «Борьба съ Западомъ» Страхова, «Востокъ, Россія и Славянство» Леонтьева. Идите-ка, добрые люди, по магазинамъ, да выбирайте эти книжки, и штудируйте по нимъ ваше завтрашнее «будущее». Учиться, учиться, господа,—учиться другой и новой для насъ наукѣ! Новыя зóри—новыя книги!

16 августа.

Русское церковное воспитаніе и германскія звѣрства

Исключительныя звѣрства нѣмцевъ заставляютъ спросить себя: «христіане ли они?» Вопросъ естественный, на который отвѣтъ можетъ быть очень любопытенъ.

Никто во время этихъ звѣрствъ не слышалъ окрика другъ другу, офицера—солдату, солдата—офицеру, или кого нибудь вообще изъ толпы: «ты—Христа *забылъ*». Въ запальчивости, въ раздраженіи, въ мускульномъ движеніи можно «все забыть», и стать животнымъ; но тогда, если дѣло происходитъ въ толпѣ, сейчасъ кто-нибудь напомнитъ около плеча: «да ты *Бога забылъ*! что̀ ты дѣлаешь?» О нѣмцахъ нѣтъ воспоминанія, чтобы кто-нибудь *напомнилъ*.

Очевидно, *забыли всѣ*.

Не удивительно-ли?

Отчего?

* * *

При «обязательномъ всеобщемъ обученіи» всѣ проходили въ школѣ «законъ Божій», да и правилами лютеранской религіи требуется, чтобы передъ первымъ причащеніемъ каждый причащающійся сдавалъ пастору краткій экзаменъ по христіанской нравственности и по исторіи христіанства. Лютеранская церковь благоустроенная, и пасторы—благоприличные, упорядоченные, нравственные люди. Въ университетахъ есть богословскіе факультеты, и лютеранское богословствованіе по научной высотѣ первое въ свѣтѣ. Кромѣ того, богослуженіе ихъ почти все состоитъ въ томъ, что пасторъ говоритъ проповѣдь слушателямъ, и эта проповѣдь всегда—на возвышенныя религіозныя темы, и преимущественно—темы нравственныя.

Столько нравственнаго внушенія...

А когда дошло до *дѣла*, вдругъ всѣ стали дѣйствовать какъ звѣри.

Стали дѣйствовать такъ толпою, массою, улицею. И ни въ комъ, ни въ комъ не пробѣжалъ *религіозный испугъ*...

Въ немъ почти и все дѣло... Ни въ комъ, ни въ единомъ не пробѣжалъ тотъ безотчетный, суевѣрный, невольный испугъ, который также быстръ и приходитъ вдругъ, какъ и животная ярость, и тогда, вмѣшиваясь въ пути ея, — ломаетъ ее. «*Хочется* убить, да *испугался*»... «Вырвалъ у матери ребенка, хотѣлъ бросить подъ ноги толпѣ на растоптаніе, — да вдругъ *почувствовалъ ужасъ*»... «Поднялъ кулакъ надъ старухой-женщиной, да *что-то остановило*»...

Вотъ этихъ невольныхъ движеній, слѣпыхъ, но уже не разрушительныхъ, а удерживающихъ разрушеніе, не было въ нѣмецкой толпѣ, столь религіозно обученной. По-протестантски, по-лютерански обученной.

* * *

Никто не станетъ возражать мнѣ, если я скажу, что таковое отношеніе русскаго человѣка и толпы русскихъ людей къ *беззащитнымъ*, къ *больнымъ*, къ *старымъ* и къ

младенцамъ — совершенно у насъ не мыслимо и непредставимо, что *этого* не только *нѣтъ* какъ факта и очевидности, какъ зрѣлища и дѣйствительности, но что этого настолько нѣтъ въ нервахъ русскаго человѣка, въ тайныхъ эмоцiяхъ его, въ порывахъ, что мы вообще и не боимся, чтобы это *когда-нибудь случилось*. Мы вполнѣ увѣрены, что этого не будетъ и *въ будущемъ*. Почему? По множеству причинъ, изъ которыхъ назовемъ хоть нѣкоторыя: 1) просто — «не хочется». Могучее «не хочется», неодолимое «не хочется» таскать чужую, иностранную, лично ничего намъ не сдѣлавшую, женщину—за сѣдые волосы. Скажемъ грубымъ мужицкимъ языкомъ: «антереса нѣтъ» (т. е. нѣтъ пȯзыва, сладости, удовольствiя такъ бить посторонняго человѣка). 2) Отъ татарскаго ига до теперешняго времени много прошло случаевъ, зрѣлищъ, событiй, и никто рѣшительно не помнитъ, чтобы толпа накидывалась на ни въ чемъ *лично* неповинныхъ иностранцевъ, даже на больныхъ иностранцевъ, и напр. срывала повязки съ ранъ! Ничего подобнаго за всѣ вѣка!!!

При всѣхъ бывающихъ ужасахъ и мракѣ народной жизни, у насъ *лютость души* является всегда какъ *личное исключеніе*, обыкновенно — патологическое, на которое толпа и улица кричитъ и топаетъ ногами. Никогда *толпа* не наслаждается тѣмъ, какъ бьетъ *одинъ*. Толпа всега дѣлается озлобленною на бьющаго. Этому вѣроятно всякій видалъ примѣры.

Въ общемъ, въ массѣ (объ этомъ и идетъ дѣло) русская душа — сердобольная. Это никто не станетъ отрицать. Душа народная — грубая, темная, суевѣрная, но *сердобольная*. И еще другой признакъ: *испуганно вспоминаетъ Бога*. Одно заглавіе пьесы все говоритъ: «Власть тьмы». Взята и среда темная, мрачная; да и тема и мораль пьесы:— показать тьму во всемъ ея развертываніи. Что̀ же однако мы видимъ: всѣ *вспоминаютъ Бога*. Акимъ *всѣмъ напоминаетъ Бога*. Да и самъ грѣшникъ, убійца собственнаго ребенка, говоритъ: «охъ, *скучно* мнѣ! Гасите свѣтъ, убирайте водку» (со стола). Вотъ этого страха и тоски ни разу не выкрикнулось у нѣмцевъ.

Столь образованныхъ...

Чтó это? Отчего? Какъ?

Допустимъ особенную мягкость славянской породы, славянской крови, нашего русскаго «костяного состава». Она есть, конечно, и это—первый фактъ. Но я думаю, и на это хочу обратить вниманіе, что къ доброму факту крови присоединился счастливый способъ воспитанія души, проистекающій изъ особаго воздѣйствія Церкви.

Какъ? Что? Гдѣ особенность?

Да въ каждой церкви нарисовано большими красками на стѣнѣ зрѣлище *болящаго Лазаря!* Именно — въ ранахъ и пластыряхъ, какъ многіе русскіе въ Германіи. Какъ же русскому можетъ придти на умъ такого человѣка тронуть, когда онъ уже по количеству ранъ своихъ есть почти святой (народное «глупое и суевѣрное представленіе», но имѣющее силу—запретить!).

И не трогаютъ. ***Больного никогда не трогаютъ.***

А Змій на задней стѣнѣ церкви? Для насъ—смѣшно, а народъ вглядывается и трепещетъ. Читаетъ подъ самыми изображеніями о «лютыхъ» и «не милостивыхъ» людяхъ, которыхъ Змій всѣхъ тянетъ въ

бездну. Дѣвчонки-то тринадцати лѣтъ какъ трепещутъ (самъ видалъ). А впечатлѣніе отрочества — на всю жизнь. И русскіе вообще «милостивы», этого вся всемірная цивилизація не отвергаетъ.

Такимъ образомъ, картины поучаютъ «съ непремѣнностью» и «страхомъ Божіимъ». Тутъ слава Богу, что все глупо и суевѣрно, что тутъ—лѣсъ, гдѣ «ничего не разберешь». Вѣдь этотъ «Змій» съ его подробностями ни въ какихъ догматахъ не написанъ. Но отъ того-то и выходитъ, что «смотримъ и трепещемъ», и «больному иностранцу—непремѣнно поможемъ», трепеща о душѣ своей. Душа русскаго человѣка во всякомъ случаѣ *испугана грѣхомъ*, чего рѣшительно нѣтъ у нѣмцевъ, и чего въ протестанскомъ богословіи отнюдь не содержится.

Теперь я и перехожу къ этому дѣлу.

Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ—если говорить жёстко,—всѣ были въ сущности *резонеры*, «разсуждатели о богословскихъ предметахъ», теоретики, мыслители, писатели и говоруны. И по образцу ихъ невольно всѣ протестантскіе пасторы—резонеры же. Бла-

гочестивые, соглашаюсь, корректные, правильные, но—резонеры. И именно они «внушаютъ» вѣру, внушаютъ какъ «правило поведенiя», которое въ экстатическiй моментъ, какъ въ iюлѣ-августѣ у германцевъ, «на умъ не пришло», «забылось», «выскочило изъ головы».

* * *

Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ и всѣ пасторы не суть «святые», и протестанство (вообще) не знаетъ самого этого дѣла—«святость». Тамъ нѣтъ «святыхъ» и нѣтъ «святого», и даже напр. сказать: «святая лютеранская церковь»—странно. Она есть (въ сознанiи самого Лютера и всѣхъ лютеранъ) «правильная церковь».

— Мы, лютеране, имѣемъ правильную церковь.

— Мы, русскiе, имѣемъ святую церковь.

Совсѣмъ разница! Совсѣмъ другое дѣло! Совсѣмъ иная нѣжность души, совсѣмъ иной полетъ души! Наше отношенiе къ Небу и Богу совсѣмъ другое: испуганное, томящееся, умиленное, восторженное, «обнимающее ноги Спасителя нашего». Хри-

стосъ незамѣтно передѣланъ лютеранами въ резонера же, и есть просто Добрый Учитель, Благой Пастырь (пасторъ), совсѣмъ по образцу «ихъ пасторовъ»: существо корректное, правильное, всѣхъ научающее.

Въ Христѣ у нихъ нѣтъ тайны и чуда. У насъ Христосъ есть изводитель чудесъ и тайнъ и всего святого порядка на землѣ. Совсѣмъ разница.

И святые, «гдѣ-то по горамъ», «гдѣ-то въ лѣсахъ»,—были всегда, не прерывались и дотекли до XIX вѣка на Руси. Это есть самый главный фактъ русской церковной исторіи, стержень всего житія ея, — куда важнѣйшій, чѣмъ всѣ церковныя реформы, все сѵнодальное управленіе, всѣ четыре духовныя академіи, все русское—безъ исключенія—богословіе. Безъ «святыхъ» русская церковь не мыслима. Какъ нѣтъ «святыхъ» — всему крахъ. А есть «святые», — хотя бы одинъ-два-три за вѣкъ,—все есть, цѣло, блистаетъ, сіяетъ.

Что же такое *святой*? Да вотъ приблизительно такой «Лазарь болящій», который «будетъ взятъ на небо». Образъ свя-

того показанъ въ Евангелiи, и Русь только «приняла» образъ, ничего не выдумывая. «Приняла»,—когда напр. лютеранство ничего въ этой сторонѣ Евангелiя *не поняло*. Лютеранство осталось глухо и незряче къ категорiи *святого*; Лютеръ былъ слишкомъ грубъ, слишкомъ не утонченъ, чтобы воспринять эту тончайшую и главнѣйшую струю евангельскаго свѣта.

И вотъ идетъ русскiй мужикъ, русская старуха, «въ грѣхахъ и болѣзняхъ», «въ страхѣ и недоумѣнiи», къ «святому въ лѣсъ»: къ преподобному Сергiю — изъ Москвы, къ преподобному Серафиму Саровскому—изъ Петербурга. Придетъ, заплачетъ, мямлитъ неразборчивыя слова, а тотъ, отложивъ сухой хлѣбъ въ сторону,—и не слушаетъ, а все знаетъ, всю ее видитъ отъ рожденiя до «теперь»,—и тоже заплачетъ, сердца какъ-то встрѣтятся, и сердце мужика или старухи разсвѣтится свѣтомъ, и «узнала радость, какой никогда не видѣла». Что̀ такое? Какъ выразить? Но развѣ для чудесъ есть выраженiе? Прошла «тайна Божiя» между человѣкомъ и человѣкомъ, между святымъ «совершившимся» и свя-

тымъ «въ возможности»,—и второй вдругъ поднялся на аршинъ надъ землей. «Точно будто лечу и крылья есть». Потомъ опять сталъ на землю, но уже память небеснаго— есть. Есть и неистребима. Онъ узналъ сладкое, послѣ котораго «житейское» ему кажется горькимъ.

И онъ ѣстъ это горькое, питается имъ: но воспоминаніе сладости—есть, и «праведное» и «грѣшное» навсегда раздѣлилось въ немъ.

А у нѣмцевъ? У нихъ есть только «корректное». И когда въ движеніи мускуловъ и сердца ему пришлось совершить «не корректный поступокъ», то вѣдь что̀ же въ этомъ особеннаго и о чемъ будетъ томиться душа? Онъ за «не лояльный поступокъ» и отвѣтитъ «передъ судомъ»: но на этотъ разъ (германскія звѣрства) суда, кажется, не будетъ. «Тогда, значитъ, я совсѣмъ правъ и чистъ».

Такимъ образомъ нѣмцы суть общественно-воспитанные люди, публично-воспитанные люди, но они не суть нравственно-воспитанные люди и религіозно-воспитанные люди. И потому, что у нихъ нѣтъ

категоріи *святого*,—а жизнь души начинается съ нея. Русскіе же уже всегда, съ тѣхъ поръ, какъ есть «Церковь» и въ ней «святые»—уже воочію зрятъ и зрѣли постоянно собственно дѣйствительно высочайшій образецъ человѣчности: и для всякаго совершенно понятно и убѣдительно, насколько «поговорить наединѣ съ Серафимомъ Саровскимъ» воспитательнѣе и поучительнѣе и просвѣтительнѣе, нежели «прочесть страницу Гете». Вотъ разница. При всей литературѣ и философіи, при всѣхъ обильныхъ и древнихъ университетахъ, въ душу нѣмецкую не вплеснулись капли той «воды живой», «воды святой», какія вплескивались въ русскую душу уже отъ временъ татарскаго ига и кіевскихъ пещеръ.—«Что-то сказалъ»...—Что?—«Не важно, *что̀*, а—*какъ* сказалъ и *кто* сказалъ»... «Даже *промолчалъ*, а только провелъ *пальцами по щекѣ*,—и *я утѣшился*».

И прикосновенія... и слова... и жесты: у святого все это—*другое*, чѣмъ у насъ, потому что *онъ самъ—другой*. Русскіе люди и воспитались, видя «лицо святого». «Въ *лицѣ*» уже все есть, все сказано,—сказано

осужденіе всякому грѣху, сказано поощреніе всему доброму. Отсюда русскіе люди, кромѣ «святого *въ живомъ*», такъ чтутъ «святые *лики*», и «образа», и «иконы». «*Лицо* все скажетъ», «все запретитъ», «къ праведному подвигнетъ». Нуженъ былъ особенный тупой глазъ нѣмцевъ, чтобы не понять этого (отмѣна иконъ); а умный русскій глазъ подсмотрѣлъ «тайну *лица*» и икону удержалъ и возлюбилъ. «Икона все говоритъ», «икона молитвѣ учитъ». Какъ только пали «святые» у лютеранъ и исчезла вся категорія «святости»,—«иконы» неодолимо стали для нихъ непонятны и не нужны. Только и отвѣтишь: «тупой нѣмецъ».

Они и тупы всѣ. Самые ученые. И—самый ихъ Гарнакъ (личный другъ императора Вильгельма), написавшій «Сущность христіанства», гдѣ подразумѣвается все это же его нищенское резонерство. Онъ написалъ, самъ объ этомъ не догадываясь, не «Сущность христіанства», а «Христіанство безъ сущности». Въ звѣрствахъ ихъ и есть эта тупость. Это—не жестокія звѣрства, т. е. они сотворены внѣ игры

сладострастной жестокости (звѣрства французской революціи), а—грубыя, тупыя жестокости, какія-то деревянныя и какія-то болванныя. Именно—«нѣтъ иконъ», и изъ матерьяла дерева у нихъ выходитъ только «крѣпкая мебель». Такъ изъ матерьяла «человѣкъ» германская яко-бы культура содѣлала только тупоголоваго «нѣмца». Онъ и проявилъ въ теперешнихъ звѣрствахъ, именно это тупое свое отношеніе къ лицу человѣческому. «Лицо человѣческое никогда не свято и по нему всегда можно колотить»... — «Больного? Старуху?» — «Больной есть только слабѣйшая и худшая форма человѣка, также—старуха: и если мы колотимъ здоровыхъ, то тѣмъ паче старухъ и больныхъ». Это просто оселъ разсуждаетъ, но, повѣрьте, эти ослиныя разсужденія суть обыкновенныя нѣмецкія разсужденія,—и они были, и непремѣнно были, у совершавшихъ звѣрства нѣмцевъ.

Испугъ? Почему никто не вспомнилъ Бога? Это все—внѣ категорій нѣмецкаго міросозерцанія. «Лютеранство» и не есть «церковь», а—религіозная община, какъ

наши штундисты или баптисты, той же категоріи и сути. «Собираются въ залахъ», «слушаютъ», «читаютъ». Я какъ-то привелъ русскаго вѣрующаго въ кирку въ Петербургѣ. Было такъ чисто, хорошо, и я спросилъ: «Хорошо?»—«Скверно», отвѣтилъ тотъ. — «Почему?» — «Да вы сказали, что приведете меня въ *церковь*, а привели въ *залу*. Противъ *ожиданія* моего это — скверно. А какъ зала—хорошо».—«Но органъ?» — «Зала съ музыкой и пѣньемъ». Дѣйствительно, «кирка» не есть церковь,— никакая кирка. И Вильгельмъ справедливо надѣваетъ «воротнички» и «форму» пастора и «проповѣдуетъ», потому что чтó же тутъ особеннаго? Это какъ «старички» у нашихъ безпоповцевъ: всякій можетъ быть «старичкомъ». Суть въ томъ, что у нѣмцевъ есть религіозныя видимости, есть «очерки карандашомъ» какъ будто-бы церкви и какъ будто-бы духовенства, а на самомъ дѣлѣ—ничего нѣтъ, кромѣ русской «безпоповщины», но безъ русскаго фанатизма, энтузіазма и подвига. Холодная, формальная безпоповщина. У нихъ нѣтъ не только «святого» и «иконъ», а нѣтъ и

священниковъ, нѣтъ храмовъ, нѣтъ вообще религіи, а только «разсужденія о религіи».

Они забыли Бога: не въ однихъ звѣрствахъ, а—и внѣ ихъ, до нихъ, въ самой жизни. Съ ними нѣтъ Бога—вотъ откуда звѣрства. Не они «Его не вспомнили», а Онъ о нихъ забылъ, какъ о существахъ мало одушевленныхъ, плоскихъ и грубыхъ. Развѣ эксцессамъ толпы не предшествовала цѣлая эпоха воспѣванія «бронированнаго кулака», т. е. «кулачной расправы» въ исторіи и въ цивилизаціи,—въ международныхъ отношеніяхъ, въ племенныхъ отношеніяхъ; «кулачное право», — да вѣдь это даже не явленіе только новой Германіи, это и страница средневѣковой германской исторіи... Грубая нація; нѣмцы всегда были грубы. Только тонкою кожицею, только поверхностнымъ слоемъ лежала въ ихъ поэзіи и философіи культура,—плодъ индивидуальныхъ нѣмецкихъ воспареній къ небу. Наверху, въ одинокой башнѣ астролога и алхимика, копался Фаустъ, а внизу двигались чудовищные образы Брунегильды и Фредегонды, и всей кровавой и жестокой исторіи Нибелунговъ... Чета ли это на-

шимъ благодушнымъ Ильѣ Муромцу, Святогору-Богатырю, Микулѣ Селяниновичу, Владиміру Красному-Солнышку. Совсѣмъ другіе сюжеты и напѣвы...

И вотъ съ этимъ «напѣвомъ крови», которая всегда тянулась зажать крѣпкій кулакъ, совпала грубая якобы «реформація», подъ покровомъ которой въ сущности произошло сбрасываніе съ плечъ своихъ «церкви», какъ міра связанныхъ между собою необъяснимостей, чудесъ, можетъ быть и суевѣрій, но—святыхъ и возвышенныхъ, суевѣрій глубокихъ. «Христіанство раціонализировалось» у нѣмцевъ, т. е. перестало быть чудомъ и небеснымъ повелѣніемъ, замѣнившись разсужденіями господъ пасторовъ,—и разсужденіями самого̀ честнаго, но грубоватаго Лютера и его ученаго друга Меланхтона. Все это не то, что чудеса св. Николая Мирликійскаго,—въ его движеніяхъ благостныхъ, порывистыхъ, святыхъ... «Связь Лютера съ Богомъ» или «связь съ Богомъ Николая Чудотворца»? Страшно даже сравнивать. О Лютерѣ мы знаемъ, что онъ бросилъ чернильницею въ чорта, т.-е., что у него

были галлюцинаціи; но о немъ не разсказывается ни одной изъ тѣхъ святыхъ легендъ, которыя разсказываются о безчисленныхъ святыхъ древней христіанской церкви и русской церкви. Вся «исторія лютеранства» есть чисто свѣтская исторія, характерная «исторія изъ Иловайскаго», а отнюдь—не «священная исторія», не «житія» святыхъ и мучениковъ. Все это—необыкновенно важно. *Самая почва* Германіи — какой-то религіозный булыжникъ, а не живые цвѣточки, сплетенные изъ вздоховъ, изъ слезъ, изъ мученическихъ подвиговъ, страданій и кровей. «Какъ имъ не быть грубыми»,—скажемъ мы въ оправданіе звѣрствъ. Они—несчастны.

Несчастны религіозно и несчастны морально; какъ и «бронированный кулакъ» — есть несчастье международное и несчастье культурное. Онъ никого не зашибетъ и никого не искровянитъ, этотъ «кулакъ», —потому что на землѣ больше людей, чѣмъ звѣрей, и звѣря въ концѣ концовъ свяжутъ, а на «безумца» надѣнутъ смирительную рубашку. И не случилось бы это теперь, то случилось бы послѣ, слу-

чилось бы современемъ. Человѣческая исторія есть и непремѣнно должна быть частицею «божественной исторіи»; съ котораго нибудь бока, но она должна освѣщаться небомъ и солнцемъ, а не быть только земляною, грубою, косною, болотною. Натискъ «бронированнаго кулака» угрожалъ всему міру угнетеніемъ, а угнетеніе есть уже начало рабства. Вотъ чѣмъ грозила Германія Европѣ,—и грозила въ безпредѣльныхъ формахъ: такъ-какъ что̀ могло бы сдержать и ограничить этотъ авторитетъ, дорвавшійся до господства? «Власть помѣщиковъ» естественно ограничивалась и угрожалась царскою властью; но, спрашивается, чѣмъ ограничилась бы власть и захваты прусскихъ юнкеровъ съ выставленнымъ впередъ императорскимъ кулакомъ Гогенцоллерна, по мановенію котораго двигаются многомилліонныя арміи? На Европу положительно надвигался ужасъ... Мы знаемъ хорошо, что̀ значитъ эксплоатація народа—народомъ, государства — государствомъ. Тутъ завоютъ, въ нищетѣ и прислужничествѣ, цѣлые племена, города, страны. «Крѣпо-

стное иго» можетъ быть неисчерпаемо разнообразно и оно вездѣ гибельно; въ нашу утонченную и хитрую эпоху оно выражается и оно достигается просто черезъ торговые договоры, черезъ разныя формы юридическихъ обязательствъ.

* * *

Выкидывая патологичныя, всегда личныя исключенiя, и обобщая исторiю и бытъ, мы въ правѣ повторить и сказать, что русскiй народъ всегда былъ жалостливъ и сердоболенъ, всегда былъ памятенъ о болящемъ, о калѣкѣ, о заключенномъ въ темницу. Это «канонъ» русской жизни и русской души, изъ котораго исключенiя мы и назовемъ исключенiями. Исключенiями нельзя корить народъ, потому что они относятся къ характеру и нервамъ лица, а не къ «нравамъ народнымъ», за каковые одни и отвѣтственъ народъ. И «нравы» эти у насъ—кротки и человѣколюбивы. И вотъ мы тутъ вспомнимъ Церковь и ея незамѣтное тысячелѣтнее воспитанiе, раньше грамоты и письма, слухомъ. Не западетъ въ умъ одному, то западетъ дру-

гому,—и на протяженіи цѣлой жизни *каждому* самому легкомысленному «западетъ» хоть разъ слово,—что діаконъ на эктеніи молится о «страждущихъ, *недугующихъ* и *путешествующихъ*»... Какъ разъ попадаетъ въ то самое, чѣмъ явились русскіе въ Германіи: болящіе, разбѣгающіеся, испуганные, внѣ родины, «въ пути сущіе» (эктенія). У русскаго просто «не поднимется рука» на такого, и—*никогда* не поднимется. И нельзя не сказать и не вспомнить, что здѣсь, кромѣ доброй крови славянской, дѣйствуетъ и тотъ «канонъ» души и жизни, какой намъ тысячелѣтіе давала Церковь, давала и даетъ во всемъ христіанствѣ *одно православіе*. Просто—«случилось», что эти эктеніи «не выпустили», «удержали». «Понравилось народу» и «сохранили въ Церкви»... А-нъ пришелъ *случай*, и вдругъ—«пригодилось»... Такъ-то незамѣтно сохраняются и сгребаются въ кучу драгоцѣнныя частицы исторіи, привычекъ, быта, обрядовъ, повидимому «утратившихъ современность и болѣе не нужныхъ». И у католиковъ эти эктеніи не удержались, а Лютеръ вообще «все это и подобное» выбросилъ вонъ. И

въ XX вѣкѣ прусскie лейтенанты и вахмистры вдругъ предстали передъ мiромъ какими-то голыми и дикими,—религiозно-оголенными.

Много добраго, много хлѣба и всякаго зерна, хранится по русскимъ деревнямъ,—по лѣснымъ и степнымъ равнинамъ, но лучше всего эта пшеница Господня, сохраненная Церковью, и которою питается русскiй народъ. Отъ нея—доброе и простое сердце, всѣхъ милующее и о всѣхъ болящее. Спасибо вамъ, попы, и спасибо вамъ, дьяконы, и спасибо имъ, нашимъ древнимъ дьячкамъ, а теперешнимъ псаломщикамъ, и господамъ звонарямъ. И въ самомъ звонѣ они воспитывали русскую душу: вѣдь какой онъ добрый и ласковый. Я поражался за границей, до чего *психологически* не сходенъ съ нашимъ тамошнiй церковный звонъ... Мяукающiй у католиковъ и какой-то пустой у лютеранъ.

Вотъ объ этомъ мы всѣ теперь должны вспомнить—и поклониться тому, кто это заслужилъ.

Обращеніе Верховнаго Главнокомандующаго о Польшѣ и о Червонной Руси

I

«Поляки! Пробилъ часъ, когда завѣтная мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться.

Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступитъ часъ воскресенія польскаго народа, братскаго примиренія его съ Великой Россіей.

Русскія войска несутъ вамъ благую вѣсть этого примиренія.

Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части польскій народъ. Да возсоединится онъ воедино подъ скипетромъ Русскаго Царя.

Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи.

Одного ждетъ отъ васъ Россія,—такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала васъ исторія.

Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой идетъ вамъ на встрѣчу Великая Россія. Она вѣритъ, что не заржавѣлъ мечъ, разившій врага при Грюнвальдѣ.

Отъ береговъ Тихаго океана до сѣверныхъ морей движутся русскія рати.

Заря новой жизни занимается для васъ.

Да возсіяетъ въ этой зарѣ знаменіе креста — символъ страданія и воскресенія народовъ.

Верховный Главнокомандующій
генералъ-адъютантъ *Николай.*

II

5 августа.

Русскому народу!

Братья!

Творится судъ Божій.

Терпѣливо, съ христіанскимъ смиреніемъ, въ теченіе вѣковъ томился Русскій народъ подъ чужеземнымъ игомъ, но ни лестью, ни гоненіемъ нельзя было сломить въ немъ чаяній свободы.

Какъ бурный потокъ рветъ камни, чтобы слиться съ моремъ, такъ нѣтъ силы, которая остановила бы Русскій народъ въ его порывѣ къ объединенію.

Да не будетъ больше подъяремной Руси. Достояніе Владиміра Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даніила и Романа, сбросивъ иго, да водрузитъ стягъ единой, великой, нераздѣльной Россіи.

Да свершится Промыселъ Божій, благословившій дѣло собирателей земли Русской.

Да поможетъ Господь Царственному своему Помазаннику Императору Николаю Александровичу Всея Россіи завершить дѣло великаго князя Ивана Калиты.

А ты, многострадальная братская Русь, встань на срѣтеніе русской рати.

Освобождаемые русскіе братья!

Всѣмъ вамъ найдется мѣсто на лонѣ Матери Россіи. Не обижая мирныхъ людей, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья въ притѣсненіи иноземцевъ, какъ это дѣлали швабы, обратите мечъ свой на врага, а сердца свои къ Богу, съ молитвой за Россію, за Русскаго Царя.

Верховный Главнокомандующій
генералъ-адъютантъ *Николай.*

Судьба Польши
и слово Верховнаго Главнокомандующаго

Слова Верховнаго Главнокомандующаго, Великаго Князя Николая Николаевича, обращенныя къ полякамъ,—о возсоединеніи всѣхъ трехъ частей разорванной Польши подъ скипетромъ Русскихъ Царей, съ твердымъ тономъ о дарованіи полякамъ вѣроисповѣдной, школьной, вообще всяческой бытовой самостоятельности, — дабы *цѣлъ былъ и сохранялся впредь польскій народъ*, какъ единый изъ славянства, — необыкновенно важны, и сразу почувствовались какъ необыкновеннно важныя всѣми. Они глубоко и всесторонне привѣтствуются поляками, во всей Польшѣ, нашей и еще пока зарубежной. Слова эти глубоко подводятъ заступъ подъ наступающія и гряду-

щія событія. Вѣдь война могла быть и «такая» и «этакая», съ перемѣною границъ и выгодами, но—безъ мысли. Война могла быть мелкою по душѣ, при громадѣ жертвъ, лома, шума, гама. Но не такъ хочетъ Государь, воля котораго молча присутствуетъ за словами Главнокомандующаго...

Государь далъ мысль войнѣ; война, въ которую психически набиралось много исторіи, но всѣ эти «собиранія» естественно безсильны безъ царскаго слова, — черезъ это слово получаютъ осуществленія. Пылъ народа, пылъ населенія, чтобы война была *историческою*,—получилъ себѣ фундаментъ. Ибо слово царское поворотовъ назадъ не знаетъ и не можетъ быть не осуществлено: весь народъ встанетъ, дабы защитить и охранить слово царское въ его чести, т. е. въ его истинѣ и осуществленности. Сказано и кончено. Поставлена цѣль войнѣ, которая не можетъ быть достигнута, *еслибы мы не побѣдили:* слѣдовательно, слова Главнокомандующаго уже молча *подразумѣваютъ побѣду*, уже вставляютъ побѣду какъ *содержаніе войны.* Мы не просто «воюемъ», завязываемъ и

оканчиваемъ битвы, двигаемся сюда и туда, входимъ съ тріумфами въ города или отступаемъ по необходимости. Это «шаги» и число ихъ не считается въ «походѣ». Совершается именно «походъ» и конецъ его—Единая Польша подъ Русскимъ скипетромъ.

Ни шагу въ сторону. Ни движенія назадъ, иначе какъ только временнаго, «покуда»...

Что̀ же это знаменуетъ?—Осмысленіе польской исторіи и «какъ-бы свѣжій вѣтеръ продулъ» въ огромномъ, темномъ, сыромъ и какомъ-то чахломъ углу русской исторіи. Боль Польши всѣмъ намъ была больна, всему населенію. Объ этомъ говорилось и писалось разное,—но подспудно у всѣхъ русскихъ была мысль, что «съ поляками что-то неладно». Взглянемъ назадъ. Велики были преступленія разныхъ Августовъ Понятовскихъ и (смотри «Записки князя Адама Чарторыжскаго») велика была порочность и паденіе цѣлаго того поколѣнія, при которомъ произошли раздѣлы Польши. Но *то̀* поколѣніе, какъ и послѣдній польскій король, — и должны

были быть наказаны. Однако народъ есть не «это поколѣніе», а—*всѣ поколѣнія* отъ того же одного корня. За что̀ стало-бы страдать наше теперешнее польское поколѣніе, намъ современное, а самое главное— за что̀ страдали бы внуки и правнуки теперешнихъ поляковъ? Безъ вины. Они уже не отвѣтственны ни за грѣхи Августа Понятовскаго, ни за моральное паденіе людей конца XVIII-го вѣка. Виновны-ли теперешніе фабриканты Морозовы и профессоръ Ключевскій за то̀, что въ XVIII вѣкѣ были Митрофанушки и Скотинины? Не въ большой мѣрѣ виновны и теперешніе поляки—свѣжіе поляки—въ томъ, что тогда гноилась Польша. А они—*свѣжіе*, эти теперешніе поляки. Они трудятся. Они патріотичны. Они молятся. Они много страдали, и этимъ уже сказано все.

Но оказалось нѣчто свѣтозарное и скрываемое, что̀ собственно и открылось полякамъ и что̀ ихъ такъ и обрадовало. Именно это единственное и обрадовало. Въ то̀ время, какъ Австрія манила ихъ приманками провинціальной свободы,—только провинціальной, не пророняя слова о *цѣлизнѣ*

Польши,—и явно, что эту провинціальную свободу она увеличивала не по расположенію къ полякамъ, но для укора единородной имъ Россіи и для наибо́льшаго увода поляковъ вдаль и вдаль отъ славянства, во вражду и вражду къ главному средоточію славянскаго міра, а Пруссія цинично и явно поклялась стереть поляковъ съ самаго лица земли и убить самое населеніе ихъ въ своихъ владѣніяхъ, разпыливъ его на безсвязаныя индувидуальности, въ это самое время былъ нѣкто, кто казался имъ самымъ суровымъ, наименѣе обѣщающимъ, но въ тайнѣ онъ-то и болѣлъ о главномъ ихъ страданіи, не проронивъ никогда ни сло́ва. Первыя-же слова Главнокомандующаго и члена Царской Семьи,—это-то особенно и важно,—выявили во-о́чію всего міра главное страданіе поляковъ съ такою полнотою, что сами поляки затрепетали, ибо и сами они скорѣе путались въ этихъ мысляхъ, все говоря только о провинціальной свободѣ, надѣясь на нее, хлопоча о ней, отчаиваясь даже въ ней, и представляя себѣ «возстановленіе разорваннаго народа» пустой мечтой, для которой нѣтъ въ мірѣ ни-

какой опоры. Да и не было никакой. Самимъ русскимъ это казалось несбыточнымъ, и никто рѣшительно изъ русскихъ никогда не говорилъ объ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это «возстановить», когда это невозможно иначе какъ по взаимному и разомъ согласію трехъ державъ, въ европейскомъ авторитетѣ равныхъ и приблизительно равносильныхъ? Желаніе одной которой-нибудь явно ничего не значило, — «одна» и оставалась при «1/3 Польши», которою она владѣла, и могла ее «возстановлять», т. е. оживлять отрубленный членъ. Притомъ, отношенія къ Россіи уже были испорчены двумя возстаніями, а Пруссія явно была заинтересована въ старой «Полабской политикѣ» (Полабскіе *вымершіе* славяне), т. е. чтобы поляковъ было какъ можно меньше и какъ можно скорѣе они превращались въ пруссаковъ. Австрія-же играла и хитрила около вопроса, конечно еще меньше желая лишиться Галиціи, чѣмъ сколько она могла воздержаться отъ захвата Босніи и Герцоговины. У поляковъ не было друзей въ мірѣ. У поляковъ въ мірѣ были только враги. И поистинѣ это была предсмертная

нація, нація въ агоніи, которая казалось протянется еще вѣкъ и затѣмъ все кончится. Борьба за Польшу кого-нибудь? Кого? Если даже взять, что пышное слово Наполеона I-го осуществилось бы, то́ вѣдь нужно было, чтобы преемники его, Наполеониды, не только сидѣли на престолѣ Франціи, но и были всѣ, въ цѣлой генераціи своей, ровно столько-же сильны, талантливы и всепобѣдоносны, какъ первый Наполеонъ. А разъ они ослабли и только держатся во Франціи, — узурпація трехъ державъ опять вступала въ силу. Кто́-же отъ «дѣдовскаго» отказывается, кто́-же «дѣдовское» не хочетъ вернуть себѣ? А «дѣдовское» — это «Галиція» и «Познань» и нашъ «Привислинскій край». Опять три «трети», опять — «разорвано»... Да и Франція слишкомъ вообще удалена отъ Польши, не прилегаетъ къ ней границами; и органически слишкомъ съ нею не связана, чтобы сдѣлать настоящее и гигантское усиліе ради чтобы она была «цѣльна и полна». Откуда же «цѣлость»-то придетъ, т. е. главное?.. Неоткуда придти, неоткуда ждать. Но прибавимъ еще худшее.

Цивилизація вообще, Европа вообще уже втянулась въ рамки того сухого и циничнаго существованія, когда вообще ничего не дѣлается ради идеала. «Вѣкъ крови и желѣза», о которомъ высказался Бисмаркъ съ трибуны парламента, — высказался первый ея политическій авторитетъ, сокрушившій двѣ имперіи, и которому внималъ міръ какъ оракулу,—казалось протягивалъ надъ Европой какой-то раскаленный чугунный сводъ, подъ которымъ отнынѣ будутъ жариться народы, будутъ корчиться народы, будутъ высовывать жаждущіе языки и на нихъ не упадетъ никакая капля росы. Ужасно,—и вмѣстѣ точно, математично. «Сила создаетъ право»,—тоже формула Бисмарка, услужливо и удивленно подхваченная теоретиками государствовѣдѣнія. «Ужасно, но зато научно»,—и людямъ оставалось жариться по-научному. Въ Европѣ дѣйствительно настала и стояла какая-то удушливая атмосфера, которая казалась безконечною, потому что, скажите, что̀ ее ограничивало, кто ее ограничилъ-бы? Тутъ не то̀ что полякамъ, но и всѣмъ людямъ вообще становилось жутко и тревожно... Посмо-

трите, какъ «раздѣлили» Африку? что началось было въ Азіи? во что превратилась, черезъ какія-то неуловимыя манипуляціи, старая Турція, съ Багдадскою дорогой и нѣмецкими инструкторами, съ низверженіемъ стараго султана и торжествомъ младо-турокъ?... Пять колоссовъ, и только эти пять, расхватали по кусочкамъ землю (Россія не участвовала),—не озабочиваясь о другихъ... И изъ колоссовъ объ одномъ, о Франціи, явно уже заходила и рѣчь и мысль... Франція трепетала. Безмолвно, но уже витала мысль о самой ея смерти, о гибели... «Останутся только четверо,—и тамъ посмотримъ, чей чередъ». На «чредѣ» еще стояла мысленно одна старая монархія. Въ сущности, въ мірѣ оставались, идейно и всячески, три колосса—Россія, Германія и Англія, или Англо-Саксонскій, Германскій и Славянскій міръ... Опять—съ противорѣчіемъ, опять—съ антагонизмомъ.—Не эти державы, но вся цивилизація вступила въ какой-то Молоховъ ужасъ... Безъ надеждъ, безъ исцѣленія.

Мы мало отмѣчаемъ черты родной исто-

ріи. Мы, русскіе, чрезвычайно мало уважаемъ родную исторію, смотря все въ «иностранщину», все пяля туда глаза... Можетъ, теперь это пройдетъ. Дай Богъ. Не гадая о будущемъ, оглянемся на прошлое.

Когда нашъ добрый царь Александръ III былъ приглашенъ къ обѣду Германскаго Императора, то по этикету ему былъ поданъ списокъ приглашенныхъ гостей. Онъ посмотрѣлъ и вычеркнулъ «Бисмарка»... Спокойно и не волнуясь, не запрашивая ни дипломатовъ, ни церемоніймейстеровъ. Какъ Самодержецъ Россійской Державы. Этикета нельзя было нарушить, нельзя было отказать Гостю и Императору. И создатель Германіи отсутствовалъ.

Это было давно, въ годы моего учительства. Года не помню. И прочелъ я это не въ газетахъ, а какъ теперь помню—услышалъ отъ учителя С., слѣдившаго по газетамъ. Было это около 1890 года приблизительно. Товарищъ С. былъ очень доволенъ, и когда я поднялъ голову съ удивленіемъ, чтò это значитъ, онъ съ улыбкой отвѣтилъ:

— Царь сказалъ: — «*Не хочу...*»

— Какъ «не хочу»?!!...

— «Не хочу сидѣть за однимъ столомъ съ Бисмаркомъ»... «Я позванъ и мнѣ будетъ непріятно». «Вы меня спрашиваете по этикету, съ кѣмъ мнѣ пріятно, и я отвѣчаю чистосердечно, что съ *этимъ*—непріятно». Вотъ и все. И онъ залился своимъ немного хитрымъ смѣшкомъ. Добавивъ:

— И Бисмаркъ не былъ приглашенъ.

Передаю во всей подробности, какъ я узналъ, дабы не было сомнѣнія у читателя, что это—точный фактъ. Да историки и спеціальные политики конечно и знаютъ его. Я не придалъ *особеннаго* значенія поступку, какъ и всѣ, кажется,—пока не наступили наши дни, когда все это получаетъ предзнаменующее значеніе. Вѣдь мы живемъ въ царствованіе сына Александра III... С., мнѣ разсказывавшій (по роду онъ былъ изъ крестьянъ Смоленской губерніи), формулировалъ свою мысль такъ:

— Царь не стѣснился выразить Берлинскому двору, что лицо Бисмарка ему противно, потому-что противенъ Бисмаркъ *какъ человѣкъ*...—не вступая въ пререканія, «геній» онъ или нѣтъ.

Поразительно, глубоко и объясняется

только теперь. Царь Русскій, можетъ быть и даже навѣрное — единственный изъ свѣточей, горѣвшихъ верховенствомъ въ Европѣ («верховная власть Государя»), почувствовалъ свою несовмѣстимость хотя и съ геніемъ, но—съ отвратительнымъ человѣкомъ. Больше, сильнѣе: почувствовалъ и *сказалъ это.* Сказалъ и не смутился въ великой своей человѣческой ясности, въ совокупности тѣхъ нравственныхъ чертъ, о которыхъ много говорили въ связи съ именемъ Александра III-го. Александръ III, какъ извѣстно, совершенно не выносилъ лжи и лживости въ людяхъ. А Бисмаркъ былъ весь ложь и лживъ. Ему-бы только «свой интересъ» (германскій). Онъ былъ циникъ. Цинизма и жестокости тоже не выносилъ Государь.

Вѣдь онъ—Русскій...

И въ немъ какъ-бы вся крестьянская Русь, вся бытовая Русь, сказала о Бисмаркѣ:

— Не хочу съ нимъ ѣсть однихъ щей.

Шабашъ. Ничего не подѣлаешь съ такимъ «не хочу».

Волевое расхожденіе.

Другое — Гаагская конференція. Еще когда наканунѣ ея никто и ничего не думалъ о возможности эры мира на землѣ, Русскій Царь вынесъ изъ великаго сердца своего жалость къ истощенію силъ всѣхъ народовъ на непрерывныя вооруженія, — и предложилъ доброй волѣ европейскихъ могуществъ («потентаты») имъ самимъ разоружиться, мирно выработавъ такія нормы вооруженія, за которыя «никому не переступать». Великое слово, великое движеніе,— и по-истинѣ оно украсило конецъ XIX-го вѣка, какъ какая-то иная звѣздочка иного неба. Если бы мы, русскіе, не проходили мимо своей исторіи, еслибы мы были къ ней внимательны, а не недостойны ея, мы отмѣтили-бы особливое значеніе этого слова. Во-первыхъ, самаго *движенія* сюда не было ни у одного политика, ни — у Государя, ни—у министра; очевидно, всѣ были совершенно въ другихъ и правдоподобно-обратныхъ темахъ; и, такимъ образомъ, движеніе это было *новымъ*, *впервые въ исторіи*. Во-вторыхъ, слово Государя вообще есть уже *фактъ* и этого тоже мы не съумѣли отмѣтить. Въ книгахъ могутъ пролетать и

пролетаетъ много мыслей,—которыя авторы и плодятъ тѣмъ обильнѣе, что это вообще ничего не значитъ. Посему книги звенятъ «миромъ» и всякими благами, всякимъ счастьемъ человѣческимъ, всякими человѣчеству обѣщаніями, которыя ѣдятъ мыши, съѣдая книги въ библіотекахъ... Это вообще ничего не значитъ, пока есть мысль и мечта... Мечта подобна сну и содержитъ не болѣе, чѣмъ сонъ. Но слово Государя совершенно на эти книги не похоже; оно не истлѣваетъ въ библіотекахъ, потому-что оно сказано міру и міръ его слышитъ; слышитъ и пріуготовляетъ сердце, перестраиваетъ сердце. И, отсюда, послѣ слова изреченнаго—Государь уже связывается и связуетъ самъ себя этими перестроенными сердцами, этими обрадованными сердцами, этими отнынѣ надѣющимися сердцами. Великое дѣло, совершенно недоступное никакой книгѣ, ни единой. Отчего-же всѣ сразу слышатъ, когда даже Канта слышатъ одни его ученики? Царя слышатъ ученики и не ученики, его подданные и чужіе подданные, согласные съ его словомъ и несогласные съ его словомъ. Друзья и враги. Весь міръ.

Отчего? откуда? Да оттого, что за словомъ царскимъ стоитъ много-милліонный народъ, сто-милліонный народъ, который только ожидаетъ прибавленія—«повелѣваю», чтобы ринуться и исполнить, ринуться и осуществить. Этого не можетъ ни Аристотель, ни Кантъ, ни Шиллеръ, ни Шекспиръ. У всѣхъ только желанія, и эти желанія—ничто; хороши—и мы называемъ ихъ благородными, худы—и мы называемъ ихъ злыми. Но изъ злого желанія выходитъ хоть преступленіе, а изъ добраго желанія даже и этого не выходитъ, если это не есть желаніе только личное и домашнее. Царь качаетъ горами; повелѣлъ-бы срыть, и наша губернія «не усомнясь»—срыла-бы. Горищу срыла-бы, самую огромную. «Повелѣлъ»—и Русь покрылась желѣзными дорогами; Петръ «повелѣлъ»—и выросъ Ладожскій каналъ, такой огромный и трудный. Всѣ философы въ мірѣ не прокопали-бы. Вотъ эту-то черту въ лицѣ Государя и въ словѣ Государя мы и не уловляемъ, думая и соображая, что Его слово есть какъ наши-же слова, имъ подобное и лишь большее, но—*въ одной категоріи.*—Вовсе не въ одной кате-

горіи и совершенно разное. Мы даже не догадываемся, не умѣемъ подняться умомъ до объема слова царскаго, изъ котораго исходятъ міры; исходятъ и изошли уже, и вѣдь мы всѣ это знаемъ, но видимъ и не видимъ, понимаемъ и не понимаемъ. Въ противоположность всѣмъ философствующимъ и всѣмъ поэтическимъ словамъ, всѣмъ безсильнымъ словамъ, слово царское есть творческое, живородящее, созидающее, какъ я сказалъ, цѣлые міры. Сила, которая накоплена исторіей. За Наполеономъ I-мъ не стояло накопленной исторіи, и дѣло его разсыпалось при всемъ личномъ геніѣ. Такимъ образомъ «сила накопляющей исторіи» гораздо могущественнѣе даже генія. А вѣдь мы-то лично, земные человѣки, выше генія ничего не знаемъ. «Что-же еще можетъ быть выше генія?» Я указываю—исторія.

Отсюда вытекаетъ, что слово царское не можетъ никогда коснуться неосуществимаго; и слово нашего Государя о всеобщемъ разоруженіи, или точнѣе—объ ограниченіи вооруженій въ цѣлой Европѣ, сказывало въ самомъ своемъ изреченіи воз-

можность, исполнимость. Кто указываетъ задачу—знаетъ, какъ ее и разрѣшить. Предложеніе было совершенно мирное, — «къ доброй волѣ»; оно было къ «хочу»,—но за этимъ «согласенъ и тоже хочу» другихъ Государей конечно должны бы послѣдовать опредѣленныя мѣры, планъ которыхъ, пучекъ которыхъ непререкаемо уже держался въ умѣ. Такимъ образомъ, это не было вовсе однимъ «движеніемъ души», какъ у насъ-бы и какъ мы мысленно приравнивали къ себѣ; «предложеніе разоруженія» — было колоссальнымъ *поступкомъ*, «началомъ переноса горы въ другую сторону», но—только началомъ, за которымъ «совершенія» не послѣдовало. Какъ я сказалъ уже, предложеніе было совершенно мирнымъ, обращеннымъ къ чужому «хочу», и поставленное отъ нихъ въ зависимость по той естественной причинѣ, что Россія не есть Европа. Оно было именно «предложеніемъ» во всѣхъ его нравственныхъ границахъ. Мы опять тутъ, русскіе, ничего не замѣтили,—а замѣтить было что́. «Разоруженіе» или «ограниченіе»—это содержало перестройку всей политической систе-

мы Европы; именно, оно содержало какъ бы прорывъ того имѣющаго наполниться кровью пузыря, страхъ передъ которымъ и заставилъ всѣхъ вооружаться... «Не дошла бы до меня очередь наполнять *моей кровью* этотъ пузырь»... Предложеніе устраняло *задачу* европейской политики,—эту циничную и злую задачу, которую далъ тотъ, съ кѣмъ кто-то одинъ въ Европѣ «не захотѣлъ ѣсть щей». Итакъ, — колоссальное дѣло. Вовсе это не значило только «распустить войска», «уменьшить число пушекъ», что̀ пока механично и ариѳметично, но — начать *иначе думать, перестроиться самому душевно*, переставъ прежняго желать и прежнимъ грёзить... И что́-же, характеръ «мирнаго предложенія» уже начиналъ эту перестройку души, — очевидно произойдя уже изъ перестроенной души. За все время европейской дипломатики и политики, представляющей Вавилонскую башню хитросплетеній, истинную «неразбериху» хитросплетенія, — это былъ простой и ясный зо̀въ къ всемірному человѣколюбію, простое и всетаки нѣсколько укоряющее указаніе, до чего вооруженія тяжелы и непо-

сильны населенію Европы; это было предложеніе удовлетвориться тѣмъ, что каждый имѣетъ, и оставить замыслы противъ сосѣда... Политическая система Европы возвращалась къ простотѣ и ясности, къ добру и правдѣ. «Довольно плести паутину для другого», пусть каждый «пашетъ свое поле и ѣстъ свой хлѣбъ». Вотъ новый планъ. Совершенно новый замыселъ европейской исторіи.

Изъ Берлина раздался циничный смѣхъ. Онъ вышелъ оттуда, откуда и поднялся кверху кровавый пузырь,—съ родины Бисмарка. Смѣхъ обнаружилъ моральный центръ Европы, черную точку этой морали. Вильгельмъ II въ сущности единственный въ Европѣ выразилъ несогласіе на предложеніе нашего Государя, — но, при громадныхъ вооруженіяхъ Германіи и постоянномъ ростѣ ихъ именно здѣсь, парализовалось все дѣло. Тутъ опять не отмѣчено было кое-что важное. Вооружалась держава, положимъ, 20 лѣтъ; въ случаѣ, если она сокращаетъ на половину свои вооруженія, то́ она не просто ломаетъ половину ружей

и разбиваетъ половииу пушекъ (говорю образно и грубо, сокращая рѣчь въ ея побочныхъ частяхъ), но она упраздняетъ прежнюю *систему* набора солдатъ, комплектованія офицеровъ, сокращаетъ число учебныхъ заведеній для подготовки офицеровъ, погашаетъ многія должности, многія каѳедры, перестраиваетъ нѣкоторыя учрежденія и законы. Словомъ, это—не «порвать паутину», а—расплести кружево, сохраняя нитки. Тутъ — работа, копаніе, а не одиночное «повелѣваю», хотя началось все съ него. Хотя Петръ въ опредѣленный *день* сказалъ «повелѣваю» о Ладожскомъ каналѣ, но копали его десять лѣтъ. Это — разъ. Другое:—только черезъ десять или двадцать лѣтъ, и притомъ упорнѣйшаго труда, можно было бы возстановить ту часть или ту половину вооруженій, отъ которой данная страна «отказалась бы». Чтó же сдѣлалъ Вильгельмъ II своимъ отвѣтомъ: «Если Россія разоружится *первая*, тó тогда и *послѣ того* мы тоже разоружимся». Вслѣдствіе потребности *годовъ* на возстановленіе вооруженій, какъ я сказалъ, слова эти означали

только: «Я тебя съѣмъ и послѣ того разоружусь».

Оставалось готовиться...

Что́-же еще дѣлать съ хищнымъ звѣремъ, который грозитъ всѣмъ, который не скрываетъ угрозъ, который дѣйствительно голоденъ и дѣйствительно силенъ?...

По-мужицки:

— Да переломать ноги звѣрю, чтобы потише бѣгалъ. Тогда волкъ овцу не догонитъ.

Разъ все втянулось въ пещеру Молоха,— остается выкинуть статую и разломать стѣны. «Воздуху! Воздуху!» — «Жарко, душно!»—вотъ теперешняя война въ ея корнѣ, помимо подробностей политики. Въ сокровенности подробностей политики все-таки лежитъ царское «хочу». Это «хочу» сказалось на Гаагской конференціи. Совершенно параллельно идетъ суровое «не хочу съ *нимъ* ѣсть» — въ отношеніи Бисмарка. Рѣшительно ничѣмъ Германія теперешняя и даже будущая не угрожала Россіи. Россія дѣйствительно и реально не имѣетъ въ войнѣ другихъ мотивовъ, кромѣ какъ идеалистическихъ. Будучи по населенію вдвое

больше Германіи, ускоряясь въ ростѣ населенія скорѣе чѣмъ Германія, и будучи по техникѣ вооруженія одинакова съ нею, Россія могла никогда не опасаться Германіи. Германія объявила Россіи войну въ страхѣ передъ ея естественнымъ ростомъ, зная, что «теперь легче», чѣмъ «потомъ». Вотъ что̀ создало обстановку и подробности войны.

Но въ корнѣ и глубоко лежитъ—расхожденіе добра и зла. Лежитъ съ одной стороны—«хочу поглощать», и съ другой—«не допущу поглощать». Въ отношеніи Франціи, а теперь также и Англіи («будущее Германіи—на моряхъ») это настолько извѣстно и не оспаривается, что говорить здѣсь нѐчего.

Вернемся къ Польшѣ.

Та полнота мысли о польской судьбѣ, какая содержится въ словахъ Верховнаго Главнокомандующаго, не оставляетъ мѣста сомнѣнію, что она родилась не въ воинской ставкѣ, пришла не въ обстоятельствахъ событій, а зрѣла и вынашивалась давно. Здѣсь мы должны сказать упрекъ

славянофиламъ. Они малодушествовали о русской исторіи. Въ горячей и, нельзя не сказать, поспѣшной полемикѣ, они твердили о *себѣ*, что одни только несутъ боль о славянствѣ, скорбь о славянствѣ, скорбь о «дѣдинѣ русской», называя такъ стародавніе вѣка Россіи и стародавніе предѣлы Россіи. И теперь только можно понять и постигнуть, почему оффиціальное правительство говорило имъ—«сидите смирно». Мы всегда предполагали въ этомъ холодъ, бездушіе; славянофилы говорили, что это — непониманіе. «Какъ!—преслѣдовать людей, стоящихъ на стражѣ Державы, Вѣры Православной, Царя Самодержавнаго»! Дѣйствительно, странно и наконецъ дико. До того странно и дико, что давно пора было догадаться или по крайней мѣрѣ начать искать, не скрывается-ли тутъ чего-нибудь другого. И были «отмѣтины», по которымъ можно было начать слѣдить и догадываться. — «Насъ преслѣдуютъ, когда западничество и наконецъ откровенный радикализмъ оставляются въ покоѣ». Западничество— только разговоры, радикализмъ мутилъ только студентовъ и гимназистовъ; и было

вѣдь совершенно очевидно, что славянофилы и журналы ихъ, къ которымъ въ высшей степени внимательно прислушивались «дружественныя державы», вотъ у которыхъ были въ зубахъ кусочки Польши, — мѣшаетъ чему-то гораздо болѣе существенному, нежели смута въ юношествѣ и либеральная оппозиція правительству. Въ преслѣдованіяхъ напр. Аксаковскихъ журналовъ, богословія Хомякова, историческихъ идей Константина Аксакова, въ быстромъ закрытіи «Европейца» Ив. Кирѣевскаго, — сквозило что-то ѣдкое, пугающееся, спѣшащее скорѣе «потушить» и чтобы «не было разговоровъ»... Тайна. И—какое-то ревнованіе. Можно было начать догадываться. Оффиціальное правительство стояло «во всей формѣ» передъ линіей европейскихъ державъ,—совершенно «европейское», какъ и они, и даже съ говоромъ ея дипломатіи по-французски. «Языкъ салоновъ Франціи и Россіи, Парижа и Петербурга»...

Когда, вдругъ, Главнокомандующій и Великій Князь заговорилъ крупно, по-русски. Заговорилъ... о Польшѣ, о которой славянофилы не говорили ни разу тепло.

Между тѣмъ какъ что́ за «Славянскій міръ» безъ поляковъ? гдѣ «Міръ» именно мирный, славный и славянскій, безъ удушенія даже и малѣйшей его частицы, разъ польская народность раздроблена? Гдѣ идеалъ Гаагской конференціи—«каждый да пашетъ свое поле и ѣстъ свой хлѣбъ»?!

Если бы слово Главнокомандующаго и Великаго Князя родилось только наканунѣ дня его объявленія и въ трудахъ войны, — то̀ конечно оно повторило бы только извѣстныя давно во всей Россіи слова славянофиловъ. Но оно оказалось полнѣе ихъ, и — въ существенной части. Оно глубоко самостоятельно по тону, — прямому и очень ограничивающему, по слову именно «государственному», а не литературному. Такимъ образомъ, оно стоитъ совершенно внѣ традиціи славянофильства и слѣдовательно открываетъ собою какую-то другую традицію.

Какую? Чью? Кто думалъ?—Никто не думалъ.

Вскрываетъ традицію Великокняжескую? Таковой никто не можетъ предположить, уже потому, что всѣ Великіе Князья по-

винуются, какъ и мы, хотя и единородные и близкіе къ средоточію Рода; и никогда они не изъявляли Государственной воли и Государственнаго рѣшенія. Этого не было и какъ поползновенія.

Чья-же традиція?

Престола Царскаго. Вотъ о чемъ радость поляковъ. Чтὸ имъ мнѣнія всѣхъ славянофиловъ, и постоянно говорливаго Петербургскаго Славянскаго Общества? Изъ него «шубы не сошьешь»,—по-истинѣ «не сошьешь». Прекрасныя и благородныя мысли славянофиловъ суть именно тὸ благородство, изъ котораго ничего не выходитъ. Какъ впрочемъ и изъ книгъ Аристотеля. А поляки были голодны. Безъ шубы, на морозѣ. Они были безъ надежды въ исторіи. Вдругъ имъ открылось, что былъ Нѣкто, кто всегда о нихъ думалъ,—думалъ и молчалъ, болѣлъ и молчалъ... Пока не дошло до поры «сдѣлать». И онъ «сдѣлалъ».

— «Повелѣваю»...

Разговоры кончены. Славянофильство «сѣло на мель», или пожалуй оно въ тоже время «сошло съ мели» творчески и

огромно, блистающе и сверкающе. Мнѣніе есть мнѣніе, пока его не «захотѣлъ Царь». А онъ «захотѣлъ»—и мнѣніе стало *фактомъ*. Славянофильство умерло, потому-что оно оказалось ненужнымъ и напраснымъ, только мѣшающимъ въ параллельной мысли тому «оффиціальному правительству», которое *одно* и могло *сдѣлать*,—впрочемъ, когда Царь приложитъ къ его способностямъ и силамъ:—«*быть по сему*». Великая ошибка славянофиловъ,—ошибка за весь почти уже вѣкъ ихъ существованія,—заключалась въ томъ, что они видѣли умъ только въ себѣ и сердце только въ себѣ, отрицая умъ и сердце въ другихъ и въ другомъ. Грѣхъ ихъ—въ малодушіи. Они были именно малодушны о Русской Исторіи, твердя, но отвлеченно, о ней, что она «святая». Я продолжаю мысль о «Руси Святой»: ибо откуда же бы эта святость самой земли, еслибъ она имѣла черную или грязную исторію? По исторіи — историческое существо. Итакъ, Святая Русь имъ казалась менѣе умной и менѣе правдивой, чѣмъ ихъ литературная и общественная партія. И вотъ откуда на нихъ гоненіе,

довольно понятное. «Что́ вы о себѣ думаете»?—«*Кто* вы и давно-ли вы»? Ропотъ понятенъ,—ропотъ того говорившаго по-французски правительства, которое вѣдь могло думать и по-русски.

Какъ Пушкинъ, писавшій французскіе стихи,—такъ любилъ пѣсни своей няни.

Неблагородное непониманіе,—ужъ нечего скрывать.

Мысль славянофильства оказалась не только безсильна, но и узка и даже холодна (участь Польши)—сравнительно съ той громадой жара, какая жила и тлѣла и горѣла и дожидалась случая какъ традиція Престола. Вотъ что̀ стало очевидно. Славянофильство умерло и паки воскресло. Но оно и воскреснуть-то можетъ, только выговоривъ великое «прости». Ибо въ его подозрительности было, конечно, много оскорбительнаго. Легко ли: оно обвиняло почти вслухъ все «оффиціальное правительство» въ отреченіи и отъ православія, и отъ народности, и даже отъ самодержавія!! Министрамъ можно вскочить какъ въ горячкѣ: «Да ошалѣли вы,—что́ же, дьяволу, что́ ли, мы по вашему служимъ? Измѣнили

отечеству и въ тайнѣ живемъ на содержаніи иностранныхъ державъ»??! Дѣйствительно, какъ было понять постоянную формулу славянофиловъ: «Мы служимъ православію, самодержавію и народности,— а правительство насъ *за это* гонитъ». Поистинѣ, ихъ даже мало гнали. Они были просто глупы.

Они говорили...

Они не понимали...

Они не имѣли вѣры... въ того Суворова, который звался «Фельдцехмейстеромъ», носилъ прусскій мундиръ по уставу,—и пѣлъ за дьячка на клиросѣ, о чемъ не сообщалъ, конечно, Принцу Саксонскому, своему другу.

Русское «оффиціальное правительство» было двойственно по двойственному сложенію русской исторіи, начиная уже съ Петра; но какъ Петръ, заимствуя технически-необходимыя средства самозащиты съ Запада, былъ однако кореннымъ русскимъ человѣкомъ, — такъ и правительство послѣ него всетаки было въ душѣ своей русскимъ, не смотря на мун-

диръ и формы, на языкъ и внѣшніе пріемы. Но этотъ его русскій характеръ выражался не въ разглагольствованіи и фразахъ, а въ русской работѣ и въ заботѣ о Россіи. Да и странно было-бы иначе. Какой-же, позвольте, *предметъ* имѣло-бы правительство безъ этого? Безъ этого оно было-бы не съ «худымъ предметомъ» передъ собою, но вовсе безъ предмета,—что́ физически невозможно, что́ духовно невозможно. Развѣ можетъ быть статуя безъ пьедестала, бронзовый всадникъ на ней безъ опоры? Между тѣмъ несчастіе, ошибка и порокъ славянофиловъ заключался именно въ такомъ воздушномъ представленіи своей яко-бы воздушной исторіи, яко-бы безъ-матерьяльной исторіи. Несносное было въ этомъ то̀, что въ корнѣ такое представленіе держалось на личной переоцѣнкѣ себя: «мы всѣхъ умнѣе», «мы всѣхъ сердечнѣе», «мы только и умны», «мы только и сердечны»... Если взять напримѣръ позорную страницу въ «Хаджи Муратѣ», гдѣ показанъ «день императора Николая I-го», то что̀-же мы увидимъ и какой смыслъ вписалъ Толстой въ эту страницу? Его можно бы спросить:

«такъ вы и думаете, что Русская Исторія сложена изъ удачныхъ и неудачныхъ эпизодовъ ухаживанья за барышнями и дамами,— и что въ самомъ дѣлѣ le roi s'amuse и только?...Извините, изъ этого ни Реймскаго собора не получится, ни нашего Кремля». Вѣдь и Реймскій соборъ есть фактъ и Кремль есть фактъ. Исторія фактична, въ камнѣ и дѣлахъ, въ чугунѣ и событіяхъ,—и этого колосса фактичности не опровергнешь изображеніемъ. Исторія не виновата, если ее не понимаетъ историкъ, но историкъ виноватъ, если онъ не понимаетъ исторіи. И преступенъ, если не понимаетъ ее по легкомыслію. «Вы прогулялись и мимо Кремля, и мимо Реймскаго собора»,—можно-бы сказать мнимой историчности и Толстого и Гюго,—«и это именно вы qui vous amusez, а вовсе не les rois s'amusent». Между тѣмъ мы беремъ еще геніевъ, Толстого и Гюго. Что̀-же сказать объ остальныхъ? Мы были неучтивы къ своей исторіи, человѣкъ вообще былъ неучтивъ къ своей истоіи; одинъ изъ сыновей Ноя худо назывался, и историки не были ни Симомъ, ни Іафетомъ предмета, который они излагали и изъясняли.

Вотъ откуда все вытекло, и славянофилы почти фатально приняли ту точку зрѣнія, которую имѣли всѣ. Не они сотворили, а приняли ядъ, имъ поданный. Неоспоримо, что они были достойнѣйшими людьми своей дѣйствительности, своего времени,—и одни были «сынами отечества своего», а не «рабами отечества своего»,—но и на солнцѣ есть пятна. Такимъ пятномъ на славянофильствѣ было то, что они за оффиціальностью не видѣли сердца. Мундиръ распахнулся,—и мы увидѣли сердце, которое всегда болѣло. И болѣло по-своему, никому не подражая, болѣло изъ себя.

Болѣло Сердце Царское о Польшѣ,—болѣло особымъ Государевымъ болѣніемъ, а не человѣческимъ, котораго мы и постигнуть-то не можемъ по той простой причинѣ, что никогда не были царями. Есть особое «мѣсто царское» въ мірѣ, въ дѣйствительности, — котораго мы не знаемъ, потому-что никогда на немъ не бывали. И на «мѣстѣ» этомъ есть своя мудрость и глубина, свои гнѣвы и своя нѣжность, свои бури и свой штиль, и мы ихъ совершенно не знаемъ, потому-что это не «наше».

Все—изъ вѣковъ, изъ сѣдины, изъ незримой традиціи отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку; традиціи, которой мы никогда не подслушивали, и она едва-ли есть въ документахъ. «Реймскій соборъ откуда-то выросъ», и «Кремль какъ-то сложился» въ стѣнахъ и башняхъ своихъ. Ни мы, никакіе Иваны Семеновичи и вообще частные люди, ни всѣ герои Толстого, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Островскаго, Гончарова, Писемскаго—не слѣпили-бы всѣми силами ума и характера «стѣнъ Кремля». Вышелъ-бы или обыкновенный домикъ или коммерческая постройка. По жилищу—и человѣкъ. Но также и обратно: по жильцу—домъ. Если жилищемъ Царя былъ Кремль—не по величинѣ, а по художеству и своеобразію своему,—то мы должны-же смиренно сознаться, что вообще въ Лицѣ Царскомъ ничего не понимаемъ, что оно есть совершенно для насъ непостижимо по совершенно другому историческому устроенію. Мы—частные люди, онъ—Царь. Этимъ все сказано.

Посмотрите на слова Главнокомандующаго: онъ не изъясняется, не заискиваетъ

страшное предположеніе!), а—велитъ. Вотъ на что̀ не обратили вниманія,—что онъ *велитъ* исторіи, почти обходя людей. Какъ и подобаетъ, ибо что̀-же такое «теперешніе поляки» передъ умершими и еще которые будутъ жить?! Величіе Государя и отпрыска царскаго, что у него шагъ въ версту, когда у насъ въ аршинъ,—и онъ даже и мыслить и представлять себѣ не умѣетъ «теперешнее поколѣніе», а лишь генерацію ихъ, весь народъ. Поэтому Главнокомандующій говоритъ собственно въ присутствіи поляковъ, но—о Польшѣ. Ему больна Польша, а не теперешніе поляки. И теперешніе поляки должны мыслить въ зависимости отъ того, «какъ-бы лучше Польшѣ». По народному-бы говоря: — «А иначе я васъ прибью». Тонъ Главнокомандующаго ни въ комъ не заискиваетъ, ничего не ищетъ, ни въ чемъ отъ людей не нуждается, а речетъ волю о Польшѣ, и даже велитъ «*такъ*-то быть Польшѣ». Только смердъ можетъ понять слова о «быть подъ державою Царей Русскихъ» въ смыслѣ эгоистическомъ и своекорыстномъ. Но сверху — далеко видно, изъ Кремля

виднѣе, чѣмъ изъ частнаго дома. Уже «мѣсто царское» потеряно въ Польшѣ, и давно потеряно, да и не было искусно, и давно въ Польшѣ было неискусно. «Мѣсто королевское» тамъ было маленькое и не мудрое. Короли, начиная съ Владислава IV-го, не знали, что дѣлать съ Польшею. «У васъ есть свои сабли—и защищайтесь», отвѣтилъ онъ украинцамъ, жаловавшимся на притѣсненія шляхты. Это—разруха; это «раздѣлъ Польши» за два вѣка до ея реальнаго раздѣла. Не было «управы съ поляками»,—народомъ пылкимъ, увлекающимся, мечтательнымъ, даровитымъ, но не государственнымъ. И въ долгихъ думахъ о Польшѣ — въ думахъ беззвучныхъ—о судьбѣ ея, о будущности ея,—конечно сложилось это безповоротное рѣшеніе не зарождать тамъ «своего гнѣзда», ибо «гнѣздо»-то это было по-существу мало, и всегда мало, а—оставить ее лежать въ Большомъ Гнѣздѣ, но лежать не стѣсняючись и ёмко, благоустроено и богато (талантливо). Не всѣ народы живутъ государственно. Это особое призваніе Божье, особый талантъ отъ Бога. Но народъ можетъ

быть вполнѣ прекрасенъ и вполнѣ талантливъ, если онъ цѣленъ, живъ и спокойно раскрываетъ свои силы во всѣхъ областяхъ, кромѣ единственной, которая ему «не далась»,—политической. Поляки конечно погубятъ себя, если будутъ стараться выдти за предѣлы словъ Главнокомандующаго; да и не достигнутъ ничего, а только разобьются. Стѣна у Кремля—крѣпкая, и вообще большія царства живутъ въ большихъ и прочныхъ стѣнахъ.

«Тому дому тысячу лѣтъ стоять», а «та̀ хибарочка черезъ десять лѣтъ валится». Вотъ и все.

Поляки все это не столько обдумали, сколько этимъ всѣмъ «пахнуло» на нихъ изъ словъ Главнокомандующаго. Слова какъ свалили ихъ: такая радость! Именно, именно «возстановить племенное, государственное единство», залечить этотъ страшный порѣзъ и разрѣзъ. «*Гдѣ*-бы ни лежать, а лежать—*въ цѣлости*». Громаднымъ, въ версту, словомъ—имъ указано «лежать въ Славянскомъ Гнѣздѣ». Конечно, это не то, что—«въ нѣмецкомъ гнѣздѣ», гдѣ имъ вообще нѣтъ никакого мѣста, никакого духа,

гдѣ только ожидается всѣми, ожидается *самими жителями, а не правительствомъ*: «когда же васъ—*не будетъ*»? «когда же вы *вымрете* или *переродитесь въ насъ*?». Ужасное ожиданіе, ужасная психологія. Она давитъ на васъ изъ сосѣдняго дома, она уничтожаетъ вообще «милаго сосѣда», подкладывая на мѣсто его «врага». Какъ жить среди враговъ, исключительно враговъ, только враговъ, вездѣ враговъ, всегда враговъ? Душа застонетъ. Всякій человѣкъ есть человѣкъ и онъ умираетъ безъ любви. А любви негдѣ взять, а любви нѣтъ. Все враждебно, враждебно изъ самой ситуаціи: «*поляки* среди *нѣмцевъ*». Географія и бытъ, гдѣ антагонизмъ—въ каждой точкѣ. Зародится отчаяніе,—то послѣднее отчаяніе умирающаго, когда онъ молитъ о скорой смерти. «О, да и въ самомъ дѣлѣ—переродиться *въ нѣмца*», «взять *жену нѣмку* и народить дѣтей съ нею полу-нѣмцевъ; въ нихъ останется *полу-полякъ*, во внукахъ—четверть-полякъ, и черезъ десять поколѣній—вовсе *нѣтъ поляка*». Вотъ. И нечего дѣлать. Смерть. Умирать всѣмъ больно, а умирать всѣмъ приходится. Тя-

желая болѣзнь ракъ, а какъ пришла—что же сдѣлать. Попъ знаетъ, что дѣлать; и могильщикъ знаетъ, что дѣлать. Этотъ попъ—нѣмецъ, эта могила—Германія.

А въ Россіи—жизнь, единая, цѣлая, племенная, вѣчная и обезпеченная. «Опредѣленная квартира, которую не расширить». Что дѣлать, «всѣ живемъ по квартиркамъ», домохозяевъ—немного. Дай мнѣ домъ и я его проживу; заложу и начну на него «издавать сочиненія». Такое—призваніе, а къ «дому»—нѣтъ призванія. Чтобы быть «домохозяиномъ»—надо практичный и крѣпкій умъ, нужно постоянство въ характерѣ и неувлекаемость картами, музыкой, коллекціонерствомъ и сударушками. Вотъ сколько лишеній и ограниченій, вотъ сколько отнято самою судьбою у «хозяина». Зато у него домъ вѣковой и все ширится. И садочкомъ, и полемъ обрастаетъ; свои лошади и недалеко роща! Чтобы «собирать» — надо талантъ, и «собираніе» само-по-себѣ довольно томительная вещь, безъ удовольствій. Суровая вещь, скучная вещь. Я бы не сталъ, а все бы растратилъ на коллекціи. Въ космической экономикѣ

въ концѣ концовъ «хозяинъ» собираетъ для жильцовъ,—для этихъ музыкантовъ, коллекціонеровъ, художниковъ и (что́ дѣлать) прощалыгъ. «Хозяинъ—онъ *терпѣливый* и всякихъ жильцовъ терпитъ». Терпѣніе?—Вотъ качество, котораго никогда не было у поляковъ и которымъ рѣшительно богатъ русскій народъ. Это всѣмъ очевидно, это всѣ признаютъ, и это одно содѣлываетъ русскій народъ государственнымъ. Русскій народъ не просто государственный, но онъ глубоко и обширно государственный. Кромѣ терпѣнія,—его молчаливость, его скромность, его «неразболтливость»—какія все качества! Вѣдь русскія качества «въ литературѣ» и русскія качества «въ дѣйствительности»—далеко не похожи другъ на друга. Въ дѣйствительности-то русскій народъ именно не болтливъ, въ противоположность персонажамъ литературы, гдѣ лица «должны разговаривать» по самымъ задачамъ книги и читаемости. «Зачѣмъ же я тебя, дурака, вывелъ, если ты не разговариваешь?»—можетъ улыбнуться на Рудина Тургеневъ. Вотъ почему всѣ персонажи романовъ есть приблизи-

тельно Рудины,—разныхъ тоновъ и цвѣтовъ и оттѣнковъ. Это задача ремесла и невольность техники. Литература имѣетъ свои секреты, но и дѣйствительность тоже позволяетъ себѣ имѣть свои секреты.

Молчаливый, дѣловитый народъ. Серьезный народъ. Посмотрите въ церкви. Вы смотрите его не въ клубѣ, не въ газетѣ, а въ арсеналѣ, въ мастерской, за плугомъ въ полѣ. Онъ вездѣ молчитъ. Въ полѣ молчитъ и пашетъ, въ церкви молчитъ и слушаетъ. «Мудрствуетъ» и «умиляется»—два качества царственности. Газетный народъ и клубный народъ государства не строитъ и исторіи не дѣлаетъ. Это—пустой народъ, и вовсе не съ нимъ Цари дѣлаютъ исторію и построяли свое Царство. Они въ молчаніи строили съ молчаливымъ народомъ, который не роптал, когда его наказывали за дѣло, не роптал и тогда, когда казнили за преступленіе. Все это—серьезно, и серьезный народъ понималъ, что жизнь—не игра, а отвѣтственность. Ему было любо Государство въ самыхъ казняхъ,—ибо, казня, Государство видѣло въ немъ душу и человѣка, а не игрушку, съ которой позаба-

виться. Увы, литература только «забавилась» около человѣка. Народъ любитъ отвѣтственность, народъ хочетъ отвѣтственности, потому-что все это кричитъ ему: «ты—человѣкъ». Вѣдь литература ни разу ему не сказала дорогого—«ты человѣкъ», все забавляясь и обмазывая его вареньемъ, какъ куклу. Ему не варенья нужно, а царства, исторіи, страдальчества и величія. Таковъ мужикъ. Таковъ попъ. Таковъ солдатъ. Посторонитесь, господа литераторы.

Полякамъ все это открылось. Они поняли. Имъ открылось не одно милосердіе, но мудрость и твердость. Милосердіе можетъ и не спасти; на слова—«Христа ради», можетъ сказать—«Богъ подастъ». Но мудрость и твердость упасетъ «жезломъ желѣзнымъ». Жезлъ-то онъ жёстокъ, да зато спасаетъ. А полякамъ нужно спасенье, они задыхаются, и имъ не до газетъ и Рудинскихъ разговоровъ. Теперешній полякъ серьезенъ, и онъ давно уже сталъ серьезенъ,—съ тѣхъ поръ, какъ ушибся о два возстанія. Онъ терпѣлъ и размышлялъ,—главное терпѣлъ. Онъ смирялся—великое

царственное качество. Съ великимъ терпѣніемъ Цари и дожидались «своего времени», и даръ угадать «часъ»—есть даръ именно хозяина дома.

Царь угадалъ часъ.
Благословимъ этотъ часъ.

15 авг.—16 сент.

Нѣмцы у себя и у насъ

— Пожалуйста, когда вы вернетесь въ Россію, скажите же всѣмъ русскимъ, что мы любимъ ихъ и всегда любили,—и чтобы они поскорѣе заключали съ нами миръ!

Русская умная барыня, которой говорили это берлинцы нѣсколько дней назадъ, низко кланялась имъ и отвѣчала серьезно:

— О, я передамъ въ Россіи все, что вы говорите мнѣ, и можетъ быть миръ въ самомъ дѣлѣ...

Трудно было выговорить, что «миръ заключится» отъ этого обмѣна любезностями,—и потому она оканчивала свою рѣчь не опредѣленнымъ обѣщаніемъ, а неопредѣленною улыбкой.

Наканунѣ объявленія войны Берлинъ затихъ какъ передъ грозой, и улицы обез-

людѣли. И было жутко видѣть, какъ кайзеръ одинъ носился по улицамъ на своемъ извѣстномъ каждому нѣмцу автомобилѣ, всюду жаждая встрѣтить толпу и ища овацій. «Онъ былъ какъ пьяный», — передавала мнѣ наблюдательная знакомая,— «въ этихъ поискахъ народной поддержки. Только пріѣхавъ сюда и прочитавъ манифестъ Государя о войнѣ, и изложеніе дипломатическихъ переговоровъ передъ войною, я узнала истину. Въ Берлинѣ и Германіи Вильгельмъ всѣхъ заставилъ повѣрить себѣ, что войну объявила Россія Германіи, а не Германія Россіи. И разныя политическія партіи, между прочимъ соціалисты, бывшіе въ принципѣ противъ войны съ Россіей, послѣ этихъ увѣреній Вильгельма перешли на сторону берлинскаго правительства,—и даже сокрушенно стали говорить, что Вильгельмъ, предвидя такую коалицію противъ себя, былъ правъ, требуя все новыхъ и новыхъ ассигновокъ на армію, а они, дѣлая оппозицію этому, были не правы».

— Берлинъ постоянно расцвѣченъ флагами, и нѣмцы держатся въ постоянной

увѣренности, что они одерживаютъ непрерывныя побѣды... Только австрійцевъ они упрекаютъ, что тѣ плохо дерутся съ русскими...

Она переждала время суматохи, не старалась вырваться сейчасъ же по объявленіи войны, и выѣхала совершенно спокойно— на Стокгольмъ и далѣе, моремъ, въ одинъ изъ портовъ Финляндіи и въ Петроградъ. Ничего съ ней особеннаго не случилось. Можетъ быть отъ случая и можетъ быть отъ любезности. Она уже не первый годъ лечилась въ Берлинѣ, и знакомства и связи у нея тамъ были старыя.

Она опредѣленно передаетъ, что въ Берлинѣ учитывали пьянство при мобилизаціи; вообще, разсчитывалось на смуту, на забастовки, на возстаніе Польши и Кавказа, а во внутренней Россіи — на алкоголь. Вполнѣ разсчитывалось на смуту въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и въ Финляндіи. «То, что мнѣ говорили уже на пути къ Петрограду—о полномъ единодушіи въ Россіи и о чудномъ видѣ трезвой страны— было въ высшей степени удивительно послѣ берлинскихъ выкриковъ на улицѣ. А теперь

въ Петроградѣ, я вижу, что Россія точно вступила въ какой-то Свѣтлый праздникъ».

А знаете ли, отчего стоитъ Свѣтлый праздникъ не только на улицѣ, а въ сердцѣ каждаго русскаго? Обывателю, особенно мелкому обывателю, не очень понятны международныя отношенія и далекія историческія и политическія перспективы, но ему въ высшей степени понятна бытовая сторона жизни, и вотъ въ ней-то онъ чуетъ начало громаднаго и благодѣтельнаго переворота. Если «Германія» давила и давитъ на все въ Европѣ, то «нѣмецъ» давитъ и съ незапамятныхъ для обывателя временъ давилъ—на все въ Петроградѣ и во всей Россіи. Возьмите телефонную книжку Петрограда, возьмите «Весь Петроградъ» и «Всю Москву», да пожалуй и «Всю Россію»,—и посвятите вечеръ на вчитываніе въ эти достопримѣчательныя книжки и на изученіе по нимъ «службъ въ Россіи»,—службъ, должностей въ Петроградѣ. Поистинѣ, Петроградъ и Россія—какая-то колонія для Германіи, колонія богатѣйшая естественными произведеніями, но безлюдная въ смыслѣ куль-

турнаго элемента,—и вотъ нѣмцы посылаютъ своихъ «молодцовъ» сюда, младшихъ сыновей патріархальныхъ семействъ, «обучать уму разуму русскихъ» и извлекать выгоды изъ богатой «первобытной страны». Но «молодцы» не обучаютъ, потому что какая же имъ выгода обучать? Чѣмъ темнѣе и невѣжественнѣе Россія, чѣмъ порочнѣе и пьянѣе русскіе—тѣмъ все это хлѣбнѣе и выгоднѣе для нѣмца. Возвратъ къ трезвости русскихъ—это ножъ для нѣмца и для нѣмецкой работы въ Россіи. Чѣмъ конкурентъ слабѣе—тѣмъ его противнику легче и выгоднѣе. Русскіе, у которыхъ такъ счастливо и поистинѣ провиденціально слилось начало войны съ Германіей съ началомъ освобожденія отъ зеленаго змія,—почувствовали оба движенія какъ начало сваливанія съ груди тяжелаго камня, подъ которымъ мы прямо задыхались. Россія задыхалась въ нѣмцѣ и задыхалась въ своихъ порокахъ. И какъ-то эти два зла шли рука объ руку. Я какъ-то, лѣтъ десять тому назадъ, спросилъ нѣмца, открывшаго «свое заведеніе» по части портняжной:

— Что́ же, у васъ работаютъ русскіе?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—эстонцы.

— Эстонцы? въ Петроградѣ? отчего?

— Невозможно или очень трудно найти русскаго мастерового, который бы былъ трезвъ. А вы знаете, наше заведеніе требуетъ рабочаго приличнаго, чисто одѣтаго, потому что къ намъ приходятъ заказчики—не простые люди.

Я не могъ не пережить боли въ груди: что̀ же остается русскимъ, если даже портные въ Петроградѣ—преимущественно не изъ русскихъ?!

И такъ—вездѣ. Посмотрите телефоны. Русскіе вездѣ спущены «какъ можно ниже»... Въ службахъ и очень высокопоставленныхъ, и въ среднихъ,—въ службахъ оффиціальныхъ и въ работахъ практическихъ. Возьмите приготовленіе лекарствъ, возьмите запасы лекарствъ,—оптовые ихъ склады. Я думаю, такого чуда какъ «русская аптека»—никто не видывалъ. Я говорю о «русской аптекѣ» не по фирмѣ и выставкѣ, а по существу, т. е. съ русскимъ составомъ служащихъ отъ верха до низу. Что̀ же дѣлаетъ, какъ работаетъ для Россіи

каѳедра фармаціи въ нашихъ восьми университетахъ? «Фельдшеры»—всѣ русскіе, но «провизоры»—всѣ нѣмцы или евреи· Неужели для бѣдныхъ русскихъ нельзя было назначить стипендіи спеціально для приготовленія фармацевтовъ, въ виду исключительно по всей Россіи занятія службы при аптекахъ не русскими? Неужели здѣсь нельзя было приставить зоркаго глаза и дѣловитой руки? Какъ себя чувствуетъ въ эти дни и какъ ведетъ себя съ давнихъ поръ Медицинскій департаментъ Министерства внутреннихъ дѣлъ?

Эти бытовые вопросы стоятъ у каждаго обывателя въ душѣ. Русскимъ, хотя бы изъ той же несчастной учащейся молодежи, нашей безпріютной молодежи,—надоѣло «топтать тротуары» въ собственномъ отечествѣ; топтать тротуары и заниматься революціей, при благосклонномъ содѣйствіи посольствъ нѣкоторыхъ былыхъ «дружественныхъ державъ», которыя къ счастью теперь съ нами раздружились. Кликъ «война!» слился съ другимъ крикомъ—«русскіе—къ работѣ!!» И вотъ отчего у всѣхъ такъ хорошо на душѣ.

«Наконецъ-то мы этотъ нѣмецкій ошейникъ сбросимъ съ себя».

* * *

— Нѣмцы очень трудолюбивы. При томъ они всѣ сплошь трудолюбивы, а не нѣкоторые изъ нихъ. Этимъ трудолюбіемъ они достигли всѣхъ своихъ успѣховъ въ Европѣ. И, если прислушаться къ ихъ сужденіямъ, то замѣтишь, что они смѣшиваютъ самую *культуру* человѣческую съ *трудолюбіемъ*. Они рѣшительно разъярены теперешнею войною, и по странному мотиву: — «Мы, нѣмцы, *работали*,—а теперь другіе народы хотятъ отнять у насъ плоды этой работы, хотятъ быть *чѣмъ-то* въ человѣческой культурѣ на ряду съ нами. Но мы—*высшіе*, потому что мы прилежны, а другіе народы суть *низшіе*, потому что они бездѣятельные». Мысль эта такой же плодъ нѣмецкой школы, какъ и нѣмецкой семьи. Но...

И моя собесѣдница, очень умная южнорусская помѣщица, разсмѣялась:

— Вы знаете, о чемъ они сокрушаются при теперешней войнѣ? Они кричатъ и жалуются:—«сколько же намъ будетъ *стоить*

прокормить всѣхъ этихъ плѣнныхъ?!»—говоря о взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ!! Ихъ занимаетъ *счетъ расходовъ*. И въ душѣ каждаго нѣмца лежитъ расчетная книжка. Все къ ней приноровлено, все съ нею сообразовано. И самое «прилежаніе» нѣмецкое не есть что-то человѣческое и прекрасное, не есть русскій «подвигъ», не есть русская «страда» (лѣтняя уборка хлѣба), а что-то машинное, тупое и безчувственное. Нѣмцы глубоко нехудожественная нація, глубоко некрасивая нація. Во всемъ, въ понятіяхъ нравственныхъ, въ бытовыхъ явленіяхъ—они лишены всякаго вкуса. И живя среди нихъ,—какъ мнѣ по-долгу приходилось живать,—все находишь въ высшей степени удобнымъ, но самая жизнь какъ-то скучна, безсодержательна, неинтересна.

— Напримѣръ?

— Съ ними «не́-о-чемъ поговорить», и этимъ все сказано. Русскій худъ или хорошъ, уменъ или глупъ—но онъ самъ по-себѣ. У каждаго русскаго есть свое лицо, есть свои личные взгляды и своя особая личная біографія. У нѣмцевъ есть только толпа, общество, масса. И есть взгляды

или вѣрнѣе выкрики толпы. Напримѣръ, вы знаете, почему они особенно увѣрены, что «побѣдятъ»?—«Развѣ мы можемъ не побѣдить, когда у насъ каждый солдатъ знаетъ, изъ-за чего ведется война?»—Собесѣдница моя улыбнулась.—«Но вы знаете, въ чемъ заключается это «каждый солдатъ знаетъ»? Дѣйствительно, въ каждомъ полку и въ каждой ротѣ офицеръ почти по-шпаргалкѣ прочиталъ солдатамъ краткое «разъясненіе о войнѣ», составленное въ Берлинѣ въ тупой канцеляріи и изложенное тупымъ, казеннымъ, бездушнымъ языкомъ. Солдаты счастливы, что начальство сочло долгомъ «разъяснить» имъ; но вы понимаете, какое это «разъясненіе» и чего оно стоитъ! Есть какая-то безграничная тупость и въ этихъ «объясняющихъ» офицерахъ, и въ этой краткости, и въ этой казенщинѣ дѣла, которое все кипитъ огнемъ и кровью. На вопросъ ихъ:—«Есть ли что-нибудь подобное у васъ, русскихъ?» — я отвѣтила: «наши солдаты знаютъ, что войну объявилъ Царь. Они не имѣютъ никакого колебанія въ томъ, что Царь знаетъ смыслъ войны, знаетъ ея необходимость и пользу. И они готовы

умереть за Царя и идутъ на войну какъ на святое, правое дѣло. По моему мнѣнію, это «у насъ» еще лучше и крѣпче, чѣмъ «у васъ»... Нѣмцы ужасно сердились.—«О, да, у русскихъ вся сила въ Царѣ».

— И, повѣрьте,—договорила она,—нѣмцы ужасно завидуютъ этой особенной русской исторической крѣпости. И боятся ея...

Все это очень умно, все это очень вѣрно, и совпадаетъ съ тѣмъ, что мнѣ приходилось читать о Германіи и о нѣмцахъ; совпадаетъ и съ тѣмъ, что лично мнѣ приходилось улавливать въ многочисленныхъ разговорахъ съ нѣмцами.

Нѣмецкія книги интересны и нужны, но сами нѣмцы не интересны и какъ-то не нужны. Если безъ кого можно обойтись въ мірѣ, то это—«безъ нѣмца». Вотъ ужъ безъ кого не «затоскуетъ» душа, не «защемитъ» сердце... Пиво, а не виноградное вино; бочки пива, а не драгоцѣнный фіалъ душистой влаги. У нѣмцевъ есть собственно одно великое и благородное явленіе—Гете, и «помимо Гете» ихъ всѣхъ можно бы вытолкнуть изъ человѣческаго общежитія. Но «Гете» въ теперешней Германіи угасъ;

въ прусской Германіи — онъ и не зарождался. Пруссія — это грубость и самодовольство, и самый ихъ «патріотизмъ» — какое-то собраніе словесныхъ шаблоновъ, а не тайна души и сердца. Знакомая моя говорила еще:

— Ихъ церковь—не въ киркѣ, а возлѣ памятника Бисмарка, противъ рейхстага. Вотъ куда они ежедневно сходятся, съ дѣтьми, съ женщинами, и преклоняются передъ этимъ памятникомъ. И, смотря на ихъ оступенѣлыя лица, на ихъ жесты и позы,—видишь, что это религія, что это молитва... Государственная религія,—и другой нѣмцы не имѣютъ. Они молятся молитвами королевской Пруссіи и императорской Германіи, и эти молитвы — къ захвату еще и еще, къ господству надъ другими, но къ господству совершенно безсодержательному и безсмысленному. Во имя чего́ захватъ? Что́ самое главное на верху? Нѣтъ отвѣта,—они сами не знаютъ. И они такъ тупы, что не спрашиваютъ объ этомъ. Это дѣйствительно страшная и тупая нація,— и горе подпасть подъ нее, потому что она раздавитъ не разсуждая,—съѣстъ васъ какъ

простой бифштексъ. Вы знаете, живя въ Германіи, я никогда не слыхала слова «Христосъ» или «Божія Матерь»; и наше привычное, наше повсемѣстное — «Христа ради» не только отсутствуетъ у нѣмцевъ, но и есть что-то невообразимое у нихъ. У нихъ есть только «Got», «Богъ»—чисто отвлеченное, чисто пантеистическое понятіе. Впрочемъ, не очень пантеистическое (она произнесла по-нѣмецки поговорку): «Богъ — это есть нѣмецкій Богъ (чуть ли не «Богъ—Нѣмецъ»)...

И она засмѣялась ихъ чистосердечному выговариванію этой поговорки.

Страшная нація.

— Побѣда погубила бы нѣмцевъ; пораженные — они можетъ быть опомнятся. Потому что человѣческое и разумное убѣжденіе не можетъ на нихъ подѣйствовать.

Все это любопытно. Все это мы должны знать, чтобы знать, съ кѣмъ мы боремся. Звѣрь сильный; во-истину, нитцшеанскій «сверхъ-человѣкъ», или старый библейскій «Навуходоносоръ», лишенный отъ Бога разума и питающійся, по подобію безсловесныхъ, полевыми травами...

Департаментскіе нѣмцы

Умъ и даровитость человѣка ни въ чемъ такъ не выражается, какъ въ *скромности*. Это—свѣтская и житейская сторона того, что у святыхъ и въ Церкви именуется «смиреніемъ». Слова Христа: «кто изъ васъ хочетъ быть *первымъ*,—да *послужитъ* всѣмъ», «*первые* да будутъ *послѣдними*»,—падаютъ сюда, указываютъ эту особенную ступень человѣческаго достоинства. Безъ преувеличенія можно сказать, что нѣтъ человѣчности тамъ, гдѣ нѣтъ скромности; что ея отсутствіе зачеркиваетъ всѣ прочія стороны души, всѣ другія качества и таланты. «Хвастливый *побѣдитель*», «хвастливый *умъ*», «хвастливая *филантропія*»—какъ все это несносно, какъ черно, какъ некрасиво...

Тутъ-то мы и уловляемъ нѣмца и его «культурную роль». «Скромный нѣмецъ», «нѣмецъ, который *послужитъ всѣмъ*», и, наконецъ, «*скромный* нѣмецкій *ученый*» — это что-то неслыханное, это — такое, чего міръ не видалъ. Нѣмецъ — всегда съ нахрапомъ, стукаетъ ногами, высоко держитъ голову и требуетъ себѣ перваго мѣста. «Германія въ Европѣ» вполнѣ отражаетъ собою «нѣмца въ обществѣ», «нѣмца въ колоніяхъ», «нѣмца въ Петроградѣ». Роль ихъ въ Россіи, казалось бы, требуетъ величайшей деликатности. Всетаки они сюда *пришли*; всетаки они здѣсь получили себѣ *хлѣбъ*, *жизнь*, все; здѣсь они «сыграли свою роль», «выковали свою судьбу». Помните, въ 60-ые годы, когда русскіе образованные люди толпами бросились въ Соединенные Штаты, въ тамошнюю «гражданскую свободу» и «свободный трудъ»,—то какъ богомольно они туда приходили, какой культъ къ новому отечеству питали, и какія благочестивыя легенды разсказывали о новой странѣ; легенды, столь не похожія на все, что писалъ о Соединенныхъ Штатахъ Ч. Диккенсъ. Вотъ отношеніе. И отъ кре-

стьянина до барина, отъ паломника Даніила, ходившаго «ко Святымъ мѣстамъ», до князя Одоевскаго и Тютчева, всѣ русскіе, приходя въ чужія страны,—отдавали прежде всего чужимъ народамъ и землямъ удивленіе, любовь, уваженіе. Презрительныхъ описаній «заграницы» въ русской литературѣ почти нѣтъ, встрѣчаются только краткіе афоризмы въ этомъ родѣ какого-нибудь ипохондрика-сатирика.

Писать объ этомъ тяжело и трудно, ибо какъ будто впадаешь въ хвастовство. Но *дѣло* показываетъ именно таковое отношеніе русскихъ къ иноплеменному. Тоже—въ отношеніи *инородцевъ*. Читайте у М. Пришвина о лопаряхъ, о киргизахъ. Право, русскими похвалами можно устлать всю землю. Всюду-то въ міръ мы приходили, чтобы «полюбоваться чужимъ». Да это общеизвѣстно.

Что же сдѣлали нѣмцы, приходя къ намъ не только тысячами, но милліонами,—какъ колонисты, какъ промысловые люди, какъ чиновники?—«Свинья».—Они насъ «обозвали», а они насъ не полюбили. Въ русской

доброй душѣ они ничего не увидали, кромѣ (извините) свиного рыла. Нѣмцы такъ говорятъ, культурные нѣмцы такъ выражаются, что приходится извиняться. Русская душа, русская жизнь—все осталось темно для нихъ. Русскій можетъ сказать только:

— Тупой нѣмецъ,—ты вообще *ничего не понимаешъ*.

И еще:

— Между вами есть ученые; но между вами совершенно не попадается умныхъ людей.

Это — вполнѣ заслуженно. Это просто показываетъ глазъ. Это — не похуленіе, это — опредѣленіе.

И вотъ несносное положеніе. Говорю особенно о Петербургѣ. Придя сюда «въ шлейфѣ» разныхъ высокопоставленныхъ особъ,—они ничего не поняли въ окружающей странѣ, кромѣ «хлѣва», и расположились въ немъ совершенно просто... Поистинѣ, и — «*ноги* на столъ»... Они не поняли, и вотъ уже два вѣка не понимаютъ, что русскіе уступаютъ имъ только по скромности; что они не говорятъ своихъ на-

стоящихъ опредѣленій о гостяхъ своихъ— только изъ учтивости. «Пришелецъ—тоже, что *сирота*, пожалѣемъ его». «Не осудимъ, не возразимъ». «Особенно—не пересмѣемъ». Но нѣмцы ничего не поняли въ этой деликатности. Они къ опредѣленію русскихъ— «свинья», прибавили только: «это *ни къ чему негодная* свинья, которую и *выучить невозможно*». Таковое отношеніе, наконецъ, прорываетъ терпѣніе...

Довольно, господа нѣмцы... Мы васъ всегда видѣли, всегда понимали, но жалко было огорчить колонистовъ и странниковъ. «Они на чужой землѣ, тоскуютъ объ отечествѣ, —пускай поругаются, легче станетъ». Тѣ такъ и распустились...

Мнѣ пишетъ, по поводу указанія на нѣмецкіе *служебные* захваты, одинъ петроградскій департаментскій чиновникъ:

«Хочется вамъ передать давно накипѣвшую горечь ста русскихъ чиновниковъ одного изъ важныхъ департаментовъ,—департамента NN.

«Секретаремъ и *вершителемъ* (подчеркиванія вездѣ мои, въ письмѣ ихъ нѣтъ. *В. Р.*) судебъ личнаго состава служащихъ тамъ является фонъ-Д., человѣкъ *малообразованный, плохо владѣющій русскимъ языкомъ*, но почему-то онъ пользуется у директора полнымъ вліяніемъ. Такъ

какъ фонъ-Д. глупъ и ему нельзя поручить ж......дѣлъ, то ему поручено завѣдывать личнымъ составомъ, благодаря чему создалось покровительство нѣмцамъ при назначеніи на должности, прибавкахъ жалованья, пріемѣ на службу, и т. п. Онъ получилъ генеральство, ничего не дѣлаетъ, а сваливаетъ работу на другихъ, русскимъ же всегда старается подложить свинью. Говорятъ, что ему протежируетъ какая-то ф..... нѣмка.

«Вопросъ этотъ—типичный, общій. А потому если я пишу, то дѣлаю это не въ личныхъ интересахъ, тѣмъ болѣе, что я уже тамъ не служу.

«Нѣмцы вездѣ такъ давили насъ до сего времени, что мы русскіе пикнуть не смѣемъ. Никто не рѣшается на то, что я дѣлаю въ данный моментъ. Но я уже не служу тамъ и потому застрахованъ отъ непосредственныхъ пакостей нѣмца, могу позволить себѣ написать вамъ такое письмо.

«Крайне грустно, что директоръ этого департамента—русскій Г.— Я-бы могъ вамъ поразсказать много интереснаго про поведеніе нѣмцевъ въ стѣнахъ этого департамента».

Въ письмѣ прописаны полныя имена—и департамента, и русскаго его директора, и воротилы-нѣмца. Я началъ съ разсужденія о скромности. Никто не запрещаетъ нѣмцамъ служить. Но естественно ожидать, чтобы они служили въ Рос-

сіи и жили въ Россіи скромно. Неужели это не безстыдный «нахрапъ» со стороны нѣмки, жизнь которой состоитъ въ «комнатныхъ услугахъ» въ очень высокомъ дому,—рекомендовать соотечественниковъ на гражданскія и техническія службы совсѣмъ другого вѣдомства, и, рекомендовавъ и устроивъ,—потомъ на этой службѣ и «протежировать». Вспомнишь стихъ Лермонтова—

Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю *твой длинный хвостъ.*

Но нѣмцы—и особенно нѣмки—у насъ всегда съ «національнымъ хвостомъ»... И вотъ такой нѣмецъ, опираясь на соотечественницу, вмѣсто того, чтобы смиренно кушать служебный хлѣбъ и не помышлять о большемъ, заводитъ «нѣмецкую тенденцію», или случается—«армянскую тенденцію» (встрѣчалъ самъ это), польскую тенденцію, финляндскую тенденцію,—рѣшительно ко вреду русской службы, русской работы. Онъ разбиваетъ дружные русскіе ряды, дружную русскую тягу... Вѣдь каждое министерство и даже всякій департа-

ментъ—это хорошо сплоченный и замкнутый въ себѣ міръ, въ которомъ непремѣнно должна возникнуть «своя душа», свое одушевленіе, своя «честь», своя забота, свое тепло, горячность и ревность въ дѣлѣ, и непремѣнно—взаимное и общее уваженіе и довѣрчивость. Что же это за «служба»,—русская служба,—гдѣ всѣмъ приходится «оглядываться на нѣмца»,—притомъ, какъ пишетъ авторъ письма, «глупаго», не умѣющаго даже хорошо говорить по-русски. Служба цѣлаго департамента испорчена, служба цѣлаго департаменга разстроена. Разстроено нѣкоторое нужное русское дѣло,—и «никто не смѣетъ пикнуть, пожаловаться». И что же это за назойливая «нѣмка», которая позволяетъ себѣ «рекомендовать на службу»,—и что за мѣдный лобъ самъ «нѣмецъ», позволившій себѣ воспользоваться такою рекомендаціей и влѣзть въ русскую работу «съ калошами» и не снимая ихъ. Смѣшное и жалкое положеніе русской службы, да и русской государственности...

Господа, возвратитесь къ скромности!

Господа русскіе чиновники: вы, какъ *частные люди*, можете быть очень «смиренны»,—но на службѣ вы должны блюсти русское государственное достоинство.

18 сентября

Испорченный человѣкъ

(Возраженіе Н. А. Энгельгардту)

Не «попорченная механика», а—«испорченный *человѣкъ*»: вотъ что стоитъ въ сердцевинѣ Германской имперіи, которая изумила міръ зрѣлищемъ, открывшимся въ ней въ началѣ XX вѣка! Такъ хочется мнѣ поправить и дополнить прекрасную и, конечно, вѣрную мысль г. Н. Энгельгардта въ статьѣ его «Попорченная механика». Онъ говоритъ: «суть дѣла въ томъ, что нѣмцы всѣ и давно уже — *механичны*»; что «отсюда вытекли ихъ звѣрства», повторять и исчислять которыя нѣтъ нужды. Да, суть — въ механичности, слово попало въ центръ дѣла. Но нужно же досказать, что пытаться сдѣлать изъ человѣка *механизмъ*,

начать превращать человѣка съ его дѣтскихъ лѣтъ, съ его школьныхъ лѣтъ, въ «усовершенствованный механизмъ», ключъ отъ котораго и заводъ котораго лежитъ въ рукахъ правительства или «его королевскаго прусскаго и императорскаго германскаго величества Вильгельма II»,—это значитъ начать портить цѣлую націю, это значитъ посягнуть на божественный образъ «человѣка» въ «нѣмцѣ»... «Задумалъ это Бисмаркъ, и въ его рукахъ заводъ былъ хорошъ» — говоритъ Н. А. Энгельгардтъ. Заводъ былъ *всегда скверенъ*, заводъ этотъ *не можетъ быть хорошъ* по существу своему,—и опять именно по существу сокрытой здѣсь борьбы съ божественнымъ планомъ сотворенія человѣка «по образу и подобію Божію»... Эхъ, о чемъ я говорю: знаютъ все это русскіе мужики, знаютъ все наши нечесанные (по насмѣшкѣ Л. Толстого) попы, знаютъ страннички и живущіе по лѣсамъ и въ пещерахъ древніе «старцы»,— да помнятъ даже и гимназисты, когда блаженно шалятъ и дурачатся въ классахъ и никакъ не даютъ надѣть на себя педагогической муштры. Самъ былъ учителемъ и

свидѣтельствую, что изъ русскаго, чортъ его побери, гимназистишка, никакъ не сдѣлаешь «казенную штучку».

Знаетъ *вся* Русь это! Знаетъ, что нельзя сдѣлать изъ человѣка «штучку», съ казеннымъ заводомъ; знаетъ, что это глупо, что это порочно и преступно и, наконецъ, запрещено Богомъ!!...

«Страхъ Божій» забыли нѣмцы,—забыли сію извѣстную по всей Руси мысль, которую намъ вдолбляютъ въ голову съ дѣтства, и хорошо, что вдолбляютъ. Въ тайнѣ вещей они всѣ безбожники, и давно безбожники; безбожникъ былъ и ихъ Бисмаркъ, безбоженъ и императоръ Вильгельмъ, хотя и произносятъ, гдѣ машинка указываетъ произнести,—«Gott», «Gott»...

Все это—фразы: никакого Gott'а у нихъ нѣтъ, а есть — кулакъ, сила и «я господинъ всего». Звѣрства *только изъ этого* и объясняются, т. е. изъ того, что человѣкъ сталъ самодовлѣющимъ, выше котораго по существу дѣла и по тайному сознанію каждаго нѣмца никого нѣтъ; и нынѣ въ ихъ ученомъ богословіи и ихъ морализирующемъ фразерствѣ не Богъ говоритъ

свою волю человѣку, а какой-нибудь Гарнакъ, Штраусъ и Бауръ подсказываютъ свою волю, свои мысли и свои гражданскія и культурныя пожеланія Богу. Бюхнеръ, Молешоттъ и Фохтъ пренебрегаются по своему маленькому масштабу, но вѣдь бываетъ же, что вши заѣдаютъ человѣка. *На самомъ дѣлѣ* они-то, а вовсе не идеалисты, какъ Шеллингъ и Гете, господствуютъ и давно господствуютъ въ Германіи. И господствуютъ не только въ обществѣ нѣмецкомъ, до чрезвычайности грубомъ, механичномъ и плоскомъ, но и въ самой *наукѣ германской,* у всѣхъ знаменитыхъ и препрославленныхъ ихъ Вихровыхъ и т. п., которые по основнымъ и обширнѣйшимъ философскимъ воззрѣніямъ своимъ не идутъ дальше и не идутъ глубже того же Молешотта и того же Бюхнера. Богъ давно умеръ въ германской наукѣ; Богъ «философски не принятъ во вниманіе». Вихровъ или Гельмгольцъ сдѣлали великія *спеціальныя открытія* въ физіологіи и физикѣ; но около великихъ открытій непремѣнно и невольно есть и общая философія открывающаго человѣка, хотя бы онъ и не раз-

сказывалъ объ ней. Вотъ *философія*-то нѣмцевъ и идетъ вся отъ этихъ плоскодонныхъ душъ, отъ этихъ по-истинѣ «вшей» философскаго горизонта, — отъ ихъ несчастныхъ Молешоттовъ и Бюхнеровъ, философствующихъ врачей. О, эта «популярная наука» и «общепонятная философія», которая съѣла настоящую науку и настоящую философію!

И Бисмаркъ и Вильгельмъ, конечно, были и есть не иного чекана люди... Остановимся на Бисмаркѣ. Онъ былъ великій политикъ и дипломатъ, но каково его измѣреніе какъ *культурнаго человѣка?* Странно спрашивать: да *тоже* «по Бюхнеру и Молешотту»... *Тоже*,—какъ даже спеціалисты и открыватели въ родѣ Вирхова, Гельмгольца и Момзена. Развѣ у насъ профессоръ и академикъ математики, притомъ талантливый въ своей сферѣ человѣкъ, не обращался въ Св. Синодъ съ офиціальной просьбой разрѣшить ему отречься отъ христіанства? Слава Богу, что этотъ случай *былъ*, ибо онъ объяснилъ намъ и всему міру множество родственныхъ или близкихъ и аналогичныхъ явленій. Спеціалистъ

и притомъ талантливый въ наукѣ можетъ быть совершенно глупымъ или по крайней мѣрѣ совершенно не развитымъ человѣкомъ вообще, а спеціалистъ и притомъ геніальный въ дипломатикѣ и политикѣ, т.-е. великій мастеръ *практическихъ пріемовъ* въ житейскихъ государственныхъ дѣлахъ, можетъ быть совершенно слабъ въ созерцаніи и въ комбинированіи высшихъ культурныхъ идей. Будучи въ корнѣ-то вещей всего только «по Бюхнеру и Молешотту», великіе государственные люди Германіи, начиная уже съ Бисмарка, и заварили ту механическую и плоскую кашу, ту позитивную и физіологическую кашу, которую расхлебываютъ теперь нѣмцы, поражая міръ криками: «мы перебьемъ русскихъ и съѣдимъ всю ихъ икру». Такого дикаго крика, такого идіотическаго крика не раздавалось съ начала всемірной исторіи. «Убьемъ и съѣдимъ икру»... Это какъ «зарѣжу на дорогѣ человѣка и съѣмъ колбасу, которая у него въ карманѣ» пропойцы-хулигана. Чтò такое нѣмцы въ войнѣ 1914 года? Да просто — хулиганы. Въ словѣ — разгадка всего.

Въ то же время—какъ будто ученые и образованные. По *формѣ*—баринъ, лейтенантъ, баронъ, питомецъ берлинскаго университета; въ душѣ—хулиганъ. Я видѣлъ этихъ ужасныхъ берлинскихъ студентовъ, въ компаніи пришедшихъ въ Тиргартенъ,—и тогда же записалъ свое впечатлѣніе («Итальянскія впечатлѣнія»,—глава о Берлинѣ), которое оказалось вѣщимъ и правильнымъ. Огромнаго роста, упитанные, безъ единой мысли въ лицѣ и, очевидно, безъ всякой тоски въ душѣ,—безъ тоски, тревоги и сомнѣнія,—они были ужасны, эти прусскіе студенты!! Господи,—изъ сотенъ нашихъ не встрѣтишь ни одного *такого!* Ни одного—подобнаго, *приближающагося* сюда! Очевидно—пути развитія разные, культура разная! Наша культура—скромная, и *этимъ объясняется все;* объясняется, что мы никогда не сдѣлаемъ «звѣрства» среди беззащитныхъ, больныхъ, пріѣхавшихъ къ намъ лечиться... Вѣдь этого не только *нѣтъ*, это совершенно *немыслимо у насъ*.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло!—въ порочной культурной ошибкѣ уже Бисмарка и Виль-

гельма I, которые только отразили въ практическихъ пріемахъ политики и государствованія «свой вѣкъ»,—увы, вѣкъ отвратительный. Давно уже, именно послѣ 50-хъ годовъ, когда пала въ Германіи идеалистическая философія и были забыты завѣты Гете и завѣты романтической литературы, въ Германіи водрузилась грубая образованность, водрузилась нѣкоторая умственная пошлость, корифеевъ которой усиленно пересаживали и къ намъ. Это нашъ же «нигилизмъ», только не получившій тамъ этого имени; нигилизмъ, позитивизмъ и матеріализмъ. И у насъ онъ привелъ къ огрубѣнію сперва понятій, а потомъ и нравовъ, о которомъ нечего напоминать тому, кто знаетъ литературу 60-хъ годовъ. Но вотъ я скажу удивительную вещь: противъ Германіи борется *народная Россія*; говоря литературными терминами, борется славянофильская Россія. Ибо Россія всегда была славянофильская, какъ славянофилы исповѣдывали только народное міросозерцаніе, отрицая «новѣйшую европейскую культуру»—не всю, но вотъ эту «механическую» культуру, этого

«нѣмца-куклу», о которомъ говоритъ г. Энгельгардтъ. Итакъ, борется народная православная Россія. Но «культурному-нѣмцу», «нѣмцу-машинкѣ»—нечего противоположить тому господствующему въ русской интеллигенціи типу, который «заведенъ по Молешотту и Бюхнеру», заведенъ тоже «по Марксу и Энгельсу»,—и вообще нѐчего противоположить интеллигенціи безъ «Господи, помилуй» и безъ «Вѣчная память»... Читатель обобщитъ мои слова и пойметъ ихъ корень. Конкретныя идеи вѣдь перестраиваются по требованію времени, но живучъ ихъ общій корень. Всѣ эти господа изъ «Русскаго Богатства», всѣ эти наши «экономическіе матеріалисты» и приверженцы «классовой борьбы» готовятъ Россіи духовную участь Германіи и призываютъ въ корнѣ вещей и русскихъ «не стѣсняться» и проявлять «звѣрства»...Сейчасъ это—во имя «Интернаціонала» и «рабочаго класса», но, когда конкретныя нужды перемѣнятся, то—по послушанію вообще «партійнаго завода», «демократическаго завода» и, наконецъ, «казеннаго завода»... Вѣдь Бисмаркъ одно время очень дружилъ съ Лассалемъ,—

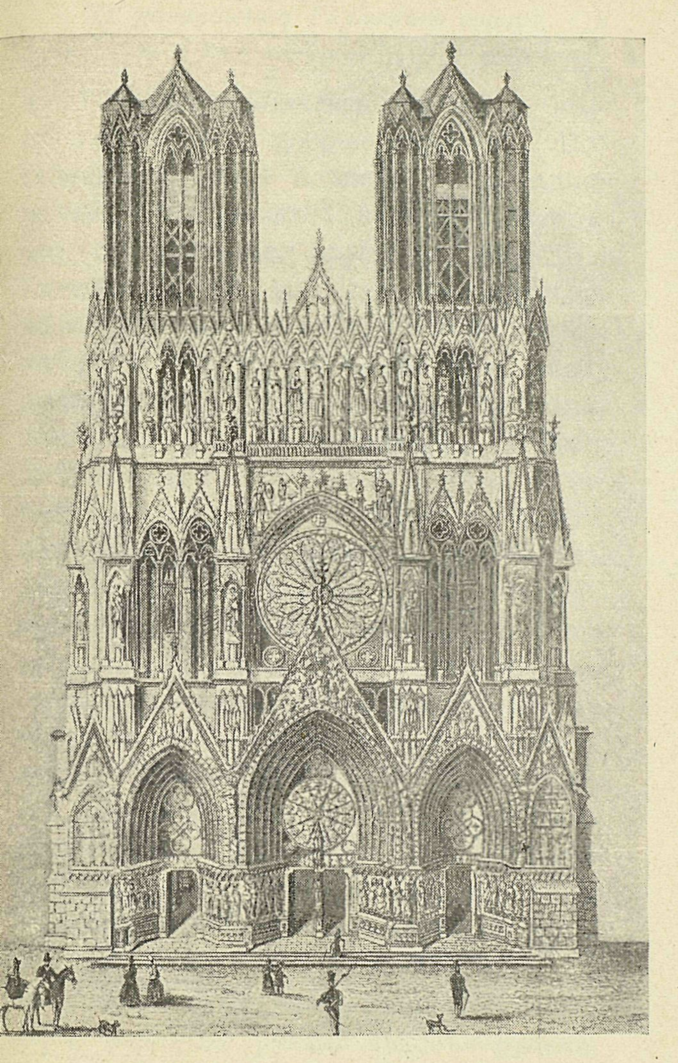
это характерно. Ну, умный читатель договоритъ мои слова: «Бога забыли»—одни; «Бога нельзя забывать»—вотъ что̀ говоритъ народная и славянофильская Россія.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

Къ разрушенію Реймскаго собора

Война ускоряетъ дыханіе и укорачиваетъ его... «Идемъ въ гору»... Но хочется перебросится съ читателемъ хотя короткими мыслями.

Реймскій соборъ взволновалъ весь міръ. И хочется сказать взволнованнымъ: — «о чемъ вы плачете? что погибъ памятникъ искусства?—Вѣдь объ *этомъ* всѣ крики, всѣ вопли; и вотъ только вчера я прочелъ фельетонъ о немъ художника-еврея-протестанта, о которомъ хорошо знаю, что онъ никогда, проходя мимо церкви, не положилъ креста на лобъ. Никто не плачетъ рѣшительно, что погибъ *народный домъ молитвы*. Вспомнили всѣ, что Реймскій соборъ упоминается въ *Жаннѣ д'Аркъ* Шиллера, и не вспомнили, что всего только

Реймскій соборъ, разрушенный германцами.

вчера въ немъ молились горожане, крестьяне, военные,—вообще, вѣрующіе... Всѣ оплакивали *музей* и никто рѣшительно не плакалъ о *религіи*. И вотъ мнѣ кажется, что гораздо раньше прусскихъ ядеръ его разрушило общее, вовсе не прусское только, но вообще европейское отношеніе къ религіи, къ молитвѣ, къ Богу... Богъ отнимаетъ у насъ то̀, отъ чего мы сами отказались и все больше отказываемся. Зачѣмъ, вообще, этотъ «Музей XIII-го вѣка», который практически и въ живыхъ дыханіяхъ пересталъ быть «соборомъ», — соборомъ для страны и государства, совершившихъ «отдѣленіе государства отъ церкви», — и оставленъ только снисходительно для обывателей, для темныхъ мѣщанъ и вѣрующихъ женщинъ, «не понимающихъ пока своихъ предразсудковъ»?... Ахъ, Европа, Европа, ахъ дорогая Европа: если бы ты перемѣнила дыханіе съ этою ужасною войною, и оплакала многое въ себѣ, о чемъ давно не плачешь, но что̀ по-истинѣ достойно слезъ! Эта проклятая каннибальская война рветъ какъ дикарь кружево—великія святыни вѣры, поднятыя руками вѣковъ,—руками,

и вѣрою, и пламенемъ. Но не великая ли это угроза съ небесъ: «вы отвернулись отъ *молитвы* и вамъ не будетъ больше *просвѣщенія*». Вотъ смыслъ, вотъ говоръ и языкъ событій. Дорогіе европейскіе братья: вы должны плакать о каждой хижинѣ-церкви, если она разрушается, о деревянныхъ церквахъ стоимостью въ двѣ тысячи рублей,—и тогда, только тогда у васъ не будутъ разрушаться и Реймскіе соборы! Если нѣтъ религіи—à bas храмы!—Но есть-ли религія-то? Развѣ не тысячи усилій положены писателишками всѣхъ ранговъ и философами всѣхъ степеней, чтобы «раскрыть глаза этимъ мѣщанинишкамъ и вѣрующимъ баранамъ на ихъ глупость и невѣжество»... Да *вся литература* уложена... на разрушеніе Реймскаго собора? Боже, какъ жалко племя, не понимающее себя и судьбы своей.

Развѣ мы не несли въ тріумфахъ и не носили нѣсколько десятковъ лѣтъ поганёнковъ Дрэпера и Бокля, своихъ поганцевъ, начиная отъ Чернышевскаго, которые орали, кричали, визжали: «á bas храмы, церкви и всю эту темную смрадную

ветошь». Господа, да развѣ вы этого не слышали? Господи, неужели никто этого не видитъ, что подъ «разрушеніемъ Реймскаго собора» стоятъ тысячи одобрительныхъ подписей, стоятъ такіе авторитеты, что страшно выговорить. Эту зиму мнѣ случилось попасть въ полковую церковь «Своднаго полка» въ Царскомъ Селѣ: я былъ на хорахъ и мнѣ было все видно. Вся церковь, не очень большая, была наполнена солдатами этого «Своднаго полка» (повторяю термины, мною услышанные, которыхъ не очень понимаю) и на правомъ клиросѣ или въ особомъ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ клиросу, молился Государь съ Царицею и дочерьми. Немного молящихся на хорахъ... Церковь не была очень освѣщена (всенощная) и можетъ быть отъ этого какъ показалась она мнѣ угрюма и одинока и какъ-бы заброшена въ мірѣ. «Это—*проходитъ*, это—*никому не нужно*», какъ бы шептали времена вокругъ. И какъ-то шепталось въ противоборъ этимъ временамъ: «Стой крѣпко, нашъ Царь, въ Церкви: потому что пока ты стоишь здѣсь, ты стоишь въ самой сере-

дочкѣ народа своего, еще вѣрующаго,—можетъ быть единственно «не сумнительно» вѣрующаго въ мірѣ,—и никогда, никогда, никогда черезъ спины и плечи этого народа (видъ солдатъ) не перехлестнутъ волны торопливаго вѣка и не опрокинутъ Твоего Царства, которое созидали Отцы Твои въ такой же крѣпкой вѣрѣ». И вотъ этотъ «случай» въ Церкви,—какой свѣтъ бросаетъ на всю теперешнюю войну: которая есть война племенъ, но въ значительной степени есть война и за святые идеалы Европы, за ея серьезные идеалы, взятые не изъ пѣсенки и романа, а изъ древнихъ молитвъ и отъ могилъ мучениковъ.

Европа, пора задуматься! Страшенъ не вандалъ, у котораго молотъ въ рукахъ,—страшенъ хитрецъ, у котораго подленькая мысль въ мозгу, плоская мысль низкой душонки, въ которую не умѣщается пониманіе ничего благороднаго, ничего возвышеннаго, ничего небеснаго. Она хихикаетъ, эта мыслишка, въ убожествѣ не понимая, что она всего только мысль мыши,—видя толпу людей, которая стала на молитву. «Зачѣмъ? Къ чему? Вѣдь небеса пусты, а

сердце всего только мускулъ съ красною жидкостью»...

Такъ намъ пѣли съ Запада. Русскіе дурачки подхватывали. Они все подхватываютъ, эти наши русскіе дурачки... Германія Бисмарка, вѣрящая не въ Бога, а «въ свой кулакъ», только повторяетъ и осуществляетъ умственную Германію временъ Молешотта и Бюхнера, Фейербаха и Макса Штирнера, повѣрившаго въ свой замѣчательный «мозгъ»;—въ тотъ мозгъ, который, по образному выраженію толстобрюхаго Карла Фохта, «выдѣляетъ мысль не иначе, какъ почки выдѣляютъ *урину*».

Европа поклонилась этому замѣчательному «мозгу». Чего-же она взволновалась, когда поднялся этотъ желѣзный «молотъ»?—«Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ»; «кто любитъ кататься — люби и саночки возить».

Нѣтъ, не *теперь* намъ плакать, — и не объ *этомъ* Реймскомъ соборѣ. *Давно* надо было начать плакать:—о томъ, что отнята у насъ душа безсмертная и на мѣсто ея мыслителишками вложена кривая сухая палка. Вотъ гдѣ *пунктъ*.

Изъ арміи и возлѣ арміи

Какъ задыхающемуся нужно глотнуть воздуха, такъ вся Россія внутри себя жадно глотаетъ каждую вѣсточку съ войны. Тутъ входитъ жажда слиться воедино съ лучшими сынами своими, которые, въ лицѣ двухъ милліоновъ героевъ, отстаиваютъ грудью 160 милліоновъ живыхъ душъ; отстаиваютъ древнюю землю, и земли этой— $^1/_6$ часть суши всей нашей планеты. Не малая «тяга земная»... И солдаты, офицеры, генералы, полководцы, Главнокомандующій — знаютъ это. Невидимые духовные токи, незримыя нити сердца соединяютъ «здѣсь» Россіи съ «тамъ» Россіи.

— Слышите ли вы тоску нашу и тревогу нашу и любовь нашу къ вамъ?—къ безсоннымъ ночамъ вашимъ, ко всему вели-

кому *труду самаго похода*, не говоря объ опасностяхъ уже, о боли, о ранахъ, что̀ и представить невозможно, о чемъ можно только молчать, ибо словъ не находится... Великъ уже самый трудъ *движенія на встрѣчу* непріятелю, и трудъ быть лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, у котораго одна мысль—*истребить васъ*... Эти дни и недѣли, когда соснуть некогда, поѣсть негдѣ, когда человѣкъ съ лошадью и орудіемъ и живетъ какъ лошадь и орудіе, и выноситъ все, что выносятъ бока животнаго и сталь орудія... чего̀ все это сто̀итъ!! И вотъ мы все это знаемъ, и каждая минута вашей тяжести тянетъ за душу и насъ, наши дорогіе воины!

И, чуется, отвѣчаютъ намъ:

— Знаемъ! Слышимъ! Развѣ мы не русскіе? Знамо — одна душа. «Тамъ» наша Мать-Русь, здѣсь томимся, трудимся, но и радуемся мы, ея дѣтки.

I

Вотъ изъ одного письма:

«Я былъ безконечно тронутъ полученнымъ письмомъ. Сегодня мы всѣ получили первый разъ почту изъ Россіи. Радости не было конца. Мнѣ бы очень хотѣлось повидать васъ и быть на вашемъ попеченіи, но не скрою, что здѣсь очень хорошо, и, если придется уѣхать,— буду очень огорченъ разстаться съ полкомъ и съ моимъ эскадрономъ. Нельзя представить себѣ, чтò за солдаты. Орлы. У меня былъ случай. У дозорнаго убиваютъ лошадь и его ранятъ. Подскакиваетъ другой. Его убиваютъ. Третій сажаетъ на лошадь раненаго, ведетъ лошадь подъ уздцы, перерѣзываетъ колючую проволоку и доводитъ до эскадрона. Все подъ сильнымъ огнемъ. И такъ всегда. Нѣмцы удара не принимаютъ, уходятъ. Офицеровъ своихъ бросаютъ. И звѣрствуютъ во всю. Ну, да Богъ ихъ накажетъ [1]). Мнѣ лично не пришлось убить ни одного поганца, но въ бою 6 августа я съ эскадрономъ много ихъ перебилъ. Съ удовольствіемъ послалъ бы вамъ вещей, но трудно, даже невозможно,—такъ какъ письма—и тѣ урывками посылаемъ, потому что мы все время отдѣльно дѣйствуемъ. Вещей—всего, чего угодно. Не знаю, получила ли сестра: я послалъ еще

---

[1]) Какое добродушіе тона! И, вмѣстѣ, это *по формѣ* — наша бытовая, житейская *и вмѣстѣ церковная* поговорка. *В. Р.*

въ іюлѣ винтовку, каску и т. п. Сколько верстъ мы сдѣлали, трудно сосчитать. Мы все время въ тылу у нѣмцевъ. Много взяли городовъ. Всего у насъ много. Солдаты говорятъ, что—не война, а въ гостяхъ у тещи: немножко кусается, но хорошо принимаетъ. Надоѣли сигары, а папиросы у нихъ дрянь. Пишите. Въ сестры милосердія не совѣтую идти, лучше ухаживать за ранеными въ Петроградѣ. Настроеніе здѣсь чудное, и еслибы не приходилось спать тò въ гробовой мастерской, тó у сапожника, — а въ замкѣ, какъ сейчасъ — было бы превосходно. Здѣсь дороже жизни письма, не лѣнитесь, не ждите отвѣта, а пишите».

10 авг., 1 часъ ночи.

Эти письма—какъ «дыханіе» оттуда. Никто о нашихъ лучшихъ теперь людяхъ не скажетъ такъ хорошо, какъ они сами.

II

Еще отъ того же лица:

«Дорогіе друзья мои, В. и Н. М.!

Не могъ писать все это время, такъ-какъ во-первыхъ у насъ не было почти никакого сообщенія съ нашей арміей, такъ-какъ мы все время находились на флангѣ и въ тылу у нѣмцевъ; а во-вторыхъ—и это главная причина—у меня не было положительно времени писать. Конница находится все время въ очень тяже-

лыхъ условіяхъ. Люди и лошади измучены страшно. И все это благодаря тому, что нѣмцы отступаютъ съ такой поспѣшностью, что ихъ догнать очень трудно. Бросая снаряды, амуницію, все бѣжитъ къ Кенигсбергу. Туда же тянутся безчисленные обозы мѣстныхъ жителей, которые теперь возвращаются назадъ. Они говорятъ, что ихъ предупреждали, что русскіе убиваютъ всѣхъ жителей и что казаки ѣдятъ дѣтей. Мы надѣялись, что теперь начнется осада Кенигсберга и конница немного передохнетъ, но не тутъ-то было, такъ-какъ я сейчасъ узналъ, что насъ посылаютъ на помощь 2-ой арміи. Я лично сильно измучился какъ физически, такъ главное нервами. Единственное, что поддерживаетъ,—это наши безусловныя удачи какъ пѣхоты, такъ и конницы. Всѣ дѣйствія нѣмцевъ указываютъ на полную ихъ растерянность, доходящую до паники. Часто находясь въ самой ужасной обстановкѣ, вспоминаю васъ обоихъ, и тѣ славные часы мирной обстановки, которые проводилъ съ вами. Какъ бы я хотѣлъ хотя бы на нѣсколько дней уйти изъ этой обстановки крови и человѣческой (у нѣмцевъ) животной разнузданности. Только здѣсь на границѣ жизни и смерти узнаешь человѣка во всей его отвратительной наготѣ. Если я останусь живъ и Богъ дастъ мы увидимся, тò я многое скажу вамъ изъ того, что я досталъ тяжелымъ опытомъ,—и что имѣетъ близкое касательство къ тому, о чемъ мы такъ часто бесѣдовали въ свободные съ вами, дорогіе мои друзья, часы. Человѣкъ созданъ для мира и никакая идея не можетъ сбить его

со стремленія къ миру. Ну, довольно философіи. Къ счастью, тутъ мало времени для философіи. Если будетъ возможность—напишу опять. Пишите чаще. Хотя я и не получилъ ни одного письма изъ Петрограда, но надо надѣяться, что когда-нибудь я получу. Шлю вамъ мой самый искренній и сердечный привѣтъ».

III

«Эту бумагу потрогала женина рука», «эту бумагу потрогала дружеская рука», словомъ, въ письмѣ что-то перенеслось *вещественное* «оттуда» — «сюда», «съ родины» въ «Германію» или въ «Австрію», перенеслось и *дотронулось до души моей*,— этимъ чувствомъ только и можно объяснить то волненіе, какое испытываютъ наши родные и друзья, получая письма отъ насъ. Маленькое *язычество* черезъ перо, бумагу и чернила, маленькій первобытный *фетишизмъ*, вотъ что́ дѣйствуетъ въ корреспонденціи, а не одни мысли, сообщенія и извѣстія. «Что́ такое дома?»—«Да ничего особеннаго».—«Все по-старому, какъ въ тѣ дни, когда недавно отправляла тебя изъ Петербурга». Мысли извѣстны и не новы;

но черезъ письмо происходитъ *касаніе душъ*, и вотъ оно волнуетъ и радуетъ. Иначе какъ понять этотъ тонъ письма военнаго врача къ женѣ:

«Наконецъ сегодня получилъ твое первое письмо. Здѣсь такая радость получать письма. Всѣ набрасываются на нихъ какъ коршуны. Неполучившіе завидуютъ получившему, а послѣдніе чувствуютъ себя именинниками. Сегодня 3-е число, и вотъ только первое письмо пришло отъ тебя. Наши войска побѣдоносно перешли въ Австрію, о чемъ ты навѣрно уже знаешь изъ газетъ. Войска наши неудержимо рвутся впередъ, такъ что командиру корпуса пришлось отдать въ приказѣ, чтобы при переправѣ черезъ рѣку войска не спѣшили и не напирали другъ на друга. Передвигаемся мы очень быстро. Побѣда слѣдуетъ за побѣдой. Давай Богъ, чтобы такъ продолжалось дальше».

Да, волна войскъ имѣетъ свою тайну. «Вступаемъ на чужую территорію», «завоевываемъ»; «*ихъ* земля — сейчасъ *наша земля*», — все это секреты ощущенія, неизвѣстные мирному обывателю, невѣдомые у насъ здѣсь. Войска несутся какимъ-то духомъ, и напримѣръ «вскочили на мостъ на плечахъ отступающаго врага», «заняли укрѣпленіе на плечахъ бѣгущаго непріятеля»,—эти вещи и особый вихрь, несу-

щій армію, можно понять только неся солдатскую или офицерскую амуницію, держа въ рукѣ ружье или саблю на-голо.

«Разскажу тебѣ о томъ впечатлѣніи, какое на меня произвело вступленіе въ мѣстности Польскаго края, гдѣ происходили сраженія. Цѣлыя деревни выжжены австрійцами до-тла,— и одиноко стоятъ на мѣстѣ ихъ печи съ трубами. Къ своему пепелищу собрались погорѣльцы. Виденъ скарбъ, наскоро собранный и унесенный во время нашествія австрійцевъ куда-то вглубь страны, верстъ на 10—15 отъ селенія. Это въ нашихъ предѣлахъ, куда на первыхъ порахъ прорвались враги. Скарбъ жалкій — подушки, одѣяла, а у нѣкоторыхъ еще сундучки. Около оставшихся печей суетятся женщины, ставятъ котелки и горшечки на плиту и топятъ печь. Интересно, что, несмотря на то, что весь домъ сгорѣлъ до-тла, ни одна печь не развалилась. Вотъ женщина около развалинъ своего дома передъ скарбомъ при видѣ проходящихъ войскъ возноситъ молитву къ небу и осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ. Ея взоры направлены на насъ, проходящихъ. На поляхъ валяются ружья австрійскія, неразорвавшіяся гранаты, осколки. Стѣны домовъ имѣютъ отпечатки отъ шрапнели и пуль».

«Изъ прудовъ и рѣчекъ вытаскиваютъ ящики, полные гранатъ, въ парусинныхъ мѣшкахъ плаваетъ порохъ, со дна добываютъ ружья. Это австрійцы при отступленіи побросали, отступая въ паникѣ».

«Одна граната впилась въ дерево и только видно ея дно. Она не разорвалась».

«На поляхъ нарыты ямы и сдѣланы окопы. Отвалъ земли задрапированъ деревцами. Въ лѣсу на деревьяхъ видны ссадины коры,—это слѣды отъ гранатъ, осколковъ и пуль».

«Нѣкоторыя деревья снесены пополамъ. Боя намъ видѣть не пришлось, лишь грохотъ орудій напоминаетъ, что мы находимся на войнѣ».

Пишущій — докторъ, находящійся при бригадномъ обозѣ.

«Жители селъ и деревень разсказываютъ, что австрійцы при вступленіи въ деревню требовали отъ нихъ провіантъ, угрожая револьверомъ. Это было въ деревняхъ, отстоявшихъ дальше отъ австрійской границы, въ періодъ начала наступленія русскихъ войскъ. До тѣхъ же поръ они разсчитывались съ жителями деньгами и квитанціями за забранный товаръ».

«Во время отступленія австрійскихъ войскъ въ свои засады, они забирали женъ и дѣтей польскихъ крестьянъ и ставили ихъ на насыпь, изъ-за которой стрѣляли въ наши войска; но наши молодцы сумѣли обойти ихъ сзади и выгнали изъ окоповъ, не нанося вреда женщинамъ и дѣтямъ».

Стынетъ кровь, читая: изъ дѣтей и женщинъ воины дѣлаютъ ограду себѣ, какъ изъ мѣшковъ съ землей! Вотъ чувство человѣка, вотъ ощущеніе человѣка! И что̀ же дѣлаютъ русскіе мужички, они же и

солдаты? «Разбираются» и не стрѣляютъ, а, обойдя сзади, схватываютъ мошенниковъ за руки. Да, это—мошенники, а не воины. Однако не забудемъ, что *нашъ* «Вѣстникъ Европы» 43 года твердилъ и старался внушить русскому и польскому обществу, что подъ австрійскою властью, «при конституціонныхъ гарантіяхъ», полякамъ живется лучше, чѣмъ подъ русской властью. Этого мы не забудемъ,—подъ какими внушеніями профессорскаго журнала жило русское общество!

«Плѣнные австрійцы сами разсказываютъ про русскихъ: «И не знаемъ, какъ это выходитъ. Видимъ русское войско спереди, начинаемъ вести бой,—а они уже и справа, и слѣва, и сзади, не знаемъ, куда и дѣться».

«Разсказываютъ и про издѣвательства, и про мучительства подробности; трудно передать связно, такъ какъ разсказываютъ больше по-польски, и едва понимаешь десятую часть.

«Ближе къ границѣ опустошеній нѣтъ, такъ какъ при быстромъ отступленіи они уже не могли ни заниматься грабежомъ, ни поджогами.

«Вода въ колодцахъ сильно пахнетъ карболкой. Ко всему оставшемуся послѣ австрійцевъ мы относимся съ подозрѣніемъ».

Читая это и другія письма съ войны, мы въ самомъ тонѣ изложенія какъ-то чув-

ствуемъ тотъ русскій духъ, издревле крестьянскій и христіанскій духъ, который скорѣе самъ потерпитъ муку, чѣмъ, напримѣръ, подставитъ дѣтскія и женскія груди подъ пули, «потому что это больно, и я не хочу, чтобы *мнѣ* было больно, а пусть лучше будетъ больно *имъ*»... Этотъ разбой въ душѣ леденитъ кровь русскаго обывателя, какъ какое-то «свѣто-преставленіе»...

Вѣдь во-истину «переставляется» свѣтъ: ибо *гдѣ* мы вѣрили и думали, что находится *свѣтъ*, явилась ужасающая тьма; ну, а о «своихъ», когда же мы и не думали, не кричали и не плакались, что у насъ все «темно и грубо», и между тѣмъ... вотъ тонъ этихъ добродушныхъ писемъ, гдѣ нѣтъ ни одного слова желчи, раздраженія, нѣтъ во-истину ненавидѣнія даже и врага на полѣ битвы! Точно борется добродушный Илья Муромецъ съ поганымъ половчаниномъ и говоритъ свои былинныя шутки и прибаутки. Ищетъ онъ правой христіанской побѣды и нисколько не хочетъ терзанія врага.

IV

Если бы однако знали и *тамъ*, на войнѣ, какъ *здѣсь* все дышетъ ими, нашими дорогими воинами,—друзьями, родными,—ушедшими далеко, въ чужіе края... Все умерло для насъ, кромѣ ихъ, вся страна замерла и не хочетъ ничего, не ждетъ ничего, кромѣ «вѣсточки оттуда»... Точно лучшія птицы на сильныхъ крыльяхъ поднялись къ небу, чтобы летѣть дружнымъ полетомъ далеко-далеко: и вся страна подняла глаза и слѣдитъ этотъ мучительный и грозный полетъ, полный опасности, риска, но и неизмѣримыхъ обѣщаній...

Мнѣ пишетъ изъ Вильны жена директора гимназіи, вся возмущенная промелькнувшимъ въ газетахъ не то̀ сообщеніемъ, не то̀ предположеніемъ, что и въ нынѣшнемъ году женщины могутъ заниматься туалетами:

«Статья глубоко возмутила меня и многихъ моихъ знакомыхъ въ городѣ. Мнѣ кажется, что авторъ ея или не видалъ никогда (близко) ни одной русской женщины, или видалъ только какихъ-нибудь нравственныхъ уродовъ. Вѣдь есть же женщины горбатыя, но нельзя

утверждать, что всѣ женщины горбаты. Странно и обидно читать, что женщины будутъ дѣлать себѣ новыя платья, новые наряды. Мы не только не будемъ дѣлать, мы не носимъ то, что̀ у насъ есть. Вокругъ меня есть цѣлый кругъ милыхъ дамъ, многія изъ нихъ хорошо одѣвались прежде, но теперь ни на одной изъ нихъ вы не увидите даже не только туалета, но просто хорошаго платья: мы всѣ въ тѣхъ платьяхъ, что̀ насъ захватила война, и мы первый разъ заговорили о платьяхъ, когда намъ попалась на глаза эта статья. Стыдно автору, онъ не знаетъ женщинъ, онъ не видалъ ихъ, видно росъ круглымъ сиротой, безъ матери, сестры, тетки, кузины, а выросъ—его не согрѣли ласки жены. Какъ русскимъ женщинамъ думать о нарядахъ, когда наши мужья, братья, сыновья проливаютъ кровь, да и это еще не главное: разъ они воины—они обязаны проливать кровь, но они борются, главное, съ подлымъ врагомъ,—врагомъ, который стрѣляетъ въ спину, стрѣляетъ въ больного, въ раненаго. Надѣвши на себя святой знакъ Краснаго Креста, онъ въ видѣ чудовищъ-нѣмокъ сестеръ милосердія стрѣляетъ въ тѣхъ, кто жизнь свою положилъ за Вѣру, Царя и Отечество. Статья автора особенно печалитъ тѣмъ, что она можетъ попасться на глаза въ арміи: вѣдь наши дорогіе воины, прочитвъ, могутъ ему повѣрить,—могутъ подумать, что мы ихъ позабыли, и для чего? — для тряпокъ. Этого не только нѣтъ, но ради воиновъ, дерущихся тамъ, мы забываемъ о драгоцѣннѣйшихъ нашихъ украшеніяхъ, о нашихъ дѣтяхъ, — но не тряпкамъ

вытѣснить ихъ изъ нашей души! Вотъ двое дѣтей одного моего брата, сынъ и дочь, оба въ арміи: сынъ въ 21-й артиллерійской бригадѣ, а дочь Лиза на передовыхъ позиціяхъ сестрой милосердія; младшій братъ въ дѣйствующей арміи, но гдѣ — мы не знаемъ. Уѣзжая, онъ только написалъ матери, что проситъ его простить, благословить и знать, что за себя онъ ничего не боится, а только боится за тѣ тысячи людей, которые ему ввѣрены (онъ командиръ батальона). Сестринъ мужъ раненъ подъ Львовомъ и его перевезли въ Ровно, такъ какъ милые австрійцы обстрѣливали госпиталь. Я теперь съ обществомъ дамъ моего круга—женами и матерями учителей — шьемъ на раненыхъ, работаемъ на питательномъ пунктѣ и устраиваемъ въ городскомъ попечительствѣ женъ запасныхъ».

А. К.

V

Около этихъ строкъ зрѣлой женщины, матери семейства, наши труженики за землю русскую въ сѣрыхъ шинеляхъ прочтутъ съ улыбкой ученическій лепетъ своей сестренки, если они—братья, и своей дочурки—если они отцы. Пишетъ гимназистка 4-го класса:

«У насъ очень много въ школѣ случилось событій. Теперь мы, дѣвочки, занимаемся шитьемъ каждый день. При нашей гимназіи лаза-

ретъ, который состоитъ изъ 16-ти раненыхъ. Начальница гимназіи, сестра милосердія и Маруся Н., прошлый годъ окончившая у насъ курсъ,—ей помогаютъ. А насъ, дѣвочекъ, живущихъ въ пансіонѣ, начальница только тогда пошлетъ въ лазаретъ, когда она увидитъ, что мы совсѣмъ исправились. Наши мальчики (школа смѣшаннаго типа) ѣздятъ во дворецъ и тамъ тоже помогаютъ. Теперь въ школѣ совершенно все другое. Многихъ изъ нашихъ учителей (гимназія частная) взяли на войну. Но въ школѣ конечно продолжаются занятія; между прочимъ они интересныя. Мой классъ прямо чудный, до того всѣ у насъ заняты работой, всѣ страшно заняты дѣломъ».

Есть что-то спасительное въ этой войнѣ, поднявшей мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей... Поднявшей и кинувшей всѣхъ—въ *единство*... Послѣдствій ея, дѣйствія ея—нельзя обозрѣть; во всемъ объемѣ оно скажется черезъ десятокъ лѣтъ. Мы было закисли въ разговорахъ, въ разсужденіяхъ, и въ обычномъ оттѣнкѣ ихъ—въ раздражительныхъ спорахъ. Превосходная сторона войны заключается въ томъ, что она въ сердцевинѣ своей есть страшная до страдальчества *работа*, и вокругъ себя на необозримомъ пространствѣ вызываетъ тоже *дѣятельнѣйшій трудъ*, безостановоч-

ный ни на одну минуту. На всю страну пахнуло реальнымъ, свѣжимъ воздухомъ. Многія явленія, терпимыя въ мирное время, и въ которыхъ душа невольно загнивала, — стали немыслимы. Напримѣръ, сплетни. Ни злословію, ни кутежу, ни мелкому «ничего-недѣланью»—нѣтъ мѣста, некуда упасть. Такимъ образомъ, безъ борьбы и оговорокъ многое просто исчезло... Это-ли не свѣжій воздухъ и здоровье?

Еще изъ письма одной учительницы:

«Привезли въ нашъ школьный лазаретъ еще партію раненыхъ. Раны не тяжелыя, — но отъ дальнаго пути они всѣ такіе истомленные и жалкіе, такіе безпомощные сами по себѣ, что я отъ души теперь жалѣю, что моя необходимость ходить по частнымъ урокамъ лишила меня возможности пройти курсы сестры милосердія и дать этимъ страдальцамъ болѣе существенную помощь, чѣмъ та, что я могу сейчасъ дать въ роли только завѣдующей. Въ сущности, это вовсе не высокая фраза, а правда, что для женщины счастье въ томъ, чтобы себя отдавать, служить слабому, напр. ребенку или страдающему. И тогда на душѣ миръ. Какъ-то въ теперешнее время особенно коробятъ разныя житейскія благоглупости: разныя сплетни, гаденькій смѣхъ, излишество въ ѣдѣ,—даже когда это обыкновенный обѣдъ, хорошо приготовленный. Вѣдь *этого* тамъ не имѣютъ».

Такъ чувствуютъ, живутъ здѣсь. Оглядываясь, видишь на всѣхъ черненькія платья, или—сѣрыхъ, тусклыхъ цвѣтовъ. Это—не трауръ и не печаль, а просто *серъезность*. Война и работа всѣхъ сдѣлала дѣловитыми и эта дѣловитость все подобрала въ нѣкоторый аскетизмъ, не преувеличенный и спокойный. Нашимъ воинамъ радостно будетъ узнать, если попадетъ этотъ листокъ «туда», или—попадетъ въ руки слишкомъ близкихъ и страдающихъ за нихъ лицъ:—что нѣтъ *дома*, гдѣ не поднялась бы *къ идеалу жизнь вслѣдствіе войны*, и гдѣ бы не болѣли души о нашихъ воинахъ «тамъ».

VI

Иногда получаешь новое и неожиданное впечатлѣніе, выслушивая разсказъ уже о давно извѣстномъ, но—отъ такихъ лицъ, которыя обычно въ историческихъ разсказахъ не участвуютъ. Такъ я пережилъ что-то совсѣмъ неожиданное, выслушавъ передачу разсказа о случившемся съ нею въ

Берлинѣ и затѣмъ вообще въ Германіи и о возвращеніи на родину одной изъ учениц старшихъ классовъ частной гимназіи М. Н. С. въ Петроградѣ. Не зная вѣроятно въ точности, что́ именно случилось съ другими, она передаетъ, что

«все было еще гораздо ужаснѣе, чѣмъ описываютъ и говорятъ. При внезапно сдѣланномъ объявленіи войны, мы очутились какъ выброшенныя моремъ въ какую-то дикую, злобную и враждебную себѣ страну,—не получая ни откуда помощи и не зная, къ кому обратиться. На русскихъ кидались, ругали, кто отвѣчалъ — тѣхъ били. Никуда проѣхать нельзя. Нѣмки иногда были еще грубѣе и жесточе мужчинъ. На слова не отвѣчали, въ разговоръ нельзя было вступить, ни о чемъ нельзя было справиться и узнать. Когда у меня вышли послѣднія деньги въ Берлинѣ, я, не зная, что дѣлать, стала упрашивать управленіе отеля допустить меня въ прислуги, горничною. Тоже, какъ я узнала въ дорогѣ отъ встрѣчныхъ подругъ, дѣлали и онѣ: тоже просились въ горничныя, чтобы было, что ѣсть. Къ счастью, въ самый послѣдній день, я получила черезъ кого-то деньги, присланныя изъ Петрограда родителями. Когда я встрѣтила въ дорогѣ подругу по гимназіи, то мы, только сказавъ другъ другу фамилію, обѣ узнали, что подруги по классу. Такъ мы были измучены и испуганы, что на насъ лица своего не осталось».

Возвратилась ученица какимъ-то совсѣмъ дикимъ путемъ—черезъ Гибралтаръ, и огибая всю Западную Европу — въ Архангельскъ. Гдѣ-то около Англіи

> «германскій крейсеръ, потопившій уже пять англійскихъ пароходовъ, сторожилъ это мѣсто и могъ замѣтить нашъ пароходъ и тоже бы потопилъ. Поэтому капитанъ и команда пустили его во всю силу хода, не обращая вниманія, что была страшная буря. Ночью же потушили огни и мы шли совсѣмъ въ темнотѣ... Волны хлестали черезъ палубу, и мы каждый часъ ждали, что погибнемъ».

О самой Германіи:

> «Тамъ ничего похожаго на наше не было. Когда сдѣлалась мобилизація и потребовали запасныхъ, то жены вцѣплялись въ нихъ и не хотѣли отпустить. Такое полное отчаяніе вездѣ, точно имъ приходилось идти каждому на вѣрную смерть. Плачъ и стоны, злоба и остервенѣніе на начавшуюся войну—стояли вездѣ. Тогда какъ у насъ, я вижу, все спокойно».

Тогда не этимъ ли объясняется германская моментальная озвѣрѣлость? Это—дѣйствіе послѣдняго испуга и *личнаго* послѣдняго *отчаянія*. И это — не изъ лучшихъ для нихъ объясненій: какое-же у нихъ чувство «фатерланда»? Удобная контора, гдѣ «мнѣ тепло», и — чтобы «хозяинъ не без-

покоилъ». Мнѣ передавали наблюдатели изъ глубокихъ провинцій по Волгѣ, что при разставаніи съ запасными нигдѣ не было плача женъ и матерей, — отпускали какъ на «нужное», на «нужную и правую войну». Передавали, напримѣръ, одну сцену:

— Ну, вотъ, миленькій, ты пойдешь нѣмцевъ бить. Хорошенько ихъ поколоти, да только и нѣмочекъ побить тоже не забудь.

Вѣрно у нѣмцевъ баба была въ услуженіи. Мнѣ пришлось жить студентомъ въ нѣмецкой семьѣ. Лично я не видѣлъ ничего кромѣ самаго прекраснаго, и «фрау Констанція» была для мужа, дома и жильца своего совсѣмъ какъ Доротея изъ извѣстной поэмы Гете. Она и любила читать Гете и Шиллера. Но... до чего же они не чувствуютъ *чужого инороднаго* человѣка, напримѣръ, русскаго. У нихъ была кухаркою старуха Афимья, и всякій разъ, когда эта Афимья отдавала купленную провизію на кухню, и пыталась возразить на упреки, что «дорого дала», прелестная Констанція вспыхивала гнѣвомъ и, топая о полъ ногою, говорила:

— Цыцъ!

Никогда *другого слова.* Только это одно собачье обращеніе. Между тѣмъ, она была гуманна, деликатна — къ мужу, ко мнѣ и вообще «кого знала». Была вполнѣ и безукоризненно порядочна. Но вотъ подите-же. Ея мужъ, инспекторъ Московскаго Страхового общества, тоже корректнѣйшій человѣкъ, говаривалъ мнѣ:

— Я изъѣздилъ всю Россію, а вамъ еще 22 года. Вы не знаете русскаго народа. Онъ—вездѣ свинья. Неряшливая и грязная. И—лѣнивая.

Вотъ воззрѣніе. Конечно, онъ не зналъ русскихъ поговорокъ, пословицъ; не зналъ русской пѣсни. И не интересовался. Онъ интересовался только русскими гусями, которые ему заготовляла и откармливала во дворѣ его «Дороѳея», когда онъ бывалъ на долгихъ ревизіяхъ (поѣздки на крупные пожары). И вотъ, пріѣхавъ, онъ также, едва сказавъ «здравствуй», становилъ передъ собой «подъ отчетъ» свою «libe Frau», какъ та—Афимью: она, бѣдная, путалась, конфузилась и оправдывалась, когда онъ, произнося нѣкоторыя строки «Приходо-расходной тетради», укоризненно поднималъ на

нее глаза. Вся милая, въ фартучкѣ, она стояла передъ нимъ, — неизмѣнно стояла. Длилось это часъ и иногда болѣе. Но вотъ все прошло. Вечеръ, гости, — все нѣмцы. Русскій былъ одинъ я. И вотъ тутъ—гусь.

Ахъ, какой былъ гусь. Весь въ маслѣ, съ чудно поджаренной капустой... Весь поистинѣ прекрасный.

Но только гусь. А остальное?

VII

Въ редакцію газеты прислано и редакціею передано мнѣ письмо, — по моему, *трогательнѣйшее*. Оно написано совершенно безграмотно: но вчитываясь въ сплошныя строки его, вездѣ безъ «*ѣ*» и съ пропускомъ многихъ буквъ, я нашелъ, что эта груда рядомъ поставленныхъ словъ, напоминающая харатейныя рукописи древности, представляетъ собственно собою попытку стихотворенія или вѣрнѣе невольное стихотвореніе. И я раздѣляю его на эти приблизительно строфы. Рѣдкое это

стихотвореніе сказано прямо солдатамъ, и пусть наши «солдатушки-ребятушки» прочтутъ это отъ своей «крестьянской сестры». Но надъ нимъ задумается и ему умилится и иной образованный человѣкъ:

«Пусть Божія Матерь съ Покровомъ надъ вами!
Вы, бодры [е] вояки Царя;
Пусть добры [е] сердца не страшатся
Тяжелыхъ [1]) орудій врага!
Вы борствуйте [2]) въ кругу незнакомыхъ,
Чужихъ и друзей,
Когда же наступятъ тяжелыя минуты,
Вы Божію Матерь просите
На помощь скорѣй.
Она дорогая Защитница наша
Спасетъ васъ отъ злого Вильгельма врага.
Утретъ у насъ наши горькія слезы
Какъ плачемъ по васъ мы всегда.
Мы ждемъ не дождемся васъ на родину милу [ю],
Васъ, добрыхъ кормильцевъ своихъ!
Мы вѣруемъ въ Бога и просимъ
Царицу Небесную васъ защитить,
Чтобъ вы намъ вернулись на помощь,
Какъ трудный намъ вѣкъ доживать.
Безъ васъ мы остались, сиротки,
Бездомны по свѣту блуждать.

---

[1]) Въ подлинникѣ «чежолыхъ» *В. Р.*

[2]) Мож. быть «бодрствуйте»? Но можетъ быть и «боритесь», «борствуйте». *В. Р.*

Ахъ, Божія Матерь Царица Небесная,
Накрой ихъ Покровомъ своимъ [1]).
Спаси, сохрани и помилуй
Ты доброе наше войско.
Пусть наша Россія побѣду прославитъ
Надъ подлымъ Вильгельмомъ врагомъ.

Отъ прислуги».

VIII

Цѣлительница-война,—такъ, можетъ быть, будущее назоветъ эту войну 1914-го года... Нѣтъ, это не 2-ая «Отечественная война», какъ въ первыя минуты, въ концѣ іюля, мы назвали-было ее. Она—совсѣмъ другая, въ ней что-то новое. Что?.. Будущее темно, невѣдомо. Дивное сплетеніе ея начала съ полнымъ *отрезвленіемъ народа*, —которое *одно* подобно величайшей *религіозной реформѣ* и недоступно *ни для какой партіи*, ни для какого частнаго усилія, ни для какой власти парламента, и совершилось по строгому слову Старой Царской Власти,—предрекаетъ что-то необыкновенное... Никогда

[1]) Получено стихотвореніе на другой день праздника Покрова Пресвятой Богородицы. *В. Р.*

соціальные реформаторы даже въ мечтахъ не имѣли столько положить въ народную суму, сколько кладетъ эта одна реформа. И насколько одна эта реформа *облагородитъ* все лицо народа... Удивительное сплетеніе! А, между тѣмъ, оно случайно, — ибо сдѣланъ былъ только опытъ «закрыть винныя лавки *на время мобилизаціи*». Но это случайное «закрытіе» вдругъ показало лицо народа въ такомъ необычайномъ свѣтѣ, что трудно было удержаться отъ восторга «порѣшить совсѣмъ». Теперь это «запрещено» со всей неукоснительностью, какъ выдѣлка или торговля фальшивыми кредитками...

И все чудно сплетается въ этой войнѣ... Сплетается какъ-то *особенно*... Даже тамъ, гдѣ мы проливаемъ слезы, гдѣ родители и жены безутѣшно рыдаютъ, историческій глазъ отмѣчаетъ сплетеніе искупительнаго *вѣнка надъ Россіей*... «Все къ лучшему», даже то̀, что̀ такъ страшно... Когда повезли въ Петроградъ тѣла Шувалова, Воеводскаго, Кауфмана, Бобрикова, кн. Кильдишева, братьевъ Катковыхъ, братьевъ Курченино-

выхъ,—и еще другихъ многихъ, качали головами старые,—«*Какъ юноши Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка*, изъ первыхъ аристократическихъ семей, могли поскакать прямо на пулеметы»,—то́ никому не приходило на умъ, что они *дали тонъ войнѣ*, — какъ регентъ «задаетъ камертономъ» тонъ поющему хору... Все—бросилось! Все—за ними! все—*какъ они*!!! И война, съ этого 14-го августа, повелась въ этомъ быстромъ, неудержимомъ, восторженномъ духѣ...

Не благословенна ли ихъ смерть, въ такомъ случаѣ? Родители рыдаютъ и *будутъ рыдать*. Но Россія будетъ *помнить и благословлять*. Ну, а умереть «благословеннымъ всею страною» — это прекрасно и наконецъ это счастливо и для юноши и для старика...

И вотъ также «первымъ подскакалъ» къ непріятелю Олегъ Константиновичъ...

Все—«первымъ», всѣ «впередъ»...

Та Россія,—которая столько десятилѣтій, а въ сущности цѣлое столѣтіе—«плелась» и «отставала»...

Все подымается... Благословенный годъ.

4-ое октября, 3 ч. 35 мин. утра.

IX

Эти послѣдніе дни я получилъ еще нѣсколько писемъ:

а.

«У меня служили рабочими два брата. Въ первую мобилизацію взяли одного, а въ призывъ ратниковъ—и другого. Мать ихъ, также живущая у меня, провожая второго, сказала ему, рыдая: «Сыночекъ, объ одномъ прошу тебя: Царю-то будь вѣренъ».

«Не могу не сообщить вамъ этого прекраснаго слова, за подлинность котораго ручаюсь.

«Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи *Н. Горбовъ*».

Село Покровское, Мценскъ, Орлов. губ.

Это слово одинокой старухи, сказанное сыну при отправленіи на войну,—не сто́итъ-ли фальшивой многоголосицы, какая неслась по Петербургу въ знаменательный день 9-го января (Гапонъ)...

Еще, отъ Гатчинской учительницы:

б.

«В. В.: Извините, если письмо мое не покажется вамъ нужнымъ и напрасно займетъ ваше время; но мнѣ очень хочется написать. Признаюсь, я не всегда вамъ сочувствовала, а

иногда и очень на ваши слова въ печати сердилась; но сейчасъ вы для меня самый родной, самый дорогой писатель:—такъ отчетливо говорите то̀, что̀ переживаемъ теперь мы, тѣ русскіе люди, которые остались дома, защищаемые нашими любимыми, родными воинами; и именно потому, что сейчасъ вы лучше, чѣмъ кто другой, учуяли русское чувство. Я хочу предложить вамъ одну мысль (извините, если на вашъ взглядъ не цѣнную): собрать въ одно цѣлое—въ одну чудную книгу—наши драгоцѣнныя письма съ войны; они вѣдь хранятся въ каждой семьѣ, каждая строка въ нихъ всѣмъ получающимъ кажется такою важною, такою обще-значительною, и я думаю—если бы вы, «нашъ» писатель,—сейчасъ дали бы мысль о «книгѣ писемъ», къ вамъ безъ конца посылали бы подлинныя, точныя копіи ненаглядныхъ страничекъ; какой бы это былъ душевный, подлинный памятникъ великимъ днямъ!—Ваше дѣло—было бы, съ свойственной вамъ яркостью и чуткостью въ извнутреннихъ обобщеніяхъ, — разобрать, распредѣлить, подчеркнуть, договорить недосказанное — словомъ — построить книгу, которая стала бы, думаю, любимѣйшей книгой для насъ, переживающихъ событія, и цѣннѣйшею книгою для будущаго.

«Можетъ быть, вы уже и рѣшили такъ сдѣлать? [1]) Но скажите это намъ, чтобъ всѣ объ-

[1]) Да! да! да! У меня была уже эта мысль. Лучше *говора съ войны* ничего не можетъ быть для *исторіи войны*, для памяти о ея *частностяхъ, подроб-*

единились и помогли бы въ предварительной работѣ.—Меня очень увлекаетъ эта мысль, и, если бы вы ей посочувствовали,—я была бы безконечно рада, и тотчасъ же принялась бы за доставленіе вамъ «матерьяла», если только тутъ умѣстно такое холодное слово.

«Это была бы книга насквозь живая.

Преподавательница средне-учебн. завед.

Е. Н. Н—ва.

Гатчина, 14 сент.»

в.

«Хотя у меня теперь очень мало свободныхъ минутъ, но я не могу удержаться отъ желанія написать вамъ. Я думаю, ни одна душа въ Россіи не могла прочесть хладнокровно, безъ дрожи, безъ слезъ на глазахъ..... напечатанныхъ вами писемъ нашихъ воиновъ. Вы выразили въ статьѣ съ этими письмами именно то̀, что̀ чувствуетъ каждый русскій, когда думаетъ о нашей чудной арміи. Какое счастье сознавать себя русской, имѣть возможность назвать «своими», «родными» всѣхъ этихъ чудныхъ героевъ! Они сражаются тамъ, надъ ними съ зловѣщимъ пѣніемъ разрываются вражескія

ностяхъ. И я очень прошу, кому попадется эта книга, исполнить предложеніе умной и рачительной учительницы,—къ тому же горячей русской женщины,—и присылать мнѣ копіи съ писемъ по адресу: *Петроградъ, Коломенская, д. 33, кв. 21. В. В. Розанову.*

шрапнели, убиваютъ, калѣчатъ ихъ; попадая въ плѣнъ, они подвергаются оскорбленіямъ, на нихъ плюютъ проклятые нѣмцы... Чтобы избѣжать этого ужаснаго плѣна, они предпочитаютъ стрѣляться... Они переносятъ такіе ужасы, а мы можемъ только непрерывно думать о нихъ, страдать душой, ждать съ трепетомъ каждый вѣсточки съ войны, будь то вѣсточка отъ бывшаго курьера (на службѣ), ставшаго солдатомъ, или отъ офицера-улана или летчика. Я получила открытку отъ одного бывшаго сослуживца. Онъ былъ уланскимъ офицеромъ, вышелъ въ отставку, недолго прослужилъ у насъ, какъ началась война. Онъ опять надѣлъ форму, изъ маленькаго невзрачнаго чиновника превратился въ браваго офицера, и пошелъ на войну. Когда онъ прощался съ нашимъ отдѣломъ (на службѣ), никто изъ насъ не догадался спросить его адресъ: прямо никто не думалъ о письмахъ, такъ мало мы были съ нимъ знакомы. И вдругъ онъ присылаетъ мнѣ открытку, гдѣ пишетъ, что, вспоминая съ симпатіей нашъ отдѣлъ, шлетъ мнѣ и всѣмъ нашимъ привѣтъ чуть не съ поля брани. Вы можете себѣ представить, какъ тронула меня эта открытка, какъ безумно сожалѣю, что не знаю названія его воинской части, чтобы послать ему вѣсточку отъ далекихъ сослуживцевъ, сказать ему еще разъ: «храни Васъ Боже! возвращайтесь побѣдителемъ»! Я думаю, что вѣсть отъ родного не тронула бы меня больше, чѣмъ эта открытка».

15 сентября.

«Не послала сразу письмо, а теперь начинаю раздумывать, стоитъ ли посылать: вы, навѣрно, подумаете—«экзальтированная» совсѣмъ стала! Ну, все равно пошлю, думайте, что хотите, а это письмо—порывъ, вызванный вашими изъ души выходящими словами.

Д. Р—ва».

Нѣтъ, это не пустое письмо, а чрезвычайно важное. Это — исторія. Ибо и «мы, *здѣсь*» — имѣемъ также исторію, глубокую *духовную исторію*. Не спросивъ даже адреса у отъѣзжавшаго сослуживца, «такого невзрачнаго», дѣвушка очевидно пылаетъ не личнымъ чувствомъ, а *отечественнымъ чувствомъ*. И пылъ этотъ относится сліянно и къ сослуживцу, и къ *каждому воину*. И воинамъ не можетъ не быть радостно, какъ они *чувствуются въ Россіи*. Слова принадлежатъ прелестной 20-лѣтней дѣвушкѣ, поступившей по смерти отца на службу. Семья — славянофильская.

г.

Глубокоуважаемый В. В.

«Прежде всего низко вамъ кланяюсь. Шлю здоровья на долгіе, долгіе годы.

«Сердечный привѣтъ всему дорогому вашему семейству.

«Давно, давно мечталъ и собирался я вамъ писать,—подѣлиться съ вами своими впечатлѣніями, поговорить съ вами, какъ принято говорить, *по-душѣ*, *по-сердцу*.

«Разсказать — про житье-бытье солдатское; но частые переходы, переѣзды изъ города въ городъ, изъ одного конца Россіи въ другой, лишали меня возможности взяться за перо или карандашъ; конечно, было время, но не было обстановки. Было съ собою нѣсколько открытокъ, но я ихъ посылалъ семьѣ по пути, — на-скорую руку сообщалъ о своемъ здоровьѣ.

«Начну по-порядку. Послѣ мобилизаціи 19 іюля, изъ Петербурга я былъ назначенъ въ Финляндію въ одинъ изъ стрѣлковыхъ полковъ; выѣхали изъ Петербурга 22-го утромъ; эшелонъ— 440 человѣкъ; благополучно добрались до мѣста назначенія. По пути познакомился со многими своими будущими товарищами. Сразу узналъ, увидѣлъ, почувствовалъ, познакомился и подружился со всѣми. Сперва—съ баптистами, съ евангельскими христіанами и вообще съ богоискателями, потомъ и со своими злѣйшими врагами—соц.-демократами. Но мы никто не спорили.

«Всѣхъ соединила одна идея, одна завѣтная мечта, единая воля и единая святая мысль защиты родины, святой Матери-Руси. Куда дѣлись вѣчные споры православныхъ съ сектантами, большевиковъ съ меньшевиками, кадетовъ съ октябристами, правыхъ съ лѣвыми. Какъ рукою сняло все это.

«Въ моихъ ушахъ, въ моей памяти звучали слова манифеста; и невольно вспомнились мнѣ

слова поэта, обращенныя къ толпѣ. Чудо стало:—все сбылось, какъ на яву; сбылись слова пѣсни, которыя маленькимъ ребенкомъ въ сельской школѣ я пѣлъ вокругъ рождественской елки.

«Меня очень радуетъ глубокое сознаніе, которымъ проникнуты всѣ тѣ, которыхъ приходилось и приходится видѣть среди нашего брата, нижняго чина, по отношенію къ войнѣ.

«Нѣтъ вина, нѣтъ брани, нѣтъ слезъ, нѣтъ скверныхъ словъ, не слышишь ни жалобъ, ни ругани; даже вѣчной спутницы русскаго солдатика—гармоники—и той нѣтъ; всѣ сосредоточены, серьезны; больше говоримъ о серьезныхъ дѣлахъ, чѣмъ о пустякахъ.

«Ни пѣть, ни пить никто не думаетъ, а если иногда и запоемъ что̀-нибудь, то что̀-нибудь хорошее, серьезное или-же божественное.

«Раздора нѣтъ; всѣхъ сковала чудотворная воля—побѣдить нѣмцевъ, защитить вѣками порабощенныхъ братьевъ-славянъ, и духовно и экономически выдти изъ плѣна нѣмцевъ.

«Въ Финляндіи пробыли съ лишнимъ мѣсяцъ и теперь ѣдемъ въ дѣйствующую армію, въ самый центръ; но мѣсто секретно, его даже не знаетъ командиръ полка. Ѣдемъ благополучно, безъ всякой пересадки,—и при проѣздѣ черезъ передаточный путь Фин. ж. д. на Никол. ж. д., далѣе на Варш. ж. д., невольно вспомнилъ иниціатора соединенія Фин. ж. д. съ русскими генерала Н. И. Бобрикова. Благодаря его энергіи, громадной волѣ и государственному уму, было положено и осуществлено это важное дѣло.

«При войнѣ съ такимъ опаснымъ врагомъ, какъ Германія, каждая минута страшно дорога.

«Финляндцы относились къ намъ очень корректно, были лояльны, очень предупредительны и вѣжливы. Тоже старой ненависти какъ будто и не бывало. Какъ рукой сняло.

«Въ лавкахъ, при покупкѣ товаровъ, обманывали иногда на курсѣ русскаго рубля, но и то не всегда и не всѣ.

«Теперь они уже охотно идутъ въ ряды русскихъ войскъ, а многіе студенты университета поступаютъ въ офицеры и юнкерскія училища.

«Богъ въ помощь—давно пора!

«Теперь большая разница между службою 10 лѣтъ тому назадъ, когда я первый разъ послѣ дѣйствительной службы былъ уволенъ въ запасъ, и какъ въ настоящее время вижу, вновь принятый. Во всемъ рѣшительно громадная, поразительная перемѣна! Мысленно окидываешь прошлое: вспоминается Севастополь, кремневыя ружья, бездорожица, поголовное безграмотство, тьма и невѣжество. Кампанія 77—78 года. Шипка—Плевна, голодные, оборванные солдаты, разбойники интенданты и поставщики армій, которые грабили днемъ и ночью, заставляя войска страдать и умирать не отъ вражеской пули, а отъ корысти, злоупотребленій и хищничества проклятыхъ поставщиковъ и безсовѣстность чиновъ интендантства. Дальше, японская война, — русская самоувѣренность, «шапками закидаемъ», Куропаткинское сидѣнье; терпѣнье и топтаніе, все назадъ и назадъ. Мукденъ, Цусима, Портъ-Артуръ—все это русское «авось» да «небось»,

«ладно», «наплевать». Шли на войну не со знаменемъ побѣды или смерти, а съ жаждою скоро преходящей человѣческой славы.

«Шли за орденами и крестами, шли безъ любви—*по казенному*. Такъ просто, безъ огня въ душѣ, безъ порыва святого огня, безъ вѣчно движущаго сознанія правоты дѣла. Скажу сильнѣе, т. е. вѣрнѣе,—безъ религіознаго сознанія, безъ экстаза, безъ вѣры; а гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ не можетъ быть и торжества. Все то, что разлагается «на днѣ» [1]) души,—во всемъ этомъ не можетъ быть живого дѣла, не можетъ быть ни побѣды, ни творчества. Помнятся слова Евангелія: «не угашайте духа», не теряйте вѣры, все остальное приложится. Будемъ же вѣрить, и по словамъ Государя—свято помнить «съ крестомъ въ сердцѣ и желѣзомъ въ рукахъ!» Ибо иначе не можетъ быть побѣды.

«Теперь перейду къ событіямъ нашихъ дней, и по своему, какъ Богъ мнѣ на душу положилъ, передамъ вамъ ихъ.

«Была раньше примѣнена пословица: «до Бога высоко, до Царя далеко». По нѣмецкой системѣ учили только маршировать назадъ и впередъ,—становиться во фронтъ и отдавать честь. Стрѣльба, маневры, ученія—необходимыя для войны—были на заднемъ планѣ.

«Сейчасъ не то. Обращеніе совсѣмъ другое: вѣжливость, корректность, уваженіе къ человѣческой личности—на первомъ планѣ. Занятія серьезныя, толковыя, безъ глупыхъ напрасныхъ

---

[1]) Бумага размокла и слова не разобралъ. *В. Р.*

примѣчаній, безъ пинковъ и пощечинъ. Видно, что многому-многому научили прошедшіе годы.

«Слѣды мощнаго народнаго представительства, слѣды работъ законодательныхъ палатъ— видны по каждому шагу; вездѣ видно уваженіе къ дѣлу и сознаніе отвѣтственности передъ родиною.

«Ни кто не прячется за чужую спину, каждый отдаетъ свое умѣніе и силы съ сознаніемъ.

«Воровства—не видать, кормятъ—хорошо; не знаю, можетъ быть бываютъ какія-либо сдѣлки, но наружныхъ слѣдовъ не видать. Я очень интересуюсь этимъ, такъ какъ для одного члена Государственной Думы собираю матеріалъ. Что дѣлается вообще въ тылу—до насъ не доходитъ; какихъ-либо газетъ и писемъ давно не видѣли и не читали. Одѣты тоже очень прилично, все новые мундиры — брюки, сапоги и другія вещи сшиты хорошо, и матеріалъ доброкачественный; всюду видна заботливость, всего вдоволь, каши, чаю, сахару,—а щи настолько хороши и вкусны, что, я думаю, многіе-многіе петербургскіе господа не отказались бы попробовать; да и наши офицеры пользуются за одно, и 3 ротныхъ командира; всѣмъ всего хватаетъ; не знаю, какъ впередъ будетъ.

«Конечно, нельзя — было бы преступленіемъ требовать --на передовую позицію всего этого: для этого—и солдаты, что-бы иногда терпѣть лишенія, если этого требуетъ обстоятельство [1]);

[1]) Удивительное разсужденіе, впервые мнѣ попавшееся *въ литературѣ* (миндали): «на *тó онъ и солдатъ*, чтобы иногда *потерпѣть*, *быть въ лишеніи*

будемъ живы и здоровы и снова заживемъ въ мирной обстановкѣ безмятежно—чередуя трудъ съ отдыхомъ, физическую работу съ религіозными исканіями; а теперь—за дѣло—за родину.

. . . .

. . . . [1]

«Бываютъ минуты, когда тоска охватываетъ все существо, т. е. съ ногъ до головы,—тоска, грусть о горячо любимой женѣ, о дѣтяхъ — ласкающихся и играющихся—о возлюбленныхъ дѣтяхъ. Вся радость и опора, и даже временемъ кажется, что весь смыслъ жизни остался тамъ, въ жестокомъ безсердечномъ Петербургѣ, гдѣ люди и не чувствуютъ, и не хотятъ знать ни чужого горя, ни чужой души.

для родины». Я сперва не могъ ни разобрать, ни понять въ письмѣ,—до того̀ не привычна была эта не интеллигентная, а *народная мысль*. Какъ она нова и прекрасна!! «Должны *и лишенія терпѣть*»,—вотъ онъ страдалецъ-государственникъ народъ! Какое спокойствіе, разумность!! По-истинѣ, Цари наши *съ народомъ* строили Царство свое, профессора же юристы и мы, интеллигенція, тутъ «не при чемъ». Потому-то народъ такъ и любитъ Царей, что *помогалъ имъ*; помогалъ вотъ подобными мыслями, да и просто фактомъ терпѣнія, любви и преданности. Отъ этого народъ такъ любитъ Русское Царство,—какъ свой домъ, гдѣ *и онъ былъ плотникомъ*; а интеллигенція его ненавидитъ, потому-что только раззоряла этотъ домъ,—и ни «дощечки» отъ нея въ этотъ домъ не положено. Чужіе люди. *В. Р.*

[1]) Двѣ строки точекъ въ письмѣ. *В. Р.*

«Бѣдную свою семью я оставилъ безъ всякихъ средствъ.

«Хотя я и зарабатывалъ много, но много коекому и помогалъ, въ особенности—*лѣвой идейной братіи*; не буду указывать именъ,—это неприлично ни для тѣхъ, ни для меня. Потерплю.

«Когда я прощался съ семьею на В. ж. дор., я указалъ женѣ, въ случаѣ безвыходной нужды, обратиться съ просьбою.—Я указалъ ей рядъ фамилій извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, гласныхъ думы, членовъ Г. Думы, а также и знакомыхъ писателей,—она махнула рукою, горько улыбнулась, но невольно сами собою крупныя красивыя горячія слезы полились изъ ея глазъ. Я старался успокоить, какъ только могъ и умѣлъ; оказывается, она ужъ была въ то время, когда я находился въ Финляндіи, — обращалась ко многимъ и многимъ, къ кому—лично, къ кому—съ письмомъ, но повсюду ее гнали и гонятъ до сихъ поръ. Такъ напримѣръ съ квартиры . . .
. . . . [1]) выгнали три раза, два раза кухарка, а третій разъ самъ баринъ. Въ конторѣ одной газеты она стояла четыре дня—(во дворѣ), подъ проливнымъ дождемъ,—и также выгнали, не давъ ни мѣдной копѣйки на черствый хлѣбъ.

«А одинъ общественный дѣятель, членъ Городской Управы, который посредствомъ печати предлагалъ женамъ запасныхъ работу: а когда моя жена указала, что она не въ состояніи работать по своей физической силѣ предла-

---

[1]) Названо имя знаменитаго во всей Россіи общественнаго дѣятеля и богача. *В. Р.*

гаемую работу,—то почтенный господинъ ей громко замѣтилъ:—«Ахъ, вы, сударыня, бѣлоручка, идите на легкую работу—на Невскій проспектъ», т. е. проще сказать—идите торговать своимъ тѣломъ, благо смазливое личико.

«Конечно, моя жена плюнула и ушла; но я очень жалѣю, что она не ударила его по мордѣ;—живъ буду, я разсчитаюсь съ этимъ господиномъ, ей Богу.

«Съ голоду, конечно, не умретъ; найдутся добрые люди,—а, прежде всего, своя энергія и большая честная воля. Найдутъ работу и хлѣбъ, свѣтъ не клиномъ сошелся,—не все Петербургъ. Можно найти людей и въ другомъ мѣстѣ и заработать кусокъ честнаго насущнаго хлѣба.

«Да и съ казенными пайками творится неладное. Даютъ какъ попало, но прежде всего—мало для Петербурга; тѣмъ болѣе, квартирный вопросъ—ножъ острый: не столько думается о хлѣбѣ, сколько о жилищѣ. Домовладѣлецъ человѣкъ богатый, а съ квартиры гонитъ;—въ одно къ одному и умеръ сынъ. Бѣдный хворалъ долго; хорошо, что Богъ убралъ, взялъ къ Себѣ существо, которое по рукамъ и ногамъ связывало жену; а дѣвочки ужъ большія, ихъ можно оставить на день у кого-нибудь. Не вѣритъ моя жена въ общественную помощь; все она толкуетъ,—и понимаетъ, что всѣ тѣ, которые пишутъ въ газетахъ,—жертвуютъ ради славы и почести—очень далеки отъ помощи. Во всѣхъ учрежденіяхъ, куда ей приходилось заходить и искать помощи,—больше видѣла свѣтскаго флирта и пренебреженія къ своимъ

обязанностямъ. Эти господа отъ скуки ради занимаются филантропіею—губя Христово христіанство, Христову правду, Христово дѣло.

«— Язычники по дѣламъ и по вѣрѣ. Прощайте, дорогой Василій Васильевичъ, цѣлую васъ. Преданный вамъ бывш. С.-Р.—[1]). Простите за ошибки, очень торопился».

2 сентября. Вагонъ № Пр. ж. дороги.

Фамилія на письмѣ густо зачеркнута,— и я только могу догадываться о ней. На письмѣ штампъ краской: «Изъ дѣйствующей арміи». На послѣдней страницѣ письма, пересланнаго не по почтѣ, а «съ акказіей», карандашомъ приписка: «А православные батюшки все говорятъ да говорятъ—«терпите, терпите,—чѣмъ темнѣе здѣсь, тѣмъ свѣтлѣе тамъ, на небѣ»—какое кощунство!»

Письмо въ разнообразныхъ отношеніяхъ интересно и важно. Въ благотворительности, конечно, есть много нарядныхъ одеждъ; вся благотворительность должна-бы идти народнѣе, тусклѣе, сѣрѣе, обыденнѣе. Она должна идти повсемѣстнѣе,

---

[1]) ... «бывшій соціалъ-революціонеръ»;—отсюда въ началѣ письма: «со своими смертельными врагами (встрѣтился)—соціалъ-*демократами*». *В. Р.*

«вотъ—*тутъ*, въ *своемъ уголкѣ*». Нельзя не придти къ мысли опять же о «своемъ братѣ» около народа, о священникѣ, отцѣ діаконѣ и старинномъ дьячкѣ; нельзя не вспомнить въ нуждѣ и о древнихъ діакониссахъ. Вообще нельзя не подумать о приходѣ. На тему письма этого отвѣчаетъ письмо, мною полученное еще въ пору мобилизаціи, когда только выбрали изъ населенія «запасныхъ». Вотъ оно:

X

«Спѣшу послать вамъ воззваніе священника приходской Благовѣщенской церкви въ г. Зарайскѣ, отца Сергія Тимофеевича Субботина, сказанное имъ вчера во всенощную, передъ шестопсалміемъ, и сегодня въ обѣдню послѣ Евангелія. Приходъ нашъ бѣденъ, никто не былъ подготовленъ къ призыву на пожертвованіе, а вчера за всенощной, по случаю дождя, народу почти не было: и все таки въ два раза было собрано семь рублей девяносто копѣекъ. Это для нашего прихода сборъ значительный. Но въ призывѣ отца Сергія, по моему мнѣнію, наибольшее значеніе имѣетъ обѣщаніе, что причтъ войдетъ въ сношеніе съ Уѣзднымъ Воинскимъ Начальникомъ, черезъ него узнаетъ, въ какія части войскъ направлены наши прихожане, и будетъ сообщать находящимся на службѣ о помощи, которая будетъ оказываема

ихъ семьямъ. Важно также предложеніе причта своихъ услугъ семейнымъ, призваннымъ на службу, для сношеній съ ними; важно приглашеніе, чтобы прихожане сами указывали нуждающихся; и обѣщаніе каждую недѣлю сообщать какъ о томъ, что̀ пожертвовано, кому, въ какомъ размѣрѣ пособіе оказано, такъ и о ходѣ событій на полѣ брани.

«Я считаю это важнымъ потому, что если примѣру отца Сергія послѣдуютъ и другіе настоятели приходовъ, то дѣятельность прихода, вызванная войною, не послужитъ-ли началомъ жизнедѣятельности приходовъ, которую едва ли возможно возбудить однимъ обращеніемъ прихода «въ юридическое лицо, съ правомъ пріобрѣтать и распоряжаться всякаго рода имуществомъ». Мы вообще мало вниманія обращаемъ на имущество свое и не свое, и едва-ли обращеніе прихода въ юридическое лицо пробудитъ въ насъ особое расположеніе къ заботѣ о церковно-приходскомъ имуществѣ, едва ли это возбудитъ приходскую жизнедѣятельность. Нельзя не отмѣтить также, что юридическое и экономическое не только ничего общаго съ церковнымъ, религіознымъ не имѣетъ, но, по словамъ Н. Ѳ. Ѳедорова, на стр. 369, I т. «Философіи общаго дѣла»—«*юридическое и экономическое есть мерзость передъ Тріединымъ Богомъ и многоединымъ человѣческимъ родомъ*», такъ какъ юридико-экономическое противоположно родственному, т. е. нравственному,—противоположно братству и отечеству.

«Душевно вамъ преданный *Н. Петерсонъ*».

«27 іюня 1914 года—память св. цѣлителя-Пантелеймона: не исцѣлитъ-ли онъ отъ столбняка, въ котороиъ находится наша приходская жизнь? Прошу васъ, прочтите изъ I-го тома нѣсколько страницъ, начиная съ 297-й и кончивъ на стр. 301-й словами: «и разсмотрѣть дѣйствіе литургіи въ этомъ небольшомъ кругу, коего численность опредѣляется возможностью личнаго знакомства всѣхъ его членовъ и отъ надлежащаго устройства коего зависитъ строй всей церкви». Прочтите до конца 301-й страницы, сдѣлайте мнѣ это одолженіе, всего пять страницъ».

Вотъ самая проповѣдь отца Сергія Субботина касательно помощи семействамъ запасныхъ. Читатель обратитъ вниманіе на теплоту, конкретность и реальность:

«Христолюбивые и братолюбивые прихожане! Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: «потому узнаютъ всѣ, что вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собою» (Іоан. XIII, 35). Наступившія событія испытываютъ, точно-ли мы ученики Христа, любимъ-ли мы другъ друга, готовы-ли на дѣлѣ доказать свою любовь къ братьямъ нашимъ, призваннымъ положить душу свою за насъ, за наше спокойствіе, за наше благоденственное и мирное житіе. Вы уже знаете, что наше отечество, наша Русь Святая, не смотря на крайнее миролюбіе нашего Государя, вовлечена въ войну съ нѣмецкими государствами, Германіею и Австріею. Дѣло началось съ того, что Австрія предъявила къ брат-

скому намъ народу сербскому, освобожденному нами отъ турецкаго ига, такія требованія, исполненіе которыхъ равнялось-бы полному подчиненію нынѣ свободной Сербіи нѣмецкому владычеству. Тогда Государь нашъ, внушивъ сербамъ исполнить всѣ требованія Австріи, за исключеніемъ тѣхъ, которыя обратили бы ихъ въ совершенныхъ рабовъ нѣмцевъ, обратился и къ Австріи съ увѣщаніемъ умѣрить свои требованія. Сербія послѣдовала совѣту нашего Государя; но Австрія дерзко отвергла посредничество нашего Государя и объявила Сербіи войну, надѣясь превосходствомъ военныхъ силъ своихъ быстро раздавить небольшую страну. Это вынудило нашего Государя, не объявляя Австріи войны, призвать на службу часть запасныхъ, въ надеждѣ остановить этимъ нападеніе Австріи на Сербію. Тогда выступилъ Вильгельмъ, императоръ Германіи, и потребовалъ, чтобы Государь нашъ отмѣнилъ свое распоряженіе о призывѣ запасныхъ, угрожая войною, если это не будетъ исполнено въ теченіе двѣнадцати часовъ. Отвѣтомъ на такое въ высшей степени грубое и дерзкое требованіе было распоряженіе о призывѣ запасныхъ со всей Имперіи нашей; и нѣмцы, давно уже задумавщіе напасть на насъ и только ждавшіе къ тому предлога, объявили намъ войну.

«У призванныхъ запасныхъ остаются семьи,— и многія безъ всякихъ средствъ къ существованію. Долгъ передъ защитниками нашими отъ нѣмецкаго порабощенія требуетъ, чтобы мы приняли на себя заботу объ ихъ семьяхъ. Заботою объ ихъ семьяхъ мы выразимъ нашу

признательность, нашу любовь къ защитникамъ нашимъ, и дадимъ имъ увѣренность, что семьи ихъ ни въ чемъ нужды терпѣть не будутъ. Такая забота о семьяхъ защитниковъ нашихъ и въ нихъ возбудитъ любовь къ намъ и воодушевитъ ихъ въ борьбѣ съ врагомъ. Казна будетъ ежемѣсячно давать женѣ и дѣтямъ призванныхъ на службу, а также и всѣмъ ближайшимъ родственникамъ ихъ, бывшимъ на ихъ содержаніи, стоимость 1 п. 28 ф. муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли и 1 ф. постнаго масла, при чемъ дѣти не старше 5-ти лѣтъ будутъ получать половину, а достигшіе 17 лѣтъ будутъ получать казенное пособіе лишь въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что къ труду они не способны. Однако, это пособіе можетъ удовлетворить лишь самыя насущныя потребности и не можетъ быть выдано тотчасъ же, въ виду необходимости соблюденія разныхъ формальностей. Мы же должны позаботиться, чтобы семьи нашихъ защитниковъ не испытали нужды при самомъ разставаніи со своими кормильцами,—и, по возможности, скрасить ихъ существованіе.

«Изъ нашихъ прихожанъ, взятыхъ на службу, наиболѣе нуждаются семьи нашего церковнаго сторожа Матвѣйюка, семьи Муравьева, Трусова, Кузнецова и Цыганкова; у послѣднихъ остались жены и малолѣтніе дѣти, а Муравьевъ—вдовецъ; 3-хъ лѣтнюю дочь его взяли въ пріютъ, а 5-ти лѣтній сынъ его остался на рукахъ старухи-матери, у которой на рукахъ еще два внука, 15-ти и девяти лѣтъ.—Правда, у нихъ есть усадьба съ постройками, которыя

могутъ быть отданы въ наемъ, но все это заложено, и съ уходомъ ихъ кормильца они лишаются 20 — 25 рублей въ мѣсяцъ. И вотъ всѣмъ этимъ пяти семействамъ необходима немедленная помощь,—въ распоряженіи же церковнаго причта имѣется на этотъ предметъ лишь десять рублей, изъ которыхъ, съ согласія жертвователей, было выдано женѣ церковнаго сторожа Матвѣйюка—5 руб., матери Муравьева—3 руб., и женѣ Трусова—2 руб. Больше средствъ нѣтъ, а потому причтъ церковный и обращается ко всѣмъ прихожанамъ восполнить недостающее, а также указать—нѣтъ-ли и еще нуждающихся въ помощи семей призванныхъ на службу изъ прихожанъ нашей церкви. Причтъ обратится къ Уѣздному Воинскому Начальнику за свѣдѣніями, кто изъ нашихъ прихожанъ въ какую часть войскъ назначенъ, и—сообщить находящимся на службѣ о томъ пособіи, которое будетъ оказано ихъ семьямъ; семейные призванныхъ, которые плохо владѣютъ грамотой, если пожелаютъ дать вѣсть о себѣ своимъ роднымъ, находящимся на службѣ, пусть обращаются къ причту и причтъ укажетъ имъ человѣка, который напишетъ имъ письмо и отправитъ по назначенію. Каждый воскресный день будетъ сообщаться, сколько собрано въ пособіе семьямъ находящихся на службѣ, и кому, въ какомъ размѣрѣ пособіе оказано. Каждую недѣлю будетъ сообщаться также и о томъ, чтò произошло на полѣ брани. До сихъ поръ ничего особенно важнаго не произошло: австрійцы напали на сербовъ еще 16-го іюля; въ этотъ день они

начали бомбардировать столицу Сербіи, Бѣлградъ, который находится на правомъ берегу Дуная, при впаденіи въ эту рѣку—Савы. На другомъ берегу Дуная, противъ Бѣлграда,—австрійскій городъ Землинъ: изъ этого своего города австрійцы и бомбардируютъ Бѣлградъ. Но до сихъ поръ, не смотря на громадное превосходство силъ, австрійцы не могли перейти черезъ Дунай и вторгнуться въ Сербію. Всѣ семь попытокъ ихъ переправиться черезъ Дунай сербами были отбиты, а сами сербы уже вступили въ Австрію.—На нашей границѣ съ Германіею ничего важнаго не произошло, такъ какъ Германія объявила войну и Франціи, и, по-видимому, главныя силы свои намѣрена направить сначала на Францію, и, разбивъ Францію, всѣми своими силами обрушиться на насъ. Но справиться съ Франціею не будетъ, кажется, такъ легко, какъ это думали нѣмцы; съ первыхъ же шаговъ они наткнулись на крѣпость Льежъ, и, положивъ подъ этою крѣпостью восемь тысячъ человѣкъ, они не завладѣли ею. Задержка подъ Льежемъ даетъ возможность французамъ сосредоточить большія силы. Можетъ быть и англичане успѣютъ придти къ нимъ на помощь, такъ какъ нѣмцы въ войнѣ не съ нами лишь и Франціею, а также и съ Англіею и съ Бельгіею; они обидѣли и многія другія страны,—такъ что можно надѣяться, что черезъ недѣлю мы будемъ имѣть еще болѣе утѣшительныя вѣсти съ поля брани».

26 іюля 1914 г.

Г. Зарайскъ, Рязанской губерніи.

Дѣйствительно, такое отношеніе приходскаго батюшки къ своимъ прихожанамъ— соединяетъ всѣхъ ихъ въ близкую, теплую семью, гдѣ никому не холодно, гдѣ каждый поданный кусокъ хлѣба попадаетъ въ голодный ротъ; и—гдѣ нѣтъ мѣста тщеславію уже потому, что все это никому, кромѣ самихъ прихожанъ, не извѣстно.

XI

Я позволю себѣ привести еще письмо, изъ дней начала войны... Пишетъ мать четырехъ сыновей, отправившихся офицерами на войну,—пишетъ естественно въ мысляхъ, что не всѣ-то *четверо* вернутся къ ней живы и цѣлы:

«П—но. Тульской губ.

«20-го августа 1914 г.

«А если бы вы, Василій Васильевичъ, видѣли, какъ вижу я въ глуши деревни, *трезвые* «престольные праздники»—то ваша статья [1]) была-бы еще горячѣе.

---

[1]) «Кто побѣдитъ Зеленаго Змія»—въ «Нов. Вр.». *В. Р.*

«Народъ недоумѣвалъ и какъ-то смущенно спрашивалъ: «чѣмъ-же мы гостей-то угощать будемъ?» Подъ «угощеніемъ» подразумѣвается конечно, водка,—и безъ водки какъ-же? чѣмъ-же? И вотъ теперь, вмѣсто трехъ дней отчаяннаго пьянства, какъ бывало (часто начиная съ самого батюшки и кончая чуть не трехлѣтними ребятами),—во время котораго совершались драки и всякія безобразія,—праздники къ вечеру кончались. Прислуга, живущая у помѣщиковъ, и рабочіе—вечеромъ уже были на мѣстахъ. Нѣчто небывалое.

«Вообще въ деревняхъ тишина и серьезность трогательныя. Бабы въ церковь надѣваютъ не яркіе наряды, а темные—больше все черные съ бѣлымъ—особенно головные платки.

«Старосты, десятскіе тѣхъ волостей, которые подчинены земскому начальнику, у котораго я сейчасъ нахожусь (мой сватъ)—поражаютъ своей серьезностью, своимъ отношеніемъ къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ, и сильно вліяютъ на народъ. Къ несчастью, со стороны здѣшняго священника никто ничего не видитъ (онъ братъ Ев—ія). Этотъ деревянный, недобрый человѣкъ, къ тому-же пьющій, никакъ не откликнулся на свершающіяся событія; даже передъ запоздалымъ молебномъ о дарованіи побѣды—онъ ни слова не сказалъ прихожанамъ. И бабы—это было простое воскресенье и кромѣ нѣсколькихъ бабъ никого въ церкви не было—не поняли, «чей» это молебенъ. А молебенъ этотъ онъ «отвалялъ» скорѣе, чѣмъ обыкновенно.

«За обѣдней теперь, когда молитвы о православномъ воинствѣ особенно нужны, особенно трогаютъ,—онъ особенно ихъ быстро читаетъ; вотъ, кажется, сталъ-бы на его мѣсто и такъ бы вознесъ ко Господу эту молитву о «христолюбивомъ воинствѣ»—что всѣ зарыдали бы.

«Отъ «страждущихъ и плѣненныхъ»—у него ничего не осталось: проглотилъ—и перекреститься не успѣешь, а не тò что въ землю долгимъ поклономъ за этихъ плѣненныхъ поклониться.

«Мои четыре воина съ радостью пошли на встрѣчу врагу за родину, за славу, за честь,—постоять.

«Уланъ мой, уходя, писалъ мнѣ: «Какъ ты, дорогая мамуля, должна быть счастлива и горда, что всѣ твои 4 сына идутъ на защиту родины. Не даромъ ты насъ родила и не даромъ казна насъ кормила».

«Съ тѣхъ поръ, какъ *все это* началось, я какъ-бы постоянно сердцемъ мысленно стою на колѣняхъ,—и не здѣсь на землѣ, а гдѣ-то выше. Съ воздѣтыми къ небесамъ руками я повторяю: «да исполнится воля Твоя». Какое время! И какъ нуженъ былъ огонь и кровь, чтобы многое очистить. Многое уничтожить и много хорошаго породить. Да будетъ воля Твоя, Господи!

«Поклонъ вамъ, Варварѣ и со чада.

Н. Л. Ив—а».

И это письмо,—дворянки, помѣщицы, собирающей по французскимъ и русскимъ

государственнымъ архивамъ исторію художественныхъ и ремесленно-художественныхъ сношеній между Россіей и Франціей (эпоха Петра Великаго и позднѣе) — тоже пусть ляжетъ засохшимъ цвѣткомъ въ стогъ душистаго сѣна, которымъ мы дышемъ эти дни и мѣсяцы. Я не выпустилъ печальныхъ словъ о священникѣ, — ибо мы совсѣмъ запутаемся, если не будемъ передавать во всѣхъ направленіяхъ—одну правду. На нивѣ произрастаетъ и пшеница и плевелы, и хлѣбъ и короста, но будемъ вѣрить и даже будемъ помнить только—пшеницу.

XII

Это было лѣтъ одиннадцать тому назадъ. Я брелъ по Вознесенскому или Воскресенскому проспекту (къ Шпалерной) и былъ погруженъ въ тѣ думы или мечты, въ какихъ всегда пребываютъ литераторы. Былъ чудный день, 6-ой часъ. Теплота. Сушь. Почти пустынная тихая улица.

Шелъ я, опустивъ голову,—когда, съ какой минуты—не знаю, что-то начало без-

покоить мой слухъ. Но какъ это было какое-то шуршанье, «что́-то», вообще не угрожающее, съ чѣмъ-бы мнѣ столкнуться,— то я шелъ не поднимая головы, «въ плѣну воображенія». Это воображеніе было далеко отъ Петербурга, отъ Россіи, гдѣ-то «въ небесахъ» и между «землей». Гдѣ рѣютъ ангелы и «прогуливаются» писатели...

Безпокойство въ ухѣ все возростало. Но «сладость плѣна» была велика и я не поднималъ головы, увѣренный, что «днемъ не задавятъ»... «Что́-же можетъ случиться»?— «я иду по тротуару, правильно»...

Шуршанье стало переходить въ шумъ, гулъ,—неясный, далекій... Ближе, ближе... Когда, увидавъ мелькающія ноги около своихъ ногъ,—я наконецъ поднялъ голову.

Почти наваливая на тротуаръ, шла конница. Совсѣмъ необыкновенная.

Гимназистомъ отъ покойнаго брата я слышалъ однажды разсказъ, что въ войскахъ гвардіи есть одинъ особенный полкъ: въ него набираются исключительно солдаты непомѣрной величины, и чтобы лицо было непремѣнно уродливое. Можетъ быть, братъ въ чемъ-нибудь ошибался или преувеличи-

валъ, но я не запомнилъ-бы самаго разсказа, еслибъ въ немъ не было этой поразившей меня отмѣтины: «безобразныя лица», что-нибудь свирѣпое, какой-нибудь носъ, «глазищи»,—и тогда «годенъ»

— «Это идетъ *тотъ полкъ*», подумалъ я. Лошади были такой величины, что, я думаю,—спина выше моей головы. И на нихъ огромные, некрасивые—и неловкіе и ловкіе—солдаты. Они были «ловки» по существу военнаго, и «неловки»—потому-что какъ-же при такомъ ростѣ?

Шли они очень близко къ тротуару наваливая на него,—почти. И я не отрицаю, что часть моего впечатлѣнія обязана происхожденіемъ этому обстоятельству. Но это мнѣ пришло на умъ потомъ. Теперь-же...

Я все робко смотрѣлъ — прямо передъ собою—на эту нескончаемо идущую вереницу тяжелыхъ всадниковъ, изъ которыхъ каждый былъ такъ огроменъ сравнительно со мною!—и ихъ такое множество, кажется—никогда не кончатся... Малѣйшая неправильность движенія—и я раздавленъ. Конечно, я зналъ, что этого не произойдетъ. И, между тѣмъ, чувство своей подав-

ленности болѣе и болѣе входило въ меня. Я чувствовалъ себя обвѣяннымъ чужою силою,—до того огромною, что мое «я» какъ-бы уносилось пушинкою въ вихрь этой огромности и этого множества....

Идутъ, идутъ, идутъ...

И не кончаются...

Стройные, стойкіе, огромные, безобразные...

Когда я вдругъ началъ чувствовать, что не только «боюсь» (это опредѣленное чувство было), но—и обвороженъ ими,—зачарованъ страннымъ очарованіемъ, которое только одинъ разъ—вотъ *этотъ*—испыталъ въ жизни. Произошло странное явленіе: преувеличенная *мужественность* того, что было передъ мною,—какъ-бы измѣнило структуру моей организаціи и отбросило, опрокинуло эту организацію—въ женскую.

Я почувствовалъ необыкновенную нѣжность, истому и сонливость во всемъ существѣ... Сердце упало во мнѣ—любовью... Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы они были еще огромнѣе, чтобы ихъ было еще больше... Ни на чье *лицо* я не глядѣлъ, да и лица «мелькали», каждое видно было только

секунду... Чувство мое относилось къ массѣ, притомъ столько-же людей, какъ и лошадей... Этотъ колоссъ физіологіи, колоссъ жизни и должно быть источниковъ жизни—вызвалъ во мнѣ чисто женственное ощущеніе безвольности, покорности, и ненасытнаго желанія «побыть вблизи», видѣть, не спускать глазъ... Опредѣленно — это было начало влюбленія дѣвушки.

Волны все шли... Этотъ однообразный гулъ... Эти «ни на что на взирающія» лица... Какъ они горды, *самостоятельны*,—именно тѣмъ, что ни на кого не смотрятъ... Суть арміи, что кромѣ полководца—она никого не видитъ, не знаетъ...

Суть ея въ великой самодовлѣемости...

. . . .

. . . .

Я вернулся домой весь въ трепетѣ. Чтобы сохранить въ себѣ «это», я ни съ кѣмъ не разговаривалъ нѣкоторое время. Мнѣ кажется, я соприкоснулся съ нѣкоторою тайною міра и исторіи, вообще неизвѣстною. Передамъ, какъ она сказалась у меня въ шопотахъ:

— Что̀ женская красота, «милое личико» и т. под.,—что̀ красота одеждъ, и, наконецъ, мертвая недвижная красота зданій, дворцовъ, соборовъ...

— **Сила**—вотъ одна красота въ мірѣ... около которой только «подобится» чему-то всякая другая красота...

— **Сила**—она покоряетъ, передъ ней падаютъ, ей наконецъ—молятся... Молятся вообще «слабые»,—«мы», вотъ «я на тротуарѣ»...

— Въ **силѣ** лежитъ тайна міра, такая-же какъ «умъ», такая-же какъ «мудрость»... Можетъ быть, даже такая-же какъ «святость»... И, во всякомъ случаѣ, она превосходнѣе «искусствъ и изящнаго»...

— Но суть ея—не что̀ она «можетъ дробить», а—другое. Суть ея—въ очарованіи. Суть, что она **привлекаетъ**. «**Силою** солнце держитъ землю, луну и всѣ планеты».—Не «свѣтомъ» и не «истинною», а что оно—**огромнѣе** ихъ...

— **Огромное, сильное...**

Голова была ясна, а сердце билось...

Какъ у женщинъ.

Суть арміи, что она всѣхъ насъ пре-

вращаетъ въ женщинъ, слабыхъ, трепещущихъ, обнимающихъ воздухъ...

Однимъ — болѣе, другимъ — менѣе; но *сколько-нибудь*—каждаго...

И почти скажешь словомъ Пѣсни Пѣсней:

«Гдѣ мой возлюбленный?... Я не нахожу его... Я обошла городъ и не встрѣтила его...».

СОЧИНЕНІЯ В. В. РОЗАНОВА:

Уединенное. Почти на правахъ рукописи. Спб. 1912 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Опавшіе листья. Спб. 1913 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Среди художниковъ. Съ портретами. 1914 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Литературные изгнанники. Томъ первый. Съ портретомъ. 1913 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Итальянскія впечатлѣнія. Римъ.—Неаполитанскій заливъ.—Флоренція.—Венеція.—Съ рисунками Л. С. Бакста и тремя видами Пестума. Спб. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Обонятельное и осязательное отношеніе евреевъ къ крови. 1914 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ сосѣдствѣ Содома (истоки Израиля). 1914 г. Цѣна 30 к.

«Ангелъ Іеговы» у евреевъ (истоки Израиля). 1914 г. Цѣна 30 к.

Европа и Евреи. 1914 г. Цѣна 40 к.

Письма А. С. Суворина къ В. В. Розанову. Съ портретомъ. Цѣна 2 р.

Темный ликъ. Метафизика христіанства. 1911 г. Ц. 2 р. 50 к.

Люди луннаго свѣта. Метафизика христіанства. Изд. 2-е (увеличенное на 95 страницъ). Спб. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ослабнувшій фетишъ. Психологическія основы русской революціи. Спб. 1906 г. Цѣна 20 к.

Когда начальство ушло. Очеркъ русскихъ событій 1905—1906 гг. Спб. 1909 г. Ц. 2 р.

О подразумѣваемомъ смыслѣ нашей монархіи. Спб. 1912 г. Цѣна 80 к.

Русская церковь. Духъ. Судьба. Ничтожество и очарованіе. Главный вопросъ. Спб. 1909 г. Цѣна 40 к.

Тоже. Перев. на нѣмецкій языкъ. (Въ сборникѣ «Russen ueber Russland). Франкфуртъ на / М.

Тоже. Переводъ на итальянскій языкъ. Миланъ.

Vassili Rosanov. L'Eglise Russe. Traduit avec l'autorisation de l'auteur par **N. Limont Saint-Jean & Denis Roche.** Paris 1912.

Около церковныхъ стѣнъ. 2 т. Цѣна каждаго тома 2 р.

Апокалипсическая секта. Хлысты и скопцы. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Н. Толстой и русская церковь. Спб. 1912 г. Цѣна 30 к.

Библейская поэзія. Спб. 1912 г. Цѣна 50 к.

Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Семейный вопросъ въ Россіи. Два тома. Съ египетскими рисунками. Спб. 1903 г. Цѣна 4 р. 50 к.

Мѣсто христіанства въ исторіи. Изд. 3-е. Спб. 1906 г. Ц. 20 к.

Мѣстото на хрістіанствoто въ историята. Отъ В. В. Розановъ. Прѣводъ на болгарскій языкъ отъ Русски подъ редакцията на Д. Божковъ. Библіотека «Духовна Пробуда». Пловдинъ. 1906 г.

Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго коментарія. Съ приложеніемъ двухъ этюдовъ о **Гоголѣ.** Изд. 3-е Спб. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Литературные очерки. Цѣна 1 р. (распроцано).

Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Изданіе П. П. Перцова. Ц. 1 р. (распродано).

Природа и исторія. Сборникъ статей. Изд. 2-е П. П. Перцова. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. (распродано).

Религія и культура. Сборникъ статей. Изд. 2-е П. П. Перцова. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. 20 к. (распродано).

О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки какъ цѣльнаго знанія. Москва. 1886 г. Цѣна 5 р. (распродано).

Цѣна 1 руб.

